

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Август 2023 Том 22 № 3

Специальная тема номера:
**ГОРОДА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 22 No. 3 AUGUST 2023

Special Theme of the Issue:
**CITIES OF THE RUSSIAN REGIONS AND CROSS-BORDER TERRITORIES
IN THE HISTORICAL SPACE**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-3

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Directory of Open Access Journal (DOAJ), Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры и рецензии, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее прежде всего в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов России в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>

E-mail: rushistj@rudn.ru

Подписано в печать 24.08.2023. Выход в свет 31.08.2023. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 16,62. Тираж 500 экз. Заказ № 1123. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-74; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Moscow, Russia (moseykina-mn@rudn.ru)*

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Moscow, Russia (arslanov-ra@rudn.ru)*

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Moscow, Russia (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Minsk, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Michael David-Fox, *Georgetown University, Washington, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, Eugene, USA*

Jahangir Karami, *University of Tehran, Tehran, Iran*

Catriona Kelly, *University of Oxford, Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, South Bend, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University, Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan*

Pierre-Emmanuel Thomann, *Paris 8 University, Paris, France*

Irena Vladimírsky, *Achva Academic College, Achva, Israel*

Editor Konstantin V. Zenkin

Translation Editors Elena A. Paymakova, Jonathan Sicotte

Layout Designer Iuliia A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russia

Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Москва, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Москва, Россия (arсланov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Москва, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, Ричмонд, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Ахва, Израиль*

Дацышен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, Вашингтон, США*

Карами Джахангир, *Тегеранский университет, Тегеран, Иран*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, Саут-Бенд, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Познань, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

Томанн Пьер-Эммануэль, *Университет Париж-8, Париж, Франция*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, Юджин, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Редакторы перевода Е.А. Паймакова, Джонатан Сикотт

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

CITIES OF THE RUSSIAN REGIONS AND CROSS-BORDER TERRITORIES IN THE HISTORICAL SPACE

Moroza V.V. History of St. Petersburg's Pavements	342
Avilov R.S. Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin's Visit to Harbin in 1903	354
Tryakhov I.S. Study of the Fuel Supply to Interior Cities in the Ivanovo and Vladimir Regions during the Great Patriotic War	370
Amosova A.A. Restoration of Housing and Communal services of Leningrad from 1942–1944: the Temporal Experience of the Besieged City	384
Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. "We Created Ourselves and the city": Women's Contribution to the Development of Magnitogorsk in the 1950–1960s	393

HISTORICAL FIGURES

Sinova I.V. Familial Relations of Russian Naval Officer N.V. Kopytov: based on Epistolary Sources of 1866–1897	408
Aksenova G.V. Problem of Sources in Researching V.N. Khitrovo's Biography	421
Jeifets V.L., Jeifets L.S. Boris Sinani: 246 Days in the Life of a Participant in Revolutionary Events in Russia in 1917	441
Bekhterev S.L., Bekhtereva L.N. Early Soviet Regional History in the Fates of Compatriots Through the Example of G.K. Ozhigov's Biography	456

ARTICLES

Mogilevskiy N.A., Skizhenok A.V., Chernikova T.V. Defensive Social Practices in the History of Russia: the Early Formation of "Cancel Culture" or a Rare Event of the Past?	470
Starovoytova E.O. Reorganization of Diplomatic missions of the Russian Empire in North-East China During the Early XX Century: Based on Materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire	484
Veremenko V.A., Sutula J.V. Nutritional Hygiene of Preschoolers in Russian Metropolitan Noble Families of the Intelligentsia in the late XIX – early XX Centuries	496
Kolpakov P.A., Arslanov R.A. Activities of the gendarmerie police of the Russian Empire on the railways of the Grand Duchy of Finland during the First World War	510

СОДЕРЖАНИЕ

ГОРОДА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Морозан В.В. История петербургских мостовых	342
Авилов Р.С. Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение Харбина А.Н. Куропаткиным в 1903 г.	354
Тряхов И.С. Топливное обеспечение тыловых городов Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны	370
Амосова А.А. Восстановление жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда в 1942–1944 гг.: темпоральный опыт блокадного города	384
Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. «Создали себя и город»: женский вклад в развитие Магнитогорска 1950–1960-х гг.	393

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ

Синова И.В. Семейные взаимоотношения российского военно-морского офицера Н.В. Копытова: по материалам эпистолярных источников 1866–1897 гг.	408
Аксенова Г.В. Источниковедческие проблемы изучения биографии В.Н. Хитрово	421
Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Борис Синани: 246 дней из жизни офицера – участника революционных событий 1917 г. в России	441
Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. Раннесоветская региональная история в судьбах соотечественников на примере биографии Г.К. Ожигова	456

СТАТЬИ

Могилевский Н.А., Скиженок А.В., Черникова Т.В. Защитные практики в истории России: начало формирования «культуры отмены» или редкое событие прошлого?	470
Старовойтова Е.О. Реорганизация дипломатических представительств Российской империи в Северо-Восточном Китае в начале XX века: по материалам АВП РИ	484
Веременко В.А, Сутула Ю.В. Гигиена питания дошкольников в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в.	496
Колпаков П.А., Арсланов Р.А. Деятельность жандармской полиции Российской империи на железных дорогах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны	510

ГОРОДА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
CITIES OF THE RUSSIAN REGIONS AND CROSS-BORDER TERRITORIES
IN THE HISTORICAL SPACE

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-342-353>
EDN: XJNNYS

Научная статья / Research article

История петербургских мостовых

Владимир Васильевич Морозан

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

 v_moga@mail.ru

Аннотация: Исследуется история городской повседневности Санкт-Петербурга с помощью анализа документов, фиксирующих замену покрытий мостовых различными материалами за более чем трехсотлетний период. Исследование проведено главным образом на основе архивных материалов из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и Российского государственного исторического архива. Очевидно, что настоящая работа является первым опытом комплексного исследования истории мостовых столицы Российской империи как отдельной самостоятельной темы, которая еще не получила должного отражения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Установлено, что городским властям потребовалось немало времени, чтобы обустроить столичные дороги. Способы покрытия мостовых города прошли длительную эволюцию: от применения необработанного камня до использования природного асфальта. Почти столетие ушло на то, чтобы привести улицы основной части города в надлежащее состояние, покрыв их главным образом камнем. Если в XVIII в. перед центральными и городскими властями главной задачей было обеспечить покрытие предельно больше улиц, то в XIX – начале XX в. городское управление пыталось найти недорогой, но долговечный материал для этих целей.

Ключевые слова: городская инфраструктура, градостроительство, строительство Петербурга, историческая урбанистика, городское пространство, городская история

Для цитирования: Морозан В.В. История петербургских мостовых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 342–353. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-342-353>

History of St. Petersburg's Pavements

Vladimir Morozan

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

 v_moga@mail.ru

Abstract: Within the article, the author examines the history of everyday life of St. Petersburg through analyzing documents that have recorded the history of the city's pavement replacement with various materials over a period of more than three hundred years. The study was mainly carried out on the basis of archival materials from the funds of the Central State Historical Archive of St. Petersburg and the Russian State Historical Archive. It is evident that this work is the first comprehensive study of the history of the pavements of the Russian Empire capital as a theme, a topic which has not yet been

adequately reflected in either domestic or foreign historiography. It has been established that it took the city authorities a considerable time to pave the capital's roads during the imperial period. The paving of the city roads developed from the use of raw stone to natural asphalt. In the end, it took almost a century to bring the streets of the main part of the city to the proper condition; they have been previously been covered with mainly stone. Whereas in the XVIII century the main task of the central and city authorities was to pave as many streets as possible, then in the XIX – early XX centuries the city government instead concentrated on a way find an inexpensive but durable material for this purpose.

Keywords: George Henry Money, pavement of capital streets, urban planning, construction of St. Petersburg, historical urbanism, urban space, urban history

For citation: Morozan, Vladimir. "History of St. Petersburg's Pavements." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 342–353 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-342-353>

Введение

В последние десятилетия все большую популярность приобретает такое научное направление, как историческая урбанистика. В отечественной и зарубежной историографии активно обсуждаются методология и предмет изучения данного научного направления¹. В рамках исторической урбанистики осуществляется исследование города как социального феномена – особым образом сформированного пространства для жизни и человеческой деятельности. При этом город не просто является местом обитания общества, но и интенсивно воздействует на него, формируя иную модель межличностных отношений, изменяя образ жизни и менталитет².

Особый научный интерес в этой связи представляют исследования, посвященные различным аспектам городского пространства Санкт-Петербурга дореволюционной эпохи³. Его органической частью является история мостовых российской столицы и технологий их покрытия. Однако данная тема остается практически не изученной. Имеются несколько работ, лишь вскользь затрагивающих проблему покрытия мостовых Санкт-Петербурга. Исключение может составлять публикация Н.Л. Элера, посвященная конкретному случаю металлического устройства мостовой в Кронштадте⁴. Словом, историография проблематики крайне скудна. В этой связи автор сосредоточил свое внимание на выявлении нового комплекса документов, впервые вводимых в научный оборот. Это прежде всего делопроизводственные документы из фондов Российского государственного исторического архива (Ф. 18, 206, 1287) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Ф. 19, 277, 787). Первоначальной целью автора было изучение первых опы-

¹ Davies G.W. *The Rise of Urban History in Britain c. 1960–1978*. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy at the University of Leicester. Leicester, 2014; Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города: сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием (Сургут, СурГУ, 14 ноября 2014 г.). Курган, 2015; Frisch M. Comment on Michael B. Katz, From Urban as Site to Urban as Place: Reflections on (Almost) a Half Century of U. S. Urban History // *Journal of Urban History*. 2015. Vol. 41 № 4. P. 595–599; Баканов С.А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2016. № 2. С. 198–201; Weaver T. Urban Crisis: the Genealogy of a Concept // *Urban Studies*. 2017. Vol. 54. № 9. P. 2039–2055; Тась И.Н. Urban History: между историей и социальными науками // *Социологическое обозрение*. 2022. № 3. С. 250–285; Тиникова Е.Е. Подходы к изучению отечественной модели урбанизации в современной исторической науке // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2022. № 76. С. 120–127. <https://doi.org/10.17223/19988613/76/14> и др.

² Агеев И.А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 385. С. 80.

³ Юхнева Е. *Петербургские доходные дома: очерки из истории быта*. М.; СПб., 2008; Малинова-Тзиафета О. *Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914)*. СПб., 2013; Обертрайс Ю., Малинова-Тзиафета О. *История городов и водные инфраструктуры в Российской империи и СССР* // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9. № 1. С. 173–201. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.111> и др.

⁴ Элер Н.Л. Металлическая мостовая в Кронштадте // *Морской сборник*. 1861. № 8. С. 146–152.

тов городских властей по асфальтированию петербургских мостовых. Однако в ходе написания статьи стало очевидным, что без общего освещения истории устройства мостовых северной столицы России исследование окажется неполноценным. Таким образом, в настоящем разделе работы рассматривается период до появления в Санкт-Петербурге сети дорог, покрытых асфальтом. Важно отметить, что материалы для дорожной одежды петербургских улиц на протяжении более 200 лет использовались разные. При этом городские власти не прибегали к резкому изменению мостовых покрытий, относясь к новым дорожным материалам с большой осторожностью. По этой причине старые способы мощения сосуществовали одновременно с новыми технологиями.

«Каменный период» в истории мощения петербургских улиц

Основанный в 1703 г. Санкт-Петербург долгое время жил в условиях бездорожья. Неблагоприятные климатические условия и болотистая местность приносили первым жителям города многочисленные трудности, которые горожане устранить сами не могли. Да и активные боевые действия на западе страны отвлекали значительные материальные и людские ресурсы, что не позволяло властям должным образом заняться обустройством городской среды. Постепенный перелом в ходе Северной войны в пользу России позволили Петру I уделять больше внимания благоустройству города, и, в частности, его улицам. Однако крайне истощенные ресурсы не давали возможность направлять на эти нужды сколько-нибудь значительные казенные средства, отчего процесс мощения улиц шел крайне медленно. Очевидно, впервые мостить улицы камнем в Санкт-Петербурге начали в 1710 г., выбрав для этого территорию близ Петропавловской крепости, где располагался дом царя. «В прошлом 1710 г., – сообщал немецкий автор «Описания Санкт-Петербурга и Кроншлота» – по распоряжению его царского величества, начали мостить камнем улицы на Финляндской стороне, под руководством немецких мостовщиков, но чтобы везде настлать такую мостовую, потребуется немало времени, да и много камня, которого здесь не в изобилии»⁵. В этих условиях, как часто бывало в годы царствования Петра I, добыча нужного материала была переложена на плечи горожан. По распоряжению царя каждому жителю Санкт-Петербурга надлежало сдать городским властям по 100 камней. Такой опыт сбора нужного материала дал свои результаты, хотя и не такой, как ожидалось. По данным С.П. Луппова, в 1710 г. властям удалось собрать со всех жителей Городского острова 174 500 камней, а с проживавших на Адмиралтейском острове 214 800 камней. Между тем они надеялись собрать более 800 тыс. булыжников⁶. Учитывая этот опыт, власти решили его распространить и на приезжавших в Санкт-Петербург людей. В частности, для пополнения запасов камней на мощение улиц царь подписал 24 октября 1714 г. указ об обязательной доставке в Санкт-Петербург всеми речными судами и владельцами гужевого транспорта от 3 до 30 камней весом более 5 фунтов (чуть более 2 кг):

Которые суда имеют приходить к Санкт-Петербургу из разных мест через Ладожское озеро, и на тех судах, чьи б они ни были, всегда в каждый приход привозить в Санкт-Петербург дико-го камня на тялке и на шкуте на каждой по 30, а на старых судах, коим по особливим данным указам до времени через Ладожское озеро ходить велено на карбузе 30 же, на полукарбузе 20, на водовике и на сойме на каждом по 10 камней, также и сухим путем, которые возы пойдут в Санкт-Петербург с провиантом и с подрядными всякими вещами и припасы и со всякими товары и к Санкт-петербургским жителям с запасами и с прочей всякой кладью или простые подводы, как же которые люди и крестьяне и латыши будут приезжать в Санкт-Петербург из

⁵ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг. // Русская старина. 1882. Т. 36. С. 54.

⁶ Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 115.

здешних уездов, и тем всем в каждой к Санкт-Петербургу приезд привозить на каждом возу по 3 камня и объявлять тот камень обер-комиссару Синявину, а величиной тот камень привозить на судах по 10 фунтов и выше, а на возах 5 фунтов и выше, как такова камня не привезет, и на тех людях доправлено будет за каждой камень денег по гривне⁷.

Спустя четыре года император повелел всем домовладельцам самостоятельно обустраивать прилегающие к их домам и дворам улицы. В частности, Указ от 18 июня 1718 г. «О наблюдении порядка и чистоты по городу Санкт-Петербургу...» предписывал

в улицах и в переулках каждому жителю против своего двора насыпать песок, и камнем мостить гладко, по указу, как показано от мастеров⁸.

В продолжение этого закона 29 апреля 1721 г. вышел Указ «О содержании в С.-Петербурге по улицам фонарей; о чищении и о мощении камнем улиц», в котором император

указал и плац, где не мощены камнем, мостить, и подъемные мосты, где надлежит, делать, и прешпективные улицы и каналы починить, и все улицы в чистоте содержать⁹.

Для установки фонарей, мощения улиц и вывоза мусора из города предполагалось брать налог с хозяев дворов в зависимости от площади их земельных участков. Впрочем, в исключительных случаях если этот сбор мог оказаться в тягость обывателям, то расходы могли переноситься на Акцизную камеру. Дороговизна каменных мостовых часто вынуждала городские власти и домовладельцев обустраивать тротуары деревянным покрытием.

Примечательно, что кардинальные перемены в деле обустройства как общей городской среды, так и мостовых приходились на времена царствования Елизаветы Петровны. Так, 7 августа 1742 г. императрица подписала указ «О немедленном намощении улиц против казенных и конфискованных дворов...», велев штрафовать нерадивых чиновников подобных ведомств в размере одной трети их жалования¹⁰. Не менее пристрастно к дорожному хозяйству города относилась и Екатерина II, издав различные законодательные и нормативные акты, регулировавшие обустройство улиц и их содержание. В 1765 г. по распоряжению Екатерины II Комиссия о Санкт-Петербургских строениях разработала общие меры по благоустройству города. Среди намеченных мероприятий были работы по улучшению дорожного покрытия столичных улиц:

На мощение улиц и чтоб из каждого дома стоки в каналы были в исправности, содержать всегда от полиции и наблюдать, чтоб всегда улицы были выметены от жителей в домах, а сметенное свозить в удобные места от полиции¹¹.

26 апреля 1767 г. вышел указ относительно устройства улиц на Васильевском острове. Правительство потребовало, чтобы при очистке канала, связывавшего Большую Неву с Малой Невой, добытый грунт укладывать равномерно по поверхности улиц, начиная с 13-й линии и до Кадетской линии с тем, чтобы поднять их уровень. Лишь после этих мероприятий их следовало мостить камнем¹². Этой мерой

⁷ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Собр. 1. Т. 5. Док. № 2852. С. 127.

⁸ Там же. Док. № 3210. С. 575.

⁹ Там же. Т. 6. Док. № 3777. С. 381.

¹⁰ Там же. Т. 12. Док. № 8597. С. 637.

¹¹ Там же. С. 637.

¹² Там же. Т. 18. Док. № 12 883. С. 116.

власти рассчитывали не только улучшить качество дорожного покрытия, но и уменьшить урон острову от частых наводнений.

Можно предположить, что в отмеченное время уличная инфраструктура Санкт-Петербурга не отличалась разнообразием покрытия, а значительная ее часть и вовсе не имела дорожной одежды. К обустроенным улицам можно было отнести лишь те, которые располагались в центральной части города: Невский проспект, Миллионная, Шпалерная, Захарьевская, Фурштатская, Сергиевская и другие дорожные артерии. Таким образом главные магистрали столицы были вымощены только к концу 1780-х гг. По словам М.И. Пыляева,

мощение главных петербургских улиц было окончено только в 1787 году. Тротуары же из каменных плит начали настилать, как и обставлять их чугунными тумбами, только в 1817 году... до этого времени на главных улицах лежали узкие деревянные мостки¹³.

При этом большая часть улиц города оставалась немощеной. Власти продолжали требовать от собственников домов и дворов самостоятельно покрывать мостовые камнем. 9 июля 1804 г. вышел указ, данный военному губернатору графу Толстому с требованием

предоставить обывателям на волю, для собственной их пользы, очищенные места выравнять и каждому против своего дома устраивать каменную мостовую¹⁴.

Заметные перемены стали наблюдаться в 1820–1830-е гг., когда улучшались не только традиционные методы покрытия мостовых, но и внедрялись новые материалы дорожной одежды. А.П. Бушицкий писал по этому поводу в 1830-е гг.:

Неудобство булыжной мостовой подари повод к различным изобретениям; старались улучшить кладку камня, дать ему прочную связь и крепость фундаментом и цементом; пробовали устраивать гладкие колесопроды из гранита толстой плиты, досок и проч.; делали шоссе (которого в прошлом году (1833. – *В.М.*) состояло в городе 12 514 сажень)¹⁵.

И все же каменный булыжник оставался основным материалом. По словам того же Бушицкого, улицы Санкт-Петербурга имели ширину от 6 до 20 сажень. Камень для мощения добывали по берегам Финского залива или Балтийского моря. Он сортировался по величине, что позволяло раскладывать крупный камень вдоль и поперек улиц по линии, образуя двухсаженные квадраты, перерезанные диагонально мелкими камнями. Остававшееся между линиями пространство засыпалось также мелкими камнями. Скважины между камнями наполнялись битым булыжником и кирпичом, а готовую уже мостовую засыпали песком¹⁶. Площадь таких городских улиц в 1832 г. достигала 773 тыс. кв. сажень. При этом только за 1831–1832 гг. было вновь вымощено 25 452 кв. сажени¹⁷.

Деревянные мостовые

В указанное время иным образом стали использовать древесину для покрытия улицы, применяя торцовый способ укладки отдельных брусков, расположенных торцами вверх. Одним из новаторов в этом деле стал инженер В.П. Гурьев, методом которого петербургские власти воспользовались в 1832 г., уложив деревянными шашками мостовую Невского пр., от Адмиралтейства до набережной р. Фонтанки.

¹³ Пыляев М.И. Старый Петербург. Второе изд. СПб., 1889. С. 13.

¹⁴ ПСЗ. Собр. 1. Док. 21 391. Т. 28. С. 445.

¹⁵ Бушицкий А. Панорама Санкт-Петербурга. СПб., 1834. Ч. 2. С. 133.

¹⁶ Там же. С. 131–132.

¹⁷ Там же.

Гурьев так увлекся своей идеей, что в 1836 г. выпустил книгу об учреждении компании для устройства широкой сети междугородных торцовых дорог, по которым могли бы ходить «сухопутные пароходы»¹⁸. Торцовым способом улицы Санкт-Петербурга мостили вплоть до 1930-х гг. Метод В.П. Гурьева, который предложил мостить дороги шестиугольными шашками высотой 7 дюймов и диаметром 10 дюймов, использовался особенно активно в 1830–1840-е гг. Шашки вытесывались топором из 6-вершкового леса, для чего на распиленных торцах бревен делались предварительные насечки стальным шестиугольником. При укладке в мостовой шашки соединялись между собой деревянными или железными штифтами¹⁹. К примеру, таким способом в 1848 г. была замощена территория вокруг театра-цирка на площади Большого театра, где ныне располагается Мариинский театр²⁰. Впрочем, в Санкт-Петербурге использовали и другие методы укладки торцовых мостовых по предложению других изобретателей. Свои способы мощения предлагали некий полковник Мальцев, прусский подданный Петр Рамибек и другие. Учитывая недолговечность подобных мостовых, изобретались и разные способы обработки деревянных покрытий. В частности, А.Ф. Штольцман предлагал свой противогнилостный состав для обработки шашек. Однако торцовые мостовые в климатических условиях Санкт-Петербурга имели множество недостатков. К примеру, во время наводнений шашки всплывали, тем самым разрушая саму мостовую. Вот как описывает состояние торцовой мостовой свидетель наводнения 12 ноября 1903 г.:

Проезд между Александровским садом и Зимним дворцом залит водой; на площади против дворца целое озеро. Торец, которым вымощен проезд кажется клавишами изуродованного фортепиано: вода выперла его сплошными грудами вон²¹.

Новые материалы в дорожном покрытии петербургских мостовых

Санкт-Петербург не испытывал недостатка в энтузиастах, предлагавших как принципиально новые способы мощения, так и традиционные материалы для покрытия петербургских мостовых. Среди таких материалов были чугунные плиты и чугунные шашки. Так, командированный в 1853 г. в Северо-Американские штаты для изучения корабельного дела инженер-механик А.И. Соколов обратил внимание на мостовые Нью-Йорка и Бостона, которые были покрыты чугунными шашками, напоминающими колеса от телег, но гораздо меньшего размера. По возвращении в Россию в 1857 г. и назначении его управляющим Кронштадтским пароходным заводом А.И. Соколов решил опробовать этот способ во дворе подчиненного ему предприятия. Новая мостовая понравилась великому князю Константину Николаевичу, который поручил в 1860 г. инженер-подполковнику Н.Э. Эйлеру устроить подобную мостовую вдоль ограды Нового адмиралтейства у Пенькового моста. В 1861 г. Эйлер описал в «Морском сборнике», каким образом он исполнил приказ великого князя:

Чугунная мостовая в Кронштадте устроена следующим образом: все пространство, назначенное под чугунную мостовую, углублено на 4 вершка. По утрамбовании земли выемка наполнена гранитным щебнем под лицо с горизонтом земли... Щебень плотно утрамбован и укатан, полотно же дороги обрамлено крупным булыжником. На приготовленном таким образом полотне укладывались чугунные шашки, одна возле другой, в таком порядке, чтобы шипы одной ложились в выемки смежных шашек и наоборот. По установке и соединении шашек шипами

¹⁸ Гурьев В.П. Об учреждении торцовых дорог и сухопутных пароходов в России посредством компаний. СПб., 1836.

¹⁹ Дубелир Г.Д. Городские улицы и мостовые. Киев, 1912. С. 304.

²⁰ Ефимов А.А. Малые и малоизвестные строительные проекты Министерства императорского двора в Санкт-Петербурге в 1840х гг. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 31.

²¹ Минцлов С. П. Петербург в 1903–1910 годах. Рига, 1931. С. 42.

засыпали гранитным щебнем все промежутки, находившиеся как в самих шашках, так и образовавшиеся между их наружными стенками, тщательно утрамбовывая щебень и наблюдая, чтобы самые незначительные пустоты не оставались не засыпанными... Квадратная сажень мостовой с приготовленным из гранитного щебня полотном и подчисткой шашек после отливки обойдется не дороже 40 руб. серебром²².

Дороговизна чугунных мостовых вынуждала городские власти сдержанно относиться к подобным способам мощения. Камень и дерево оставались основными материалами дорожной одежды столицы. Однако все чаще в адрес городских властей звучала критика и призывы использовать передовые методы уличного покрытия. Одним из самых последовательных критиков руководства города была газета «Северная пчела», которая писала:

А как строят теперь торцовые мостовые? Пилят лучший строевой лес, драгоценнейший наш товар, и кладут торцы на основание из досок, подвергая все это гниению и трению колес! Редкое место из торцовой мостовой выдерживает год без переделки, а в два года торцы так разбиваются, что по ним нет возможности ездить. Лошадям слизко, не только при гололедице, но среди лета, после сильных дождей. Торцовая дорога прекрасна пока новая, но поддерживать ее стоит дорого. Многие нам не поверят, если мы скажем, что мостовая из чугунных плит обошлась бы дешевле торцовой. Извольте вычислить починки и возобновления на 25 лет, тогда удостоверитесь!²³

Первый опыт асфальтирования петербургских улиц

В те же годы, когда обустроивалась улица у Нового адмиралтейства в Кронштадте, в Санкт-Петербурге стали проводиться опыты по асфальтированию больших участков мостовых. Впрочем, впервые в столице империи этот способ был проведен в 1830-е гг. В частности, об этом писала в 1838 г. петербургская пресса. В частности, газета «Северная пчела»:

На днях произведен в нашей столице первый опыт мощения улиц асфальтом. Вдоль забора, которым обведен строящийся Исаакиевский собор, со стороны Синего моста, были выложены кирпичом тротуары, назначенные для производства опыта. В трех железных котлах, под которыми устроены печи, была растоплена масса, из которой получается асфальт. В нее, по мере разогревания, насыпали гранит, размешивая круглыми лопатами, особенного устройства. Масса черного цвета, распившись совершенно, похожа на свежую икру. Ее выливают на приготовленное место, посыпают гранитом и ровняют. Дольше залито не все пространство тротуара, и по нему еще не ходят. Любопытно испытать, не произведут ли какого действия на асфальт наши морозы. Прочность этой мостовой испытана в Париже, где уже залито таким образом большое число самых многолюдных улиц²⁴.

Действительно, в некоторых европейских столицах к тому времени асфальтирование приобретало широкий размах. При этом европейские предприниматели пытались также внедрить свои методы мощения улиц и в России. Так, в 1837 г. англичанин Джон Генрих Кассель предлагал царскому правительству свои услуги по асфальтированию улицы русских городов. В связи с этим военный министр граф А.И. Чернышев обратился к главноуправляющему путей сообщения графу К.Ф. Толло с просьбой учредить комиссию для рассмотрения возможности использования асфальта из рудников Сейселя во Франции по методу Д.Г. Касселя при устройстве мостовых²⁵. Однако комиссия посчитала, что исследованные ею материалы не могли быть применены повсеместно, в особенности в России, из-за неблагоприятного климата. Ее члены выразили сомнения, что асфальт выдержит русские морозы.

²² Эйлер Н. Л. Металлическая мостовая в Кронштадте // Морской сборник. 1861. № 8. С. 146–152.

²³ Северная пчела. 1839. 7 сентября. № 201.

²⁴ Северная пчела. 1838. 20 мая. № 112.

²⁵ А.И. Чернышев – К. Ф. Толло. 28 февраля 1837 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 206. Оп. 2. Д. 1158. Л. 1.

Кроме того, по расчетам комиссии, цена в 30 руб. ассигнациями за 1 м² была чрезмерно высокой, значительно превышала стоимость использования традиционных материалов²⁶. В 1840 г. в Департамент мануфактур и внутренней торговли обратился некий граф Монтерье с предложением проводить асфальтирование мостовых в России. Для убедительности своих методов работ он просил предоставить ему для опыта какой-нибудь участок столичной улицы для мощения бостонским асфальтом. Но и на этот раз стороны не смогли договориться о стоимости работ. Предложенная первоначально сумма по асфальтированию позднее оказалась самому графу недостаточной, что и стало поводом для прекращения переговоров²⁷.

Отметим, что в 1838 г., когда асфальтировали мостовую у Исаакиевского собора, подобные же работы проводились при покрытии части улицы у дома П.Н. Демидова на Малой Морской ул. Этот частный заказ Демидова по своему технологическому методу существенно отличался от того, которым пользовались у Исаакиевского собора. Качество покрытия у демидовского дома было несравнимо хуже. У Исаакиевского собора на углу Большой морской улицы у дома Гонаропуло асфальтовая мостовая была устроена основательно и профессионально. Она была сделана не из асфальтовых плит, как у дома Демидова, а из асфальтовых кубов, положенных на фундамент и посаженных в асфальт. По мнению авторов газетных статей того времени, такая мостовая могла продержаться многие десятилетия, а некоторые считали, что она и вовсе могла простоять столько, сколько простоит сам город²⁸.

У дома П.Н. Демидова покрытие было устроено небрежно и с плохим знанием дела. В погоне за экономией асфальт клали тонкими плитами на песок из щебня и кусков гранита, связывая их между собой асфальтом. Эти промежутки заливались асфальтом прямо на песок. Уже в первый осенне-зимний период эта мостовая не выдержала испытания, потеряв свои первоначальные качества, потрескалась и вспучилась. Оценивая эту работу, пресса писала:

Одно из самых полезнейших открытий настоящего времени, а именно мощение улиц и тротуаров асфальтом, лишилось у нас доверенности публики от небрежения тех, которых выгода долженствовала заставить действовать весьма осторожно и основательно²⁹.

Очевидно, автор статьи был прав, утверждая, что опыт устройства мостовой у дома П.Н. Демидова надолго отбил желание городских властей покрывать асфальтом улицы Санкт-Петербурга. В 1840–1850-е гг. предпринимались попытки разными фирмами и лицами устраивать асфальтовые мостовые в столице, но безуспешные. Если такие способы мощения и производились, то лишь на маленьких участках и в основном в частных владениях. Подавляющая часть улиц продолжала моститься либо камнем, либо деревом. Так, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел А.Е. Тимашева, Александр II распорядился 13 июня 1869 г. перемостить мостовую Большой Морской улицы. Инициатива исходила от петербургского губернатора графа Н.В. Левашова, который просил царя выделить строительному отделу 2647 руб. на отмеченные работы. Мощение должно было проводиться напротив здания городского управления. Однако царь посчитал, что следовало перемостить большую часть Большой Морской ул. от Невского проспекта до Мариинской площади, так как она давно требовала ремонта. В связи с этим надлежало

²⁶ Записка Комиссии проектов и смет. 20 марта 1837 г. // РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Д. 1158. Л. 19.

²⁷ Предписание казначею Департамента мануфактур и внутренней торговли. 5 июля 1840 г. // РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1018. Л. 17.

²⁸ Северная пчела. 1840. 16 мая. № 109.

²⁹ Северная пчела. 1839. 7 сентября. № 201.

выделить больше средств для восстановления тех участков, где располагались казенные здания. В частности, для исправления мостовой Марининской площади выделили 2195 руб. 12 коп., на работы у Исаакиевского сквера – 1336 руб. 16 коп.³⁰ Расходы по дорожным работам были разделены на две части. Одна, по земельным работам и прокладке водосточных труб, производилась за счет города, а устройство самой мостовой перед казенными зданиями и частными домами производилась домовладельцами или тем ведомствами, кому принадлежало строение. Учитывая, что хозяева зданий могли не обладать достаточными средствами, платежи решено было рассрочить на 5 лет. При этом расходы домохозяев по первоначальным расчетам не должны были превышать той платы, которую они производили ежегодно на ремонт мостовой. Таким образом, они обязаны были уплатить двойную годовую плату³¹. Всего же планировалось потратить 35 тыс. руб. Впрочем, к завершению ремонтных работ сумма расходов существенно увеличилась по сравнению с первоначальными расчетами. Примечательно, что из 43-х домохозяев этой части Большой Морской ул. лишь 33 согласились на перемощение своих участков. Остальные посчитали, что расходы на эти работы должны были производиться за счет города. Однако им напомнили, что по закону мощение мостовых за счет города производится лишь тогда, когда улица впервые мостится, последующие же работы должны были оплатить домохозяева. Важно отметить, что законодательная практика Российской империи предполагала, что все дорожные работы в населенных пунктах распределялись на собственников тех домов, где производились подобные виды работ. Согласно высочайше утвержденному положению Комитета министров от 7 апреля 1823 г. мощение улиц против казенных зданий во всех городах должны были производиться за счет экономических сумм тех ведомств, которым принадлежали здания³². Эти правила действовали и в отношении церковных зданий. По распоряжению императора 1811 г. мощение улиц и площадей перед церковными и монастырскими местами производились из экономических сумм этих заведений³³.

Отметим, что городские власти не испытывали недостатка в различных предложениях по обустройству улиц. Часто фирмы и отдельные лица обращались с новаторскими проектами, сулящими, по их мнению, городским властям значительную экономию средств. Так, 10 июня 1870 г. в Санкт-Петербургскую городскую распорядительную думу поступило отношение от петербургского губернатора Н.В. Левашова, в котором он сообщал, что обер-полицмейстер Ф.Ф. Трепов обратился к нему с жалобой на неудовлетворительное состояние мостовой по Офицерской улице³⁴. Ее обустроить был готов подполковник В.М. Карлович, специалист в области гидротехники. Молодой специалист, окончивший в 1856 г. Николаевскую инженерную академию, служил уже несколько лет городским инженерам Санкт-Петербурга. За почти десятилетие службы, начиная с 1866 г., Карлович участвовал в постройке Адмиралтейской набережной, здания архива Государственного совета и других объектов. Он предлагал устроить по Офицерской улице мостовую из двойного ряда булыжного камня на слое крупного песка, «всего толщиной до 1 аршина с дренажем, где по местности это окажется необходимым». При этом камень уже существовавшей

³⁰ Отношение петербургского губернатора Н.В. Левашова к С.-Петербургской распорядительной думе 28 июня 1869 г. // ЦГИА СПб. Ф. 787. Оп. 4. Д. 120. Л. 1.

³¹ Доклад Хозяйственного Департамента МВД // ЦГИА СПб. Ф. 787. Оп. 4. Д. 120. Л. 3.

³² По предписанию Комиссии духовных учили о мощении улиц против казенных зданий // ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 1443. Л. 2.

³³ О замощении против церковных и монастырских мест // ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 13. Д. 778. Л. 2.

³⁴ Отношение петербургского губернатора к С.-Петербургской городской распорядительной думе. 10 июня 1870 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Ф. 787. Оп. 5. Д. 123. Л. 2.

мостовой Карлович предполагал активно использовать в новых работах. Он также брал на себя обязательства содержать в исправности Офицерскую улицу в течение семи лет³⁵. Впрочем, переговоры по этому проекту окончились безрезультатно.

Следует учитывать, что в середине XIX в. камень и булыжник оставались основным материалом для покрытия столичных улиц. Современник писал в этой связи:

Одной из главных принадлежностей хорошо устроенных городов считается мостовые. Мы не имеем данных, на основании которых могли бы сделать подробный отзыв об этой важной части городского благоустройству, потому ограничимся в настоящем случае только следующими данными. Вообще в Петербурге преобладает каменная мостовая: общее количество пространства, занимаемого мостовой этого ряда, составляет 1 315 085 кв. сажень. За ней следует шоссе, занимающее 45 805 кв. сажень, далее – торцовая мостовая, на пространстве 7059 кв. сажень, и наконец, деревянная, замощенная только 350 кв. сажень... К этому добавить, что из 603 переулков и улиц, которые считаются в Петербурге, 139 еще не мощены³⁶.

Между тем успехи применения асфальта в Западной Европе становились все очевидней, убеждая российских предпринимателей в возможности широкого применения этого материала в строительной и дорожной сферах. При этом в Европе считалось, что асфальт в дорожном деле можно использовать лишь в тех местностях, где температура не опускалась ниже 12 градусов мороза. Однако, вопреки этим представлениям, некоторые иностранные предприниматели не отказывались от мысли развернуть асфальтовые работы в России. Такую попытку предпринял в 1871 г. представитель английской компании по асфальтированию мостовых Джордж Генри Монеи, обратившись к управляющему Министерства внутренних дел князю А.Б. Лобанову-Ростовскому с просьбой разрешить ему произвести асфальтирование на участке от Цепного моста, вдоль Летнего сада до Троицкого моста³⁷. К своему письму он приложил Устав компании и брошюру, в которой подробно описывался метод работы его фирмы³⁸. По предложенному Монеем договору его фирма учреждала в России свою дочернюю компанию, которая обязывалась в течение тридцати лет после мощения ею асфальтом указанные городом улицы содержать их в постоянной исправности. Если в течение двух первых лет после покрытия шоссе асфальтом городская хозяйственно-строительная комиссия найдет ее состояние неудовлетворительной, то компания будет обязана разобрать покрытие и восстановить дорожную одежду в прежнее ее состояние. Компания обязана была в течение тридцати лет следить не только за состоянием покрытия, восстанавливать его в случае необходимости, но и убирать зимой снег, посыпать тротуары песком при гололеде, летом убирать грязь и вывозить мусор за город. В жаркую погоду – поливать асфальт водой, чтобы он не портился³⁹.

После длительной переписки городское управление предложило Монею заасфальтировать мостовую на Лебяжьем или Инженерном шоссе за 4540 руб. Однако англичанин соглашался за такую сумму покрыть небольшой участок в 250 саженей. Исполнявший должность гражданского губернатора И.В. Лутковский в письме министру внутренних дел сообщал:

³⁵ Условия на отдачу подполковнику Владимиру Михайловичу Карловичу устройство мостовой по Офицерской улице // ЦГИА СПб. Ф. 787. Оп. 5. Д. 123. Л. 4.

³⁶ Карнович Е. Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПб., 1860. С. 78.

³⁷ А.Б. Лобанов-Ростовский – Н.В. Левашову. 19 сентября 1871 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 30 (1871 г.). Д. 653. Л. 1.

³⁸ Прошение великобританского подданного, полковника Джорджа Генри Монеи. 3 сентября 1871 г. // ЦГИА СПб. Ф. 787. Оп. 5. Д. 205. Л. 28.

³⁹ Проект договора // ЦГИА СПб. Ф. 787. Оп. 5. Д. 205. Л. 29.

Моней отказывается от заявленных им первоначально условий, находя ныне цену им объявленную невыгодной для товарищества и просит моего содействия к достижению более выгодного условия⁴⁰.

При этом Лутковский просил министра оставить просьбу Моней «без последствий в связи с невыгодностью его предложения»⁴¹, тем более что торговый дом «Жданович, Цверчакевич и К^о» предложил тогда же городским властям более выгодные условия.

Выводы

Из представленного обзора способов мощения петербургских улиц видно, что городским властям потребовалось немало времени, чтобы обустроить столичные дороги. Почти столетие ушло на то, чтобы привести улицы основной части города в надлежащее состояние, покрыв их главным образом камнем. Лишь в XIX столетии городские власти стали активно искать новые материалы для дорожной одежды, пытаясь снизить затраты на них, сохраняя при этом их долговечность.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.09.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 19.05.2023

References

- Ageev, I.A. “Metodologicheskii resurs istoricheskoi urbanistiki v sovremennykh issledovaniakh gorodskikh prostranstv [Methodological resource of historical urban studies in modern studies of urban spaces].” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 385 (2014): 79–84 (in Russian).
- Bakanov, S.A. “Istoricheskaiia urbanistika v Rossii zaiavliaet o sebe [Historicheskaiia urbanistika v Rossii zaiavliaet o sebe].” *Magistra Vitae: ehlektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*, no. 2 (2016): 198–201 (in Russian).
- Bashitskii, A. *Panorama Sankt-Peterburga* [Panorama of St. Petersburg]. St. Petersburg: Tip. vdovy Plushara s synom, 1834 (in Russian).
- Davies, G.W. “The Rise of Urban History in Britain c. 1960–1978.” PhD thesis, University of Leicester. Leicester, 2014.
- Dubelir, G.D. *Gorodskie ulitsy i mostovye* [City streets and pavements]. Kiev: Tip. A.M. Ponomareva Publ., 1912 (in Russian).
- Efimov, A.A. “Small and Little-Known Building Projects Accomplished by the Ministry of the Imperial Court in Saint Petersburg in 1840s.” *Peterburgskiy Istoricheskii Jurnal*, no. 4 (2015): 24–3 (in Russian).
- Eyler, N.L. “Metallicheskaiia mostovaia v Kronshtadte [Metal pavement in Kronstadt].” *Morskoi sbornik*, no. 8 (1861): 146–152 (in Russian).
- Frisch, M. “Comment on Michael B. Katz, “From Urban as Site to Urban as Place: Reflections on (Almost) a Half Century of U. S. Urban History.”” *Journal of Urban History* 41, no. 4 (2015): 595–599.
- Gurev, V.P. *Ob uchrezhdenii tortsovykh dorog i sukhoputnykh parokhodov v Rossii posredstvom kompanii* [On the establishment of end roads and land steamers in Russia through the company]. St. Petersburg: tip. È. Praca i K^o Publ., 1836 (in Russian).
- Iukhneva, E. *Peterburgskie dokhodnye doma: ocherki iz istorii byta* [Petersburg Tenement Houses: Essays on the History of Life]. Moscow; St. Petersburg: Tsentrpoligraf Publ., 2008 (in Russian).
- Karnovich, E. *Sankt-Peterburg v statisticheskom otnoshenii* [St. Petersburg in statistical terms]. St. Petersburg: Voennaia tipografiia Publ., 1860 (in Russian).
- Krasovskii, V.E. *Khronologicheskii perechen' sobytii Simbirskoi gubernii. 1372–1901* [Chronological list of events in the Simbirsk province. 1372–1901]. Simbirsk: Gubernskaia tipografiia Publ., 1901 (in Russian).

⁴⁰ И.В. Лутковский – А.Е. Тимашеву. 17 августа 1872 г. // РГИА. Ф. 1287. Оп. 30 (1871 г.). Д. 653. Л. 7.

⁴¹ Там же.

- Lupov, S.P. *Istoriia stroitel'stva Peterburga v pervoi chetverti XVIII veka* [The history of the construction of St. Petersburg in the first quarter of the 18th century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1957 (in Russian).
- Malinova-Tziafeta, O. *Iz goroda na dachu: sotsiokul'turnye faktory osvoeniia dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914)* [From the City to the Dacha: Socio-Cultural Factors in the Development of the Dacha Space around St. Petersburg (1860–1914)]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2013 (in Russian).
- Mintslov, S.R. *Peterburg v 1903–1910 godakh* [Petersburg in 1903–1910]. Riga: Kniga dlia vsekh Publ., 1931 (in Russian).
- Obertrais, Iu., Malinova-Tziafeta O. “History of cities and water infrastructures in the Russian Empire and the USSR.” *Modern History of Russia* 9, no. 1 (2019): 173–201, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.111> (in Russian).
- Pyliaev, M.I. *Staryi Peterburg* [Old Petersburg]. St. Petersburg: Tip. A.S. Suvorina Publ., 1889 (in Russian).
- Stas', I.N. “Urban History: mezhdru istoriei i sotsial'nymi naukami [Urban History: Between History and the Social Sciences].” *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no. 3 (2022): 250–285 (in Russian).
- Stas', I.N., ed. *Istoricheskaia urbanistika: proshloe i nastoiashchee goroda: sb. nauch. st. Vseros. konf. s mezhdunar. uchastiem (Surgut, SurGU, 14 noiabria 2014 g.)* [Historical urban studies: the past and present of the city: Sat. scientific Art. Vseros. conf. with international participation (Surgut, Surgu, November 14, 2014)]. Kurgan: Kurganskii Dom pechati Publ., 2015 (in Russian).
- Tilly, C. “What Good is Urban History?” *Journal of Urban History* 22, no. 6 (1996): 702–719.
- Tinikova, E.E. “Approaches to the study of the domestic model of urbanization in modern historical science.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 76 (2022): 120–127, doi:10.17223/19988613/76/14 (in Russian).
- Weaver, T. “Urban Crisis: the Genealogy of a Concept.” *Urban Studies* 54, no. 9 (2017): 2039–2055.

Информация об авторе / Information about the author

Владимир Васильевич Морозан, д-р истор. наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; v_moga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

Vladimir V. Morozan, Dr. Habil. Hist., Professor of the History Department of the Peoples of the CIS Countries, Institute of History of St. Petersburg State University; 5, Mendeleevskaya Line St, St. Petersburg, 199034, Russia; v_moga@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4312-0566>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369>
EDN: XKMJYA

Научная статья / Research article

Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение А.Н. Куропаткиным Харбина в 1903 г.

Роман Сергеевич Авилов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия

✉ avilov-1987@mail.ru

Аннотация: Исследуется история посещения города Харбин военным министром Российской империи А.Н. Куропаткиным в 1903 г. Материалами послужили собственноручные дневники министра, которые он вел во время поездки, комплекс документов, собранных за время путешествия, а также официальный отчет о поездке. Документы хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и впервые вводятся в научный оборот. Министр посетил строящийся в Маньчжурии с 1898 г. новый русский город в рамках своей поездки по Дальнему Востоку и описал ход осмотра самого города, пристани, военных и гражданских сооружений, проведенные в его присутствии маневры войск Харбинского гарнизона и пограничной стражи. В исследовании дана характеристика казарменного размещения войск в городе и проблемы организации казарменного строительства. Отмечена указанная А.Н. Куропаткиным роль Харбина как важнейшего торгового и стратегического центра северной Маньчжурии. Приведены данные о численности и национальном составе населения города. Впервые описаны переговоры русского военного министра с китайским цзянь-цзюнем (генерал-губернатором) Гиринской провинции. Подчеркнуто понимание А.Н. Куропаткиным невозможности организации управления нерусским населением региона без сохранения китайских органов местной власти, а значит – необходимости налаживания с ними тесного взаимодействия. Отмечено стремление военного министра повысить на местном уровне координацию представителей русских: военного, дипломатического и финансового ведомств. Сделан вывод об убежденности А.Н. Куропаткина в неэффективности системы исключительно мирного проникновения в Маньчжурию без поддержки военной силой, что побуждало его активно заниматься вопросами развития военной инфраструктуры Харбина.

Ключевые слова: колонизационный проект Российской империи, дальневосточный фронт, российско-китайское трансграничье, центр и регионы, Сунгарийский железнодорожный мост

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет средств проекта РНФ № 22-28-01350 «Колонизация Дальнего Востока и Маньчжурии в правительственных документах, публицистике и периодике России и Китая 1894–1920 гг.».

Для цитирования: Авилов Р.С. Русский город в Маньчжурии глазами военного министра: посещение А.Н. Куропаткиным Харбина в 1903 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 354–369. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369>

© Авилов Р.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin's Visit to Harbin in 1903

Roman Avilov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
Vladivostok, Russia

✉ avilov-1987@mail.ru

Abstract: The author considers the history of Russian Imperial Minister of War A.N. Kuropatkin's visit to Harbin in 1903. The study is based on the Minister's diaries which he kept during the trip, a set of documents he built during the trip, as well as his official report written after the trip. The documents are stored in the Russian State Military Historical Archive (RGVIA) and have been used for the first time for historical research in this article. A. N. Kuropatkin visited the new Russian city which was under construction in Manchuria from 1898 as part of his trip to the Far East, and described in detail his inspection of the city, as well as its quay, military barracks, and civil facilities, as well as the maneuvers of the troops of the Harbin garrison and border guards. The study gives a description of the barracks accommodation of the troops in the city and the problems of organizing barracks construction at that time. It is noted that A.N. Kuropatkin considered Harbin as the most important commercial and strategic center of northern Manchuria. The article provides data on the number and national composition of the city population, as well as a description of the first time the Russian Minister of War negotiated with the Chinese governor-general of the Jilin province. The studied material illustrates A.N. Kuropatkin's understanding of the impossibility of organizing the management of the non-Russian population of the region without preserving authority the Chinese local officials and therefore there was a need to establish close cooperation with them. It is also pointed out the Minister of War had hoped increase the coordination of representatives of the Russians at the local level including Russia's local military, diplomatic, and financial departments. A.N. Kuropatkin's in his conclusions shows his conviction of the relative ineffectiveness of exclusively peaceful penetration into Manchuria without support by military force, a discovery which prompted him to actively engage in the further development of Harbin's military infrastructure.

Keywords: colonization project of the Russian Empire, Far Eastern frontier, Russian-Chinese cross-border, center and regions, Sungari railway bridge

Acknowledgements and Funding: The study was supported by the research grant No 22-28-01350 "Colonization of the Far East and Manchuria in Russian and Chinese Government Documents, Journalism and Periodicals, 1894–1920" of the Russian Science Foundation.

For citation: Avilov, Roman. "Russian City in Manchuria through the Eyes of the Minister of War: A.N. Kuropatkin's Visit to Harbin in 1903." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 354–369 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-354-369>

Введение

История русского Харбина к настоящему времени достаточно хорошо изучена. Опубликованы работы по начальному¹ и более поздним периодам² истории города, его архитектуре³, культуре⁴, так или иначе связанным с ним проблемам организации российской власти и влияния в Маньчжурии (для некоторых исследователей

¹ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991.

² Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003.

³ Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск, 2001; Лёвошко С.С. Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX вв. Хабаровск, 2003.

⁴ Забияко А.А., Забияко А.П., Лёвошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под. ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2015; Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011.

Харбин даже стал символом такого влияния)⁵, национальным вопросом⁶ и т. д. Обширна и общая историография русского присутствия в регионе⁷. Однако в последнее время Харбин оказался в тени Порт-Артура и Дальнего⁸, хотя как колониционный проект Российской империи он был не менее важен и куда более успешен, учитывая то, что он оставался в сфере русского влияния и после Русско-японской войны 1904–1905 гг., а после Гражданской войны 1918–1922 гг. стал одним из центров русской эмиграции, оставаясь таковым до окончания Второй мировой войны. Основанный в 1898 г. как железнодорожная станция при строительстве в Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), а затем и как русский город Харбин развивался достаточно бурно. Министр финансов С.Ю. Витте, настоявший на спрямлении русской железной дороги через территорию Китая, денег на проект не жалел, что в купе с удачно выбранным для города местом дало быстрые результаты. Еще до Русско-японской войны город успели посетить несколько русских министров – сам министр финансов и военный министр А.Н. Куропаткин в рамках своей масштабной поездки на Дальний Восток в 1903 г. Однако если всеподданнейший доклад С.Ю. Витте по поездке на Дальний Восток в 1902 г. опубликован и доступен для исследователей⁹, то сведения о посещении Харбина военным министром в литературе по истории этого города отрывочны. Не повлияло на ситуацию и активно развивающееся в последнее время в качестве самостоятельного направления научных исследований «куропаткиноведение»¹⁰ и изучение непосредственно КВЖД¹¹ – до настоящего времени ни дневниковые записи военного мини-

⁵ *Wolf D.* To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford, 1999; *Bassin M.* To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review) // *Slavic Review*. 200. № 3. P. 675–676. <https://doi.org/10.2307/2697379>; *Paine S.C.M.* To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review) // *The Russian Review*. 2000. № 3. P. 460–461.

⁶ *Carter J.H.* Creating a Chinese Harbin. Nationalism in International City, 1916–1932. Ithaca and London, 2002.

⁷ *Аблажей Н.Н.* 1) С Востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007; 2) Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // *Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история*. 2008. № 2. С. 80–85; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008; *Кротова М.В.* Харбин – центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). СПб., 2010; *Писаревская Я.Л.* Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // *Новый исторический вестник*. 2000. № 2. С. 4; *Ходяков М.В.* Желтороссия конца XIX – начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России*. 2018. Т. 8. № 4. С. 880–897; Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917). 2-е изд. / отв. ред. Д.Г. Янченко, М.В. Ходяков. СПб., 2021 и др.

⁸ *Павлов Д.Б.* 1) Город-порт Дальний, 1898–1904 гг.: агрегация традиции и новаторства // *Россия и АТР*. 2021. № 1. С. 8–23; 2) Китайский Квантун под российской арендой (1898–1905 гг.): прецедент модернизационного колониализма? // *Российская история*. 2018. № 1. С. 85–108; Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. док. / сост., авторы введения и комментариев И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб., 2018.

⁹ Всеподданнейший доклад министра финансов по поездке на Дальний Восток в 1902 г. // *Bumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов: в 5-ти т. М., 2002. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. С. 332–409.

¹⁰ *Авилов Р.С.* 1) Военный министр Алексей Николаевич Куропаткин на о. Сахалине (1903 г.) // *Вестник Сахалинского музея*. 2020. № 1. С. 69–91; 2) Военный министр А.Н. Куропаткин во Владивостокской крепости в 1903 г. (по новым источникам) // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2021. № 2. С. 16–28; *Белозерова О.А.* Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны (1904–1905). Историографический обзор публикаций за последние двадцать лет // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2014. № 17. С. 250–280; *Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под ред. В.М. Сальникова*. СПб., 2018; *Котюкова Т.В.* Алексей Николаевич Куропаткин – последний Туркестанский генерал-губернатор // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 27–50 и др.

¹¹ *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн., 1999; *Самойлов Н.А.* Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // *Новейшая история России*. 2016. Т. 17. № 3. С. 205–210.

стра о посещении им г. Харбина, ни представленные ему за время поездки материалы, в той или иной степени касавшиеся этого города, в научный оборот не введены. Следовательно, **цель данного исследования** – реконструировать многогранный образ Харбина накануне эпохальных событий Русско-японской войны 1904–1905 гг. на основе новых источников по поездке военного министра А.Н. Куропаткина на Дальний Восток в 1903 г.

День первый: планы, учения и проблемы казарменного размещения войск

Как и для других городов, которые военный министр посещал по пути, программа осмотра Харбина готовилась заранее. В отложившихся в личном фонде А.Н. Куропаткина в РГВИА материалах об этой поездке сохранился документ под названием «Распределение времени пребывания Его Превосходительства Военного Министра в Харбине». Ни даты, ни рабочих пометок самого министра на нем нет. По нему первоначальный график трехдневного посещения А.Н. Куропаткиным г. Харбина выглядел следующим образом.

В 1 день (30 апреля), по прибытии в 8:20, приема почетного караула и представляющихся лиц был запланирован объезд выстроенных войск гарнизона, маневр и церемониальный марш всех войск, участвовавших в маневре. С 11:15 до 12:00 – посещение собора и военного кладбища в Новом городе, затем завтрак в Собрании стрелкового полка и возвращение на станцию. С 15:00 – осмотр помещений полевых войск и Пограничной стражи в Новом Харбине, а также строящихся казарм. Затем следовало совещание и ужин с главным инженером, а в 10 час. вечера – посещение семейного вечера в военном собрании офицеров 30 ОКПС.

Во второй день (1 мая) в 8:00 утра предполагался получасовой прием Гиринского цзянь-цзюня, а после обеда – уже ответный визит к нему А.Н. Куропаткина. Остальное время было посвящено объезду помещений войск пограничной стражи в Старом Харбине, осмотру лагеря этих войск, участию в приуроченных к визиту министра общем завтраке офицеров, обеде нижних чинов, солдатских играх, состязаниях на призы, песнях и джигитовке. На половину пятого запланировали поездку на пристань, осмотр помещений пограничной стражи и артиллерийского склада. Завершить день предполагалось посещением вечера в Железнодорожном Собрании.

Утро 2 мая было оставлено по просьбе министра свободным, а на час дня был запланирован завтрак с последующим совещанием у начальника 30 ОКПС¹².

В реальности А.Н. Куропаткин прибыл в г. Харбин на день раньше – 29 апреля 1903 г., а покинул его не 3 мая, а 2-го. В остальном же этот документ, действительно, был основой организации времяпрепровождения высокого гостя в городе. Весьма показательное первое впечатление, зафиксированное военным министром в дневнике:

Приехали по расписанию. Мост через Сунгари поражает легкостью конструкции. Есть настилка для повозок. После Аму-Дарьинского и Волгского самый большой мост в России. Кажется 550 сажень¹³.

Сделанное машинально, без всякого политического или полемического контекста замечание, что «мост в России», хотя мост был не в России, а в Китае, наглядно свидетельствует о том, что А.Н. Куропаткин был уверен, что земли эти постепенно войдут в состав Российской империи и Китай окончательно потеряет над ними контроль.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 165. Оп. 1. Д. 5437. Л. 76.

¹³ Там же. Д. 1930. Л. 66.

На перроне министра встречал почетный караул от 17-го Восточно-Сибирского стрелкового Его Императорского Высочества Великого князя Алексея Александровича полка (командиром полка был полковник В.А. Сачковский). В Новом Харбине располагались 3-я, 4-я и 8-я роты этого полка, которые военный министр сумел впоследствии осмотреть лично, остальные – мелкими гарнизонами в северной Маньчжурии и на постах¹⁴.

Дальше, как и предполагал план визита, в его присутствии состоялось совместное двухстороннее тактическое учение с обозначенным противником войск Харбинского гарнизона и частей пограничной стражи. Общее руководство учениями осуществлял начальник Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ЗО ОКПС) генерал-лейтенант Н.М. Чичагов. Им же подробно и заранее была разработана вся программа маневров. Предположение для учений было следующее. Обороняющийся, после боя под г. Ажехе, отошел к новому Харбину и занял позицию у Нового города, ожидая подкреплений и прикрывая переправы через р. Сунгари. Оборона правого фланга позиции у стрелкового лагеря была возложена на отряд (частично обозначенный) в составе 5 сотен и 16 орудий под командованием генерал-майора Н.Н. Бунакова. Конница пограничной стражи участвовала вся. Наступающий отряд имел целью захватить новый Харбин, Сунгарийский железнодорожный мост, отрезав противника от верхних паромных переправ через р. Сунгари, и отбросить его в болотистое пространство, простирающееся к северо-западу от Харбина. Левая колонна наступающего, в составе 3 батальонов, 5 сотен, 1 конной охотничьей команды и 22 орудий, под командованием начальника 5-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады генерал-майора К.М. Алексеева, следуя от г. Ажехе через усадьбу Харбин (старый город), получила приказание атаковать противника, занявшего стрелковый лагерь, и отрезать его от паромных переправ в 28 верстах выше Сунгарийского железно-дорожного моста¹⁵.

К приезду А.Н. Куропаткина на платформу у старого Харбина, наступающий отряд был собран неподалеку от железной дороги. В составе отряда были две роты 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (9 офицеров и 387 нижних чинов), одна рота 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (2 и 162), одна рота 20-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (2 и 162), охотничья команда 18-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (2 и 103), одна батарея (8 орудий) 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (4 и 149), 8 рот Сводного пехотного полка пограничной стражи (27 и 1184), 5 сотен Сводного конного полка пограничной стражи (16 и 420) и 3,5 батареи Артиллерийского дивизиона пограничной стражи (10 и 176). Всего: 72 офицера и 2745 нижних чинов при 22 орудиях и 911 лошадях¹⁶.

Перед началом маневра министр объехал выстроенные войска, лично осмотрев их, после чего сделал запись в дневнике:

Выстроены были хорошо, наружный вид войск, особенно стрелков и наших артиллеристов отличный. Лошади в батарее очень хорошие. Конные охотники сидят на конях молодцами¹⁷.

Фраза «хорошо представились и войска пограничной стражи» была вставлена уже во всеподданнейший отчет¹⁸.

Военный министр лично принял участие в учениях. Вначале следовал с авангардом наступавшего отряда и видел развертывание и действия его главных сил, а также позицию оборонявшегося отряда, которая ему не очень понравилась:

¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 41.

¹⁵ Там же. Л. 75–75 об.

¹⁶ Там же. Л. 76.

¹⁷ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 66–66 об.

¹⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76.

Позицию заняли слишком короткую и таким образом что в глубину она была больше, чем по фронту. Для двух батальонов мала по фронту, а артиллерия стояла слишком далеко от пехотных ложементов и помощи пехоте в решительные минуты оказать не могла¹⁹.

При этом позиция оказалась еще и плохо замаскирована – опытный глаз А.Н. Куропаткина сразу определил места расположения орудий:

Конница наступающего отряда сначала сильно разбросалась, но затем подтянулась к своему левому флангу, что и было правильно по обстановке... Конница обороняющегося, отступая, перешла канаву, спешилась, отстрелялась и снова быстро села на коней; конница наступающего, при преследовании ее, переходя через ту же канаву, открыла свою батарею на короткое время; конница обороняющегося перешла было в наступление, но не сразу всей силой: был упущен весьма благоприятный момент захвата неприятельской артиллерии. Затем конница наступающего предприняла обход позиции слева, что было совершенно правильно и соответственно с заданием; артиллерия обороняющегося долго не замечала обхода и не открывала огня²⁰.

Затем А.Н. Куропаткин перешел на сторону обороняющегося, где его первое негативное впечатление о занятой позиции полностью подтвердилось. Позиция была выбрана по фронту слишком короткой – всего 500 шагов, и слишком глубокой – 1600 шагов, однако при этом охрана флангов была организована правильно, расстояния до местных предметов – измерены, позиция укреплена обозначенными окопами, и с нее было прекрасно видно развернувшееся наступление²¹. Военный министр отметил в дневнике:

Наступление велось в большом порядке. Роты в составе 84 рядов представляли солидное зрелище. Но слишком растянули фронт и уже слишком рано из 3-х ба[таль]онов двинули в первую линию два батальона²².

Ружейный огонь тоже был открыт слишком рано:

Надо более беречь патроны. Конница была разделена на две стороны поровну. При действиях конницы наступающего было больше инициативы, но было и суесть более, чем бы то следовало. У обороняющегося три сотни бездействовали. Две действовали успешно²³.

Когда А.Н. Куропаткин решил прибегнуть к своему излюбленному приему и ввести два элемента случайности, тоже получился конфуз:

Когда я изменил обстановку и указал, что конница наступающего уничтожена, а к коннице обороняющегося пришло подкрепление и приказал Чичагову атаковать левый фланг противника 10 сотнями, то это не удалось, ибо Алексеев не приостановил наступления, а Чичагов атаковал слишком разбросанно. Артиллерия наступающего держалась очень отдаленных позиций²⁴.

Военный министр остался произошедшим недоволен и на последовавшем разборе указал, что это:

собственно, был не маневр, а показное тактическое учение, ибо задание и исполнение были подготовлены; учение выполнено в общем хорошо; части войск действовали в порядке и тишине, особенно пехота; больше шума было в коннице (особенно в наступающей, при переходе рва с валом); впрочем, в коннице бо́льший шум отчасти неизбежен. С точки зрения показного учения все было исполнено хорошо, но когда в заранее составленную программу я ввел элемент случайностей, то здесь сказала не совсем достаточная подготовка трех родов оружия...²⁵

¹⁹ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 66 об.

²⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76.

²¹ Там же.

²² Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1930. Л. 66 об.; В отчете военного министра по поездке на Дальний Восток в 1903 г. указано, что роты были 64-рядного состава. См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76.

²³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 1.

²⁴ Там же. Л. 1–1 об.

²⁵ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76 об. – 77.

Впрочем, на общее впечатление А.Н. Куропаткина это не повлияло и во всеподданнейшем отчете было указано, что войска Харбинского гарнизона находились «на надлежащей высоте своего дела»²⁶. Устроенный после учений церемониальный марш министру также понравился²⁷.

Вторую половину первого дня в Харбине А.Н. Куропаткин посвятил осмотру помещений. Оказалось, что постоянные казармы для выставлявшего караул 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (ротные помещения, хлебопекарни, кухни, столовые, бани и офицерские квартиры») в основном еще не были достроены. А.Н. Куропаткину пообещали окончить их к 1 августа 1903 г. Только 3-я рота уже находилась в новой, постоянной казарме, в которой, правда, были земляные полы – здание строилось на ленточном фундаменте, а настелить деревянные полы к прибытию министра успели только в двух комнатах. Остальные роты этого полка, учебная команда, а также дислоцировавшиеся наряду с ними в Харбине 7-я рота 18-го и 8-я рота 20-го Восточно-Сибирских стрелковых полков размещались и зимовали в старых землянках.

Эти землянки, величиной на взвод каждая, – отмечалось в официальном отчете, – углублены до 1½ футов и кубическое содержание от 1,25 до 1,50 куб. саж. на человека; постройка землянки обходится всего по 1 р[уб]. 50 к[оп]. на человека. Зимовка в землянках не отразилась неблагоприятно на санитарном состоянии частей: общая заболеваемость за весь 1902 год составила лишь 1,9 %, смертность не превысила 0,08 %, а убыль по неспособности достигала до 0,17 %²⁸.

И действительно, в околотке полка оказалось всего 17 больных. Все осмотренные А.Н. Куропаткиным помещения оказались в пригодном состоянии, содержались чисто и заботливо. «Землянки при должном ремонте могут продержаться еще года два», – констатировал министр²⁹.

О казарменном расположении 1-й батареи 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады (командир подполковник Н.А. Романовский) министр сообщал следующее:

Нижние чины размещены в землянках: тесно, темно, особенно в одной землянке, где окна только по концам длинных сторон ее. Но порядок и чистота поддерживаются. Конюшни сбиты из досок: зимой холодно, а летом воздух очень тяжелый. Надо чаще выводить лошадей на свежий воздух³⁰.

При попытке совершить осмотр 5-й и 6-й рот 20-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (командир батальона – подполковник Е.К. Врублевский) случился конфуз. Батальон стоял в 30 верстах от Харбина, в Хуланьчене, в качестве гарнизона, откуда их и вызвали. Однако приказ дошел слишком поздно, в результате чего батальон совершил переход в середине дня, в самый пик жары, что привело к двум случаям теплового удара. В целом же войска оказались к таким экстремальным переходам вполне подготовлены, причем министр лично видел роты тотчас по прибытии – 3 офицера и 266 нижних чинов выглядели вполне бодро³¹.

Войска в Харбине должны были покинуть землянки и перейти в новые казармы уже к осени 1903 г., при этом, по мнению министра, артиллерия должна была переносить свои конюшни сама. При этом у войск пограничной стражи казармы уже были отстроены – на собственных войсках министр финансов С.Ю. Витте не

²⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 76 об. – 77.

²⁷ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 1–1 об.

²⁸ Там же. Л. 41.

²⁹ Там же. Л. 41–41 об.; Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 1 об.

³⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 41 об.

³¹ Там же.

экономил. Впрочем, на военного министра они произвели крайне неприятное впечатление:

Постоянные помещения пограничной стражи построены без совета с нами. Очень тесно. Полы не удачны. Надо их частью перестилать. Еще неудачнее исполнение идеи дать освещение сверху. Устроили двойные стеклянные рамы. В особенности нижние рамы сильно плятятся, а чистить их весьма затруднительно. Будут переделывать и, кажется, применят тип, принятый у нас в Закасп[ийском] крае, тоже в два света. Но что особенно печально, это крайне неряшливое содержание местности между казармами и около них. Местность не планирована, всюду лужи, отбросы, неопрятные кучи сена, вылитые из окон помои. Вонь. Полное отсутствие внутреннего порядка³².

В худшем состоянии оказался только расположенный в бараках Харбинский полевой запасной госпиталь, который нужно было капитально ремонтировать. При этом министр посчитал необходимым отпустить на 1904 г. кредит, чтобы построить новый госпиталь на обширном казарменном участке³³.

Отчет, подготовленный по итогам поездки военного министра на Дальний Восток, содержит достаточно подробную и в целом благожелательную характеристику Харбина, написанную на основе представленных ему материалов и личных впечатлений. В документе отмечалось, что город быстро растет. По результатам однодневной переписи 15 мая 1903 г. оказалось, что вместе с войсками в нем числилось 44 576 жителей, в том числе 15 579 русских подданных, 28 338 китайцев, 462 японца и 197 чел. других национальностей.

Город раскинулся очень широко, на 12 с лишком верст в поперечнике и делится на 4 главных части: Старый Харбин (или усадьба), Новый Харбин, Пристань и Затон (на другом берегу Сунгари), кроме того, есть и пригороды: мостовой поселок, ханшинный завод и пр.³⁴

Куда меньше понравилось министру, как организовано в городе размещение войск:

Расположение наших войск и пограничной стражи, – отмечалось в отчете, – разбросанное: регулярные войска, главным образом, на восточной окраине Нового Харбина; главная масса пограничной стражи, 6 рот и 6 сотен, – вблизи ст. Сунгари I в Новом городе и несколько рот, сотен и команд – в Старом Харбине, на пристани, в мостовом поселке и на так называемом кирпичном заводе³⁵.

В Новом Харбине военному ведомству было отведено достаточно большое пространство, но после подробного осмотра А.Н. Куропаткин посчитал необходимым, чтобы к отведенному уже участку добавили еще дополнительно крайний к железной дороге участок, необходимый для постройки лазарета и офицерского военного собрания. Юго-восточную границу этих двух участков, по его мнению, необходимо было сдвинуть до р. Мадьягоу. Главный инженер А.И. Югович категорически заверил военного министра, что на противоположном берегу речки никаких первоначально предполагавшихся фабрик не будет – места для них отнесут значительно дальше к северу. В целом Военное министерство претендовало еще на 50 тыс. кв. саженей земли³⁶.

По задумке А.Н. Куропаткина, это позволяло учесть печальный опыт 1900 г. и превратить занятую войсками территорию в оборонительное сооружение:

³² РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 2–2 об.

³³ Там же. Л. 2 об.

³⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 65.

³⁵ Там же. Л. 65–65 об.

³⁶ Там же.

Весь квартал военного ведомства, – отмечалось в отчете, – надо отгородить и по углам ограды сделать выступные части для фланкирования. Такой отдельный городок должен содержаться в полном порядке и служить образцом для пограничной стражи и хорошою защитой для жителей в случае неожиданных нападений в смутное время³⁷.

Согласился министр и с мнением Командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Д.И. Субботича, что размещать сотни совместно с пехотой и артиллерией, обеспечивая этим колоссальную скученность, не стоит, так как это может плохо отразиться на санитарном состоянии войск. Поэтому было решено запросить для расположения двух сотен и конно-охотничьей команды стрелков еще один участок по южную сторону железной дороги у самой границы всего отчуждения под г. Харбин. Этот участок, размером около 6 десятин, предполагалось обнести глинобитным забором с фланкирующими башенками, превратив в военный городок и одновременно опорный пункт для обороны г. Харбина³⁸.

Вечером, на совещании А.Н. Куропаткин суммировал все эти нужды и просил А.И. Юговича о решении пяти основных земельных вопросов гарнизона. Отвести дополнительные участки к стороне железной дороги по соседству с уже имевшимся, чтобы построить лазарет и военное собрание, причем большое и рассчитанное на весь гарнизон, а заодно выделить финансирование на его содержания. Отвести дополнительный участок к стороне канавы и старого Харбина, чтобы устроить там плац для полевой гимнастики, манеж и огороды. Предоставить около 6 десятин за железной дорогой для расположения там двух сотен казаков и конной охотничьей команды. Отвести участок на берегу р. Сунгари, в совместное пользование с пограничной стражей, чтобы он служил для расположения запасов и складов. Для удобства погрузо-разгрузочных работ размер участка по фронту должен был составлять длину поезда, то есть быть более 100 сажен, поскольку Харбин рассматривался как база для русских войск, если они будут собраны в Маньчжурии для действий против Китая или Кореи. Взамен А.Н. Куропаткин обещал вернуть впоследствии участок от старых интендантских складов. Требовался участок до 6000 десятин под лагерь и стрельбище, на расстоянии не более 25 верст от Харбина, а также участок вне города или на окраине для постройки госпиталя на 300, а затем на 600 чел. через 2–3 года. Югович выразил согласие на эти просьбы и указал, что решение этих вопросов будет зависеть от Правления КВЖД³⁹.

Для выбора точных мест под лагерь, стрельбище и госпиталь военный министр распорядился образовать комиссию с участием представителей от военного ведомства, пограничной стражи и управления постройки КВЖД. Предложенные к отводу участки А.Н. Куропаткину представили на плане уже на обратном пути из Порт-Артура. Участков было два: восточный – примыкающий к р. Сунгари, но в значительной степени заболоченный, и южный – более сухой. Оба примыкали к городу, были обеспечены водой, но министра сильно смущали болота, которые требовалось осушать. По мере получения военным ведомством новых участков и их оборудования все участки, временно занятые войсками и военной инфраструктурой в Новом городе еще в начале военных действий Китайского похода в 1900 г., предполагалось постепенно освободить и вернуть городу⁴⁰.

³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 65 об.

³⁸ Там же. Л. 65 об. – 66.

³⁹ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 3–4.

⁴⁰ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 66 об.

Второй день: дипломатические переговоры и осмотр города

Первую половину следующего дня, 1 мая, в Харбине военный министр посвятил дипломатическим вопросам. Уже в 8 час. утра у него с визитом был гиринский⁴¹ Дзянь-дзюнь, пожилой маньчжур с приятным умным лицом, служивший ранее в Или и в Кашгаре. После обычных приветствий он предложил А.Н. Куропаткину бумаги на русском и китайском языках со своими требованиями. Во-первых, он хотел увеличить полицейскую стражу, чтобы поставить на корейскую границу 2 тыс. чел., поскольку корейцы стали переходить границу и делать беспорядки. По его словам, прежде в Гиринской провинции было 30 тыс. войск, а теперь – чуть более 11 тыс. Однако на уточняющий вопрос, сколько же ему надо, он ответил 2 тыс. чел., на что А.Н. Куропаткин, договорившись с Д.И. Субботичем, согласился. Во-вторых, китайский чиновник просил, чтобы русские войска скорее освободили занимаемые ими китайские помещения. В скрытом виде это был вопрос об очищении Маньчжурии, поскольку Дзянь-дзюнь, ссылаясь на договор, отметил, что 26 марта, срок, назначенный для очищения Гиринской провинции, уже прошел. Министр честно ответил, что войска задержаны в Гирине, поскольку помещения в Приамурском крае еще не готовы, но что летом главная масса войск будет выведена, а Гирин, Куанченцзы⁴², Ташагоу⁴³ и Лашагоу⁴⁴ оставлены. При этом помещения в последних трех пунктах передавать китайцам не собирались, поскольку для службы на железной дороге формировались особые войска, казармы для которых тоже еще только предстояло построить. По той же причине А.Н. Куропаткин указал на необходимость временно занимать Ажехэ⁴⁵ и Нингугу⁴⁶, с чем Дзянь-Дзюнь вынужден был согласиться. Более всего его расстроило заявление министра об оставлении нескольких постов силой около 600 чел. по р. Сунгари. В утешение ему было предложено выставить по р. Сунгари охрану такой же силы и обещано выдать 600 китайских ружей. По заявлению о том, что переводчики-китайцы при русских военных начальниках служат причиной обид, чинимых жителям, министр запросил фактические данные, которые просил приготовить ко времени проезда через Куанченцзы⁴⁷.

Эта собственноручная дневниковая запись представляет большую ценность как единственное обнаруженное к настоящему времени документально свидетельство о данной встрече и вообще подобного рода переговорах русского военного министра с местными китайскими начальниками во время его проезда через Маньчжурию в 1903 г. В официальном отчете об этой встрече не сказано ни слова⁴⁸.

Завершив общение с цзянь-цзюнем, военный министр вернулся к более привычным для него смотрям и парадам.

В 11 часов при торжественной обстановке передал войскам царский привет и благодарность за службу. Присутствовал при церемониальном марше, обратив внимание на низкое качество выездки офицерских лошадей. Осмотрел А.Н. Куропаткин лагерь войск пограничной стражи, который только устраивался и нашел его в большом порядке⁴⁹. В тот же день утром министр осматривал временные помещения пограничной стражи в старом Харбине – полуземлянки, годные для жилья

⁴¹ Гирин – в настоящее время г. Цзилинь в одноименной провинции КНР.

⁴² Куанченцзы (Чанчунь) – город и железнодорожная станция в Маньчжурии на линии ЮМЖД.

⁴³ Ташагоу – железнодорожная станция на линии ЮМЖД.

⁴⁴ Лашагоу – железнодорожная станция на линии ЮМЖД.

⁴⁵ Ажехэ – в описываемый период город на р. Амур к югу от р. Сунгари.

⁴⁶ Нингута – в настоящее время г. Ниньянь провинции Хейлунцзян КНР.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 4–5 об.

⁴⁸ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 28–107 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 6–6 об.

еще не более 1–2 лет. Исключение составил один барак 6-й сотни 1901 г. постройки, который он приказал немедленно покинуть из-за сырости⁵⁰.

Затем он посетил ветеринарный лазарет на 35 лошадей, констатировав, что он в большом порядке и содержится весьма заботливо. Однако и здесь бросались в глаза бюрократические трудности. Министр записал в дневнике:

Медикаменты на всю конницу в достаточном числе, но людских медикаментов, получающихся более сложным порядком не везде достаточно⁵¹.

В вещевом складе запасы хранились исправно, но порядок высылки предметов обмундирования и конского снаряжения оказался неудовлетворительным. В свою очередь артиллерийский склад был найден уже совершенно не в порядке:

Есть сырьё, но главное хранение пороха до 200 пудов небрежное. Предписанных уставом мер предосторожности не принимается. Особого часового не стоит. Офицер вошел в оружие и без кенег⁵². Кругом рваная бумага, сухая как порох трава. Есть отбросы, которые надо было бы убрать. Караульное помещение далеко. Следует его перевести в ограду, сделав таковую из прочной стенки, с воротами. Тогда и наряд можно будет сократить⁵³.

Примечательно, что в отчет данные по этим трем учреждениям вообще не попали. Большое, хотя и не особо благоприятное, впечатление на военного министра произвела городская пристань на р. Сунгари и ее окрестности:

Очень оживленная и самая людная часть Харбина. Но требуется еще много труда и денег, чтобы привести ее в порядок. Склады товаров по реке, которые я посетил, содержатся беспорядочно и грязно. Скучены, кругом грязь, экскременты, вонь. Бунты с мукою стоят частью не покрытые или едва покрытые. На мешках густо осела пыль. По объяснению имеются средства для постройки обширных крытых пакгаузов. Пристани еще временные. Вообще подготовка на реке отстала от подготовки на железной дороге. Но река Сунгари мощная и реку эту надо и можно утилизировать⁵⁴ для пользы России. Особенно важно оставить ее за нами как *связь* между Вост[очно]-Кит[айской] железною дорогою и Приамурским Краем⁵⁵.

Там же, на пристани А.Н. Куропаткин осмотрел приспособленные для военных целей Сунгарийские пароходы. Всего их было 15, но осмотреть удалось только 2. Большая часть остальных находилась в «Затоне» на стоянке, а еще один пароход, как доложил министру А.И. Югович, был предоставлен в распоряжение А.С. Мадритова – командира отряда охраны в горно-лесопромышленной концессии группы А.М. Безобразова на р. Ялу⁵⁶. Осмотренный министром пароход имел военную команду и 2 небольших орудия на верхней площадке, но не специальных, а на обыкновенных лафетах, то есть, чтобы несколько пароходов сохранились как военная сила на р. Сунгари и чтобы на ней, для поддержания сообщения между русскими постами, были организованы регулярные рейсы, которые можно было использовать и как пассажирские. Для этого он полагал решить с Д.И. Субботичем и министром финансов вопрос о передаче на баланс военного ведомства 4 пароходов⁵⁷.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 6–7.

⁵¹ Там же. Л. 7–8.

⁵² Кенги – теплые башмаки или сапоги из юфтевой кожи с меховым подбоем.

⁵³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 7–8.

⁵⁴ То есть использовать. От фр. глагола *utiliser*.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 8–8 об.

⁵⁶ Мадритов Александр Семенович – Генерального штаба подполковник (1901 г.), полковник (1904 г.). В 1900–1901 гг. – командир 1-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска, в 1901–1902 гг. – старший адъютант штаба войск Квантунской области, в 1902–1904 гг. состоял в распоряжении Командующего войсками Квантунской области и командовал отрядом охраны в горно-лесопромышленной концессии группы А.М. Безобразова на р. Ялу.

⁵⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 9 об. – 10.

Про церковь, упоминание о которой есть в дневнике, но отсутствует в отчете, А.Н. Куропаткину сказали, что она была выстроена за 7 дней к приезду архиерея:

Холодная, но поместительная: обширный барак со стойками, обитыми досками. Дов[ольно] хороший иконостас⁵⁸.

При посещении полицейского управления министр нашел его в порядке, казарму нижних чинов – хорошей, но отметил, что служба из-за малочисленности личного состава получается тяжелая. Поэтому он настаивал на необходимости не только увеличить полицейскую стражу, но и сделать ее за счет богатого Харбина вольнонаемной. Явно недостаточным для быстро растущего Харбина оказался и арестный дом, где в тесноте находились более 100 арестантов, а китайцы вообще помещались в коридоре. Пожарной частью министр остался доволен, но не отказал себе в удовольствии объявить тревогу⁵⁹.

Смешанные чувства оставило у А.Н. Куропаткина и посещение торговых магазинов:

Есть обширные. Мне показывали два, в которых исключительно торгуют русской мануфактурой. Делают поощрения. Возвращают пошлину за хлопок. Но все же в Харбине уже видна мною масса иностранных товаров. Мы поощряем ввоз нашей мануфактуры в Маньчжурию и закрыв порто-франко во Владивостоке обрекли русское население Приамур[ского] Края платить за мануф[актурный] товар и другие товары много дороже, чем это стоит в Маньчжурии. Видел массы китайцев. Оживление оч[ень] большое⁶⁰.

Осмотрел он и паровую мукомольню первой Маньчжурской компании, имевшую собственную паровую мельницу. В 1902 г. на ней было размолото 274 тыс. пудов пшеницы, из которых: 130 тыс. пудов было доставлено из окрестностей самого Харбина и г. Ажехе, то есть с правого берега р. Сунгари не далее 60 верст, 90 тыс. – с левого берега и из района Хуланчена, а также – 54 тыс. – доставлено по р. Сунгари на джонках из окрестностей Байансусу и Синдяня. В 1903 г. предполагалось получить около 600 тыс. пудов пшеницы: 125 тыс. – по р. Сунгари из Байансусу, 300 тыс. – из Окрестностей Харбина и Ажехе, а также 175 тыс. – из окрестностей Хуланчена⁶¹. Военный министр заключал:

Теперь она размалывает 1.000 пудов, а с 1 июня будет размалывать до 2.800 пудов в сутки. Все 4 Харбинские мельницы могут размалывать до 7.000 пудов в сутки, что даст ежедневное довольствие на 140.000 человек. Отсюда видно, какое важное значение имеет мукомольное дело в Харбине для военного ведомства. Харбин – это наша будущая база. В наличности на Харбинских мельницах может быть всегда найден запас пшеницы до 300.000 пудов. Пшеница главным образом доставляется из окрестностей Харбина, в местностях на правом и левом берегу Сунгари⁶².

Поскольку расположенный на берегу большой судоходной р. Сунгари и в узле железных дорог Харбин должен был стать передовой базой всех будущих военных действий, в случае их начала в городе требовалось сосредоточить и большие интендантские запасы. Соответственно А.Н. Куропаткину предстояло осмотреть Харбинский «продовольственный магазин» (то есть склад) и решить вопрос о его оставлении на участке, уже отведенном во временное пользование военного ведомства, или возможном переносе на другое место. Здесь, увидев на месте уже отве-

⁵⁸ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 8 об.

⁵⁹ Там же. Л. 9.

⁶⁰ Там же. Л. 9–9 об.

⁶¹ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 97 об.

⁶² Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 10 об. – 11.

денный военному ведомству участок, министр немедленно отказался от сказанных накануне вечером на совещании у А.И. Юговича слов о необходимости предоставить военным другой участок для хранения запасов:

Когда я осмотрел *отведенный нам* участок под Интенд[антские] склады, – записал он в дневнике, – окруженный колючею проволокою, в 20.000 кв. сажен, близ Сунгари, очень ровный и весьма выгодно расположенный, то ни на минуту не колеблясь отказался от сделанного нам предложения нового участка в 10.000 кв. сажен выше города. Я указал, что сохраняю ныне отведенный нам участок, но считаю *необходимым продолжить его до реки* Сунгари, дабы мы могли иметь там свою пристань. Надо добиться этого⁶³.

Действительно, выбранное уже место было на 10 тыс. кв. сажен больше предложенной замены и исключительно удобное. Участок (200×100 сажен) располагался на границе городского отчуждения на берегу р. Сунгари, к востоку от железнодорожного моста. На нем были возведены три больших сарая из гофрированного оцинкованного железа (50 сажен в длину и 6 – в ширину) на кирпичных основаниях. Место было высокое, ровное, сухое и достаточно удобное для организации пристани, которую со временем предполагалось построить. Более того, А.Н. Куропаткин выступил за сохранение на участке временного железнодорожного пути, а также за прокладку от него непосредственно до складов – второго. Изначально управление строительства КВЖД предполагало построить на этом участке постоянные городские скотобойни, что впоследствии было признано невозможным. Военный министр согласился, что бойни надо отнести к северо-западу еще ниже по реке, арендуя для этого необходимый участок, или же оставить их там, где уже выстроены временные бойни. В противном случае они будут ограничивать развитие города и пристаней по берегу р. Сунгари.

Окружной интендант Приамурского военного округа полковник К.П. Губер доложил министру, что в Харбинском продовольственном магазине имелись запасы на 6 месяцев на 9 тыс. чел., в том числе: 80 тыс. пудов муки, 20 тыс. пудов сухарей, 12 тыс. пуд. риса и до 1 млн порций консервов, что в условиях приближавшейся войны с Японией было немного. Консервы А.Н. Куропаткин тут же распорядился предложить расходовать войскам пограничной стражи на освежение, чтобы не залеживались, а относительно муки констатировал, что хранить ее в металлических сараях непрактично, поскольку в сухую и жаркую погоду она быстро сохла, а в сырую – наоборот перегорала⁶⁴.

Третий день: вопросы коммерции и проблемы координации

Последний день пребывания А.Н. Куропаткина в Харбине, 2 мая, выдался не менее насыщенным. Сначала у него было продолжительное совещание по экономическим вопросам с К.П. Лазаревым, который в 1902–1903 гг. заведовал коммерческой частью КВЖД, после чего был направлен в распоряжение Правления Общества КВЖД в качестве консультанта. Лазарев стоял за необходимость свободного, без покровительственной политики, развития сил и средств не только Маньчжурии, но и Приамурского края⁶⁵. Затем последовало второе за время визита А.Н. Куропаткина в Харбин совещание с гиринским Дзянь-дзюнем, о котором вообще не удалось разыскать каких-либо сведений, кроме упоминания в дневнике самого военного министра. Ни в одном отчетном документе о поездке оно, так же как и первое, не упомянуто.

⁶³ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 11 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 4. Д. 503. Л. 66, 93; Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 11 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 12.

Запланированную на этот день стрельбу пришлось отменить из-за сильного дождя, тумана и резкого падения температуры до $2\frac{1}{2}^{\circ}\text{R}é$ с бывших накануне 24^{066} . Тогда А.Н. Куропаткин организовал еще одно импровизированное совещание с целью хоть немного снизить накал борьбы между различными ведомствами в Маньчжурии, которая уже стала притчей во языцех.

На совещание были приглашены Генерального Штаба подполковник А.Ф. Богданов, занимавший с 1902 г. должность военного комиссара Хейлунцзянской провинции Маньчжурии, Генерального Штаба полковник М.А. Соковнин, в 1902–1903 гг. исполнявший должность российского военного комиссара Гиринской провинции в Маньчжурии и В.Ф. Люба – дипломат, в 1899 г. – первый представитель МИД в Маньчжурии. Военный министр указывал им «волю Государя работать дружно, без ведомственной борьбы». Люба указывал, что ему «мешают агенты железной дороги». Тогда А.Н. Куропаткин пригласил и представителя Русско-Китайского банка в Гирине С.Б. Габриэля, который отвечал за взаимодействие с тремя Дзянь-дзюнями. Министр указал и ему «волю Государя, чтобы не было борьбы и несогласий между агентами разных ведомств», и дал совет делать заявления Дзянь-дзюням не иначе, как ставя о них в известность и дипломатических представителей⁶⁷. Последующие события показали, что большого влияния на взаимоотношения военного, дипломатического и финансового ведомств в Маньчжурии эта встреча не оказала.

Выводы

Таким образом, документы и дневниковые записи самого А.Н. Куропаткина, связанные с его поездкой на Дальний Восток в 1903 г., содержат достаточно ценные сведения о ранней истории Харбина. Их анализ позволяет сделать однозначный вывод, что военный министр считал вопрос о длительном сохранении русского влияния в Маньчжурии фактически решенным. В Харбине он видел один из важнейших центров этого влияния, причем как военного, так и экономического, поскольку именно через Харбин проходила КВЖД и протекала р. Сунгари – две важнейших стратегических и торговых артерии Маньчжурии. Поэтому в рамках своего визита военный министр уделил большое внимание вопросам расположения войск и организации казарменного строительства, в очередной раз констатируя, что министр финансов С.Ю. Витте, даже после истории с разрушением КВЖД в 1900 г. в ходе восстания ихэтуаней и необходимостью привлечения русских войск для его подавления, в первую очередь финансирует строительство помещений для войск 30 ОКПС, продолжая игнорировать интересы военного ведомства. Сам А.Н. Куропаткин об этом печальном опыте не забывал, настаивая на необходимости располагать постройки военного ведомства не отдельно, а кварталами, с тщательно продуманной заранее системой их обороны.

После Китайского похода для военных уже было очевидно и то, что продвигаемая С.Ю. Витте система мирного проникновения в Маньчжурию без поддержки военной силой не работала. Поэтому А.Н. Куропаткин активно занимался вопросами развития военной инфраструктуры Харбина – выделением участков под строительство госпиталя, обустройство стрельбища, летних лагерей войск и больших интендантских и продовольственных складов.

Понимал министр и то, с чем столкнулись русские генералы в Маньчжурии после окончания Китайского похода 1900 г. – управлять этой территорией и проживающим на ней многочисленным населением без помощи китайских властей, какими бы слабыми и неудобными они не казались, было просто невозможно. Иная

⁶⁶ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1931. Л. 12–12 об.

⁶⁷ Там же. Л. 12 об.

цивилизация и культура, существенно отличавшаяся от тех, с которыми русские военачальники уже привыкли иметь дело на Кавказе и в Средней Азии, уникальная бюрократическая традиция, а также язык со сложнейшей иероглифической письменностью сводили на нет все попытки управлять нерусским населением этих территорий напрямую. Именно поэтому А.Н. Куропаткин уделил большое внимание общению с гириным цзянь-цзюнем – представителем местных китайских властей, которому даже пошел на некоторые уступки. Не менее важным было и совещание с представителями русских министерств – военного, финансов и иностранных дел, которые никак не могли, да и особо не стремились, координировать свои позиции и действия при контактах с местными китайскими властями, что существенно снижало эффективность реализации русской политики в Маньчжурии и подрывало престиж русской власти среди китайского населения. В целом же посещение Харбина в 1903 г. оставило у А.Н. Куропаткина приятные впечатления и ощущение большого будущего у русского дела в северной Маньчжурии.

Поступила в редакцию / Submitted: 06.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.05.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.06.2023

References

- Ablazhei, N.N. “Kharbinskaia operatsiia NKVD v 1937–1938 gg. [The Kharbin operation of NKVD in 1937–1938].” *Humanitarian Sciences in Siberia. Series: Russian History*, no 2 (2008): 80–85 (in Russian).
- Ablazhei, N.N. *S Vostoka na vostok: Rossiiskaia emigratsiia v Kitae* [From East to East: Russian emigration in China]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2007 (in Russian).
- Ablova, N.E. *Istoriia KVZhD i rossiiskoi emigratsii v Kitae (pervaia polovina XX v.)* [The history of CER and Russian emigration in China (first part of XX century)]. Minsk: BGU Publ., 1999 (in Russian).
- Aurilene, E.E. *Rossiiskaia diaspora v Kitae (1920–1950-e gg.)* [Russian Diaspora in China (1920–1950)]. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiia Publ., 2008 (in Russian).
- Avilov, R.S. “The War Minister Aleksey N. Kuropatkin in Vladivostok Fortress in 1903 (using a new sources).” *Oikumena. Regional researches*, no. 2 (2021): 16–28 (in Russian).
- Avilov, R.S. “The War Minister Aleksey Nikolayevich Kuropatkin on the Sakhalin Island (1903).” *Journal of the Sakhalin Museum*, no 1 (2020): 69–91 (in Russian).
- Bassin, M. “To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review).” *Slavic Review* 59, no. 3 (2000): 675–676.
- Belozerova, O.A. “General Alexey Nikolaevich Kuropatkin as a statesperson and military leader at the threshold and during Russo-Japanese War (1904–1905). Historiography review over the past two decades.” *The Revue of Saint-Petersburg State University*, no 17 (2014): 250–280 (in Russian).
- Carter, J.H. *Creating a Chinese Harbin. Nationalism in International City, 1916–1932*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2002.
- Ianchenko, D.G., Khodjakov M.V., eds. *Tsentri i regiony: ekonomicheskaya politika pravitel'stva na okrainakh Rossiiskoi imperii (1894–1917)* [Center and regions: the economic policy of Russian Government in the periphery of Russian Empire (1894–1917)]. 2nd ed. St. Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 2021 (in Russian).
- Kapran, I.K. *Povsednevnaia zhizn' russkogo naseleniia Kharbina (konets XIX – 50-e gg. XX v.)* [Everyday routine of Russian people in Kharbin (last XIX – 50th of XX century)]. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta Publ., 2011 (in Russian).
- Khodjakov M. V. “ ‘Yellow Russia’ of the Late XIX – Early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite.” *Modern History of Russia* 8, no. 4 (2018): 880–897 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. “Alexey Nikolaevich Kuropatkin – The Last Turkestan Governor General.” *The World of Politics and Sociology*, no 2 (2018): 27–50 (in Russian)
- Kradin, N.P. *Kharbin – russkaia Atlantida* [Kharbin – the Russian Atlantis]. Khabarovsk: Izdatel'stvo Khvorova A.Yu. Publ., 2001 (in Russian).

- Krotova, M.V. *Kharbin – tseñtr russkogo vliianiia v Man'chzhurii (1898–1917 gg.)* [Kharbin – the center of Russian influence in Manchuria 1898–1917]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGUEF Publ., 2010 (in Russian).
- Levoshko, S.S. *Russkaia arkhitektura v Man'chzhurii. Konets XIX – pervaiia polovina XX vv.* [Russian architecture in Manchuria. Last XIX – early XX century]. Khabarovsk: Chastnaia kolleksiia Publ., 2003 (in Russian).
- Melikhov, G.V. *Belyi Kharbin: Seredina 20-kh.* [White Kharbin: the middle of 20th]. Moscow: Russkii put' Publ., 2003 (in Russian).
- Melikhov, G.V. *Man'chzhuriia dalekaia i blizkaia* [Manchuria: the long, and the near]. Moscow: Nauka Publ., 1991 (in Russian).
- Paine, S.C.M. “To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914 (Review).” *The Russian Review* 59, no. 3 (2000): 460–461.
- Pavlov, D.B. “Russia’s lease of Chinese Kwantung (1898–1905): a case of modernizing colonialism?” *Russian History*, no 1 (2018): 85–108 (in Russian).
- Pavlov, D.B. “The Port City of Dalniy, 1898–1904: Tradition and Innovation.” *Russia and the Pacific*, no 1 (2021): 8–23 (in Russian).
- Pisarevskaya, Ya.L. “Dve Rossii v Man'chzhurii: sotsial'naia adaptatsiia i reemigratsiia (20-e – nachalo 30-kh gg.)” [Two Russian in Manchuria: the social adaptation and remigration 20th early 30th].” *The New Historical Bulletin*, no 2 (2000): 4 (in Russian).
- Sal'nikov, V.P., ed. et al. *General Kuropatkin – State and Military leader of the Russian Empire. 170th anniversary of his Birth*: Collective monograph / Ed. by St. Petersburg: Foundation “University” Publ., 2018 (in Russian).
- Samoylov, N.A., Starovoytova, E.O., Khodjakov, M.V., and Yanchenko, D.G. “Chinese Eastern Railway – the Heritage of Two Empires: Research Perspectives.” *Modern history of Russia*, 17, iss. 3 (2016): 205–210 (in Russian).
- Vitte, S.Yu. *Sobranie sochinenii i dokumental'nykh materialov: v 5 t.* [Collected edition and documents in 5 volumes], vol. 1, part. 2, ch. 1. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Wolf, D. *To the Harbin station: The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1999.
- Zabiyako, A.A., Zabiyako, A.P., Levoshko, S.S., and Khisamutdinov, A.A. *Russkii Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Kharbin: the experience of life organization in the conditions of far frontier]. Blagoveshchensk: Amurskii gos. un-t Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Роман Сергеевич Авилов, канд. истор. наук, исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; старший научный сотрудник отдела истории Дальнего Востока России, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; 690001, Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89; avilov-1987@mail.ru

Roman S. Avilov, PhD in History, Researcher, St. Petersburg State University; 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; Senior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, 89 Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russia; avilov-1987@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-370-383>
EDN: WYWBGS

Научная статья / Research article

Топливное обеспечение тыловых городов Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны

Илья Сергеевич Тряхов

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия

ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация: Исследуется процесс обеспечения топливом населения Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны. Проанализированы региональные архивные материалы. Выявлен потенциал и значение находившихся в регионе таких топливных ресурсов, как торф и дрова, а также показаны основные способы их заготовки для нужд народного хозяйства. Отдельное внимание уделено условиям труда заготовителей и радикальным изменениям в половозрастном составе рабочих, занятых на добыче торфа и дровозаготовках. Показано, что в годы войны заметно возросла роль женщин, что было вызвано массовой мобилизацией трудоспособных мужчин в действующую армию. Следствием этого стало значительное снижение производительности труда, особенно в 1942–1943 гг. Расположение дрово- и торфоресурсов на значительном отдалении от городов с находившимися там предприятиями и учреждениями затрудняло своевременную их доставку. Логистические трудности нередко приводили к остановке некоторых заводов и фабрик, а также учреждений быта. Автор приходит к выводу, что в полной мере решить проблему доставки не удалось вплоть до окончания войны, хотя согласно имеющимся данным сами топливные ресурсы наличествовали в местах заготовок. Жалобы населения на отсутствие отопления в домах и на неоказание помощи с подвозом дров отложились в источниках эпохи в значительном количестве, уступая по частоте упоминания только трудностям с продовольствием.

Ключевые слова: советский тыл, топливная проблема, торфозаготовки, трудовая мобилизация, подвоз топлива, городская повседневность

Для цитирования: Тряхов И.С. Топливное обеспечение тыловых городов Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 370–383. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-370-383>

Study of the Fuel Supply to Interior Cities in the Ivanovo and Vladimir Regions during the Great Patriotic War

Ilya Tryakhov

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract: Through their research, the author has studied the process of providing the population of the Ivanovo and Vladimir regions with fuel during the Great Patriotic War. With an analysis of regional archival materials, the author reveals the both the importance as well as the future potential of such fuel resources as peat and firewood located in the region, as well as the main ways of their procurement for the needs of the national economy. Special attention is paid to the working conditions of procurement officers as well as the radical changes in the age and gender composition of workers em-

© Тряхов И.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ployed in peat extraction and firewood cutting across the War. It is shown that during the war years the role of women increased considerably, which was caused by the mass mobilization of able-bodied men. The consequence of this was a significant decline in labor productivity, especially from 1942 to 1943. The location of firewood and peat resources at a considerable distance from cities with enterprises and institutions made it difficult to deliver them in a timely manner. These logistical difficulties often led to shutdown of plants and factories, as well as public institutions. The author comes to the conclusion that it was not possible to fully solve the problem of supply until the end of the war, although according to the available data, there were still fuel resources in various places for procurement. The sources also show large number of complaints of the population about the lack of heating in for their homes and the failure to provide assistance with the delivery of firewood, as well as the broader difficulties with the food supply.

Keywords: Soviet rear, fuel problem, peat harvesting, labor mobilization, fuel supply, military everyday life

For citation: Tryakhov, Ilya. "Study of the Fuel Supply to Interior Cities in the Ivanovo and Vladimir Regions during the Great Patriotic War." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 370–383 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-370-383>

Введение

Центральные регионы СССР, к которым принадлежали Ивановская и Владимирская области, относились к территориям с холодным и длительным зимним сезоном. В связи с этим первостепенную важность для жизни в этих местах имело отопление жилых домов, общественных и промышленных зданий. В обнаруженных источниках продолжительность отопительного сезона по Ивановской области на 1944 г. устанавливалась в 196 дней – с 10 октября по 23 апреля. В зависимости от фактической наружной температуры сроки начала и конца отопительного сезона могли иметь отклонения¹. Такие сроки приводились в краткой характеристике региона, подготовленной в областном комитете ВКП(б)². Кроме того, расположенные здесь текстильные, стекольные, металлургические и машиностроительные предприятия требовали значительного количества разных видов топлива. Изучение топливного вопроса актуально в связи с необходимостью заполнения лакуны в региональных исследованиях по истории Великой Отечественной войны. Вторым аспектом актуальности является значение данной проблемы в контексте реконструкции повседневной жизни населения в годы военного лихолетья.

В отечественной историографии решение топливных проблем в годы войны обычно рассматривалось как один из элементов самоотверженного героизма жителей тыла³.

При этом без должного анализа оставались трудности, сопровождавшие этот процесс. Современных исследователей рассматриваемый вопрос интересует в контексте городской повседневности военных лет⁴. К заготовкам дров в массовом порядке привлекали сельских жителей, поэтому внимание ученых связано с изуче-

¹ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф.Р. – 2699. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

² Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1170. Л. 2.

³ Зудилов Г.С. Сталинград. Война. Вязники: книга-сборник документов и воспоминаний. Владимир, 2006. С. 14.

⁴ Палецких Н.П. Топливная проблема в контексте городской повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов Урала и стран Центральной Азии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: сб. науч. статей. Челябинск. изд-кий центр ЮУрГУ, 2020. С. 341–348; Кусков С.А. Решение топливной проблемы эвакогоспиталями в период Второй мировой войны (по материалам Челябинской области) // Труд во имя Победы: трудовые ресурсы и экономика Урала и Центральной Азии в годы Великой Отечественной войны: сб. науч. статей. Челябинск. изд-кий центр ЮУрГУ, 2021. С. 363–384; Усанов Д.В. Проблема снабжения топливом городов Южного Урала во время Великой Отечественной войны // Вестн. Челяб. Агроинженер. Ун-та. 1999. Т. 29. С. 175–178.

нием масштабов участия и значением этой деятельности для колхозников разных регионов⁵.

Среди исследований, посвященных участию женщин в работе в тылу, особо следует выделить работы Р.Д. Марквик и Б. Физелер⁶, Е.Ю. Волковой⁷. В представленной статье данный аспект показан на материалах Ивановской и Владимирской областей.

Краткий историографический обзор показывает недостаточную региональную изученность топливного вопроса в СССР в период Великой Отечественной войны, а потому автор данной статьи ставит своей целью заполнить лакуны в исследованиях на примере двух регионов, имевших большое значение для тыловой экономики страны⁸.

Источниками, использованными в работе, стали партийные документы обкомов и горкомов Владимирской и Ивановской областей, материалы городских предприятий, производивших теплогенерацию, а также источники личного происхождения, к которым относятся воспоминания современников, занятых на заготовках торфа и дров.

Потенциал древесного топлива и торфа в регионах в годы войны

Уже в довоенные годы в СССР был создан специальный научно-исследовательский институт по изучению торфа. Из таблицы можно видеть масштабы и динамику добычи торфа в последний предвоенный год и в военный период.

Добыча торфа на торфяных предприятиях Министерства электростанций СССР в 1940–1945 гг.

Годы	Всего добыто торфа, тыс. т	В том числе по способам					
		Гидроторф		Элеваторный и экскаваторный		Фрезерный	
		Тыс. т	%	Тыс. т	%	Тыс. т	%
1940	13 445	8500	63,2	1662	12,4	2856	21,2
1941	11 746	6936	59	1474	12,5	2990	25,4
1942	7644	4925	64,4	981	12,8	1532	20,0
1943	11 222	7036	62,7	1630	14,5	2304	20,5
1944	11 449	6801	59,4	1469	12,8	3024	26,5
1945	10 077	6578	65,3	1399	13,9	1984	19,7

Источник: Копенкин В.Д., Копенкина Л.В. Гидроторф в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2006. № 4. С. 479–484.

⁵ Уваров С.Н. Трудовые повинности крестьян Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 1. С. 64–74; Хисамутдинова Р.Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е – начале 50-х гг. XX века (на материалах Урала) // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. 2013. № 2. URL: <http://www.vestospu.ru>; Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х гг. Вологда, 2001; Шалак А.В. Условия жизни и быта населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Иркутск, 1998; Родионов Н.А. Вопросы использования трудовых ресурсов Мордовской АССР в торфодобывающей промышленности Удмуртской республики (1940–1960-е годы) // Региональные аспекты экономического развития. 2012. № 2 (17). С. 53–64.

⁶ Марквик Р.Д., Физелер Б. «Каждое полено – удар по врагу!» Женщины в лесной промышленности военного времени // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны // отв. сост. Беате Физелер и Роджер Д. Марквик. М., 2019. С. 103–125.

⁷ Волкова Е.Ю. Роль женщин тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник КГТУ. 2009. № 22. С. 45–49; Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю. Бытовые проблемы жителей тыловых регионов России в годы Великой Отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 2. С. 97–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103>

⁸ Основная часть Владимирской области до августа 1944 г. входила в состав Ивановской области, после чего была выделена из нее в результате административной реформы. Также в состав Владимирской области входил ряд районов Горьковской области.

Extraction of peat at the peat enterprises of the Ministry of Power Plants of the USSR in 1940–1945

Years	Total peat production, thousand tons	Including the ways					
		Hydropeat		Elevator and excavator		Milling	
		Thousand tons	%	Thousand tons	%	Thousand tons	%
1940	13 445	8500	63.2	1662	12.4	2856	21.2
1941	11 746	6936	59	1474	12.5	2990	25.4
1942	7644	4925	64.4	981	12.8	1532	20.0
1943	11 222	7036	62.7	1630	14.5	2304	20.5
1944	11 449	6801	59.4	1469	12.8	3024	26.5
1945	10 077	6578	65.3	1399	13.9	1984	19.7

Source: Kopenkin, V.D., and Kopenkina, L.V. "Gidrotorf v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [Hydropeat during the Great Patriotic War]." *Mining Informational and Analytical Bulletin (Scientific and technical Journal)*, no. S4 (2006): 479–484 (in Russian).

Как можно увидеть из таблицы, добыча в военные годы была меньше, чем в 1940 г., а особенно сильное падение наблюдалось в 1942 г. На долю Ивановской и Владимирской областей приходилось примерно 15 % добываемого в стране торфа⁹.

В связи с массовой мобилизацией мужчин на фронт в тылу усиливался недостаток рабочих рук. Данное обстоятельство привело к необходимости привлекать женщин на заготовки торфа и древесины.

В условиях войны трудности с топливом испытывали все потребители, но наиболее тяжело приходилось социальным, общественным и культурным учреждениям. В документах Ивановского¹⁰ и Владимирского обкомов¹¹, а также городских комитетов партии периодически отмечается нехватка дров в жилых домах, больницах, поликлиниках и других социальных учреждениях, имевших центральное отопление.

Как свидетельствуют документы, запасы древесины в районах и городах Ивановской области оценивались в 250 млн м³ при возможном расходе в 5–6 млн м³ ежегодно¹². При этом 17 % леса приходилось на долю Макарьевского района, находившегося на левом берегу Волги, транспортная связь с которым была слабой. Небыловский, Гаврилово-Посадский, Ильинский и Суздальский районы были бедны лесом, хотя для решения топливных сложностей имевшихся лесных насаждений хватало. Главной проблемой оставалась рабочая сила для заготовок. Эти районы являлись знаменитым Опольем, где сельское хозяйство исторически играло важную роль. Имеющийся в регионе лес в большей степени давал дрова, но не деловую древесину¹³.

В области насчитывалось 725 торфяных болот площадью более 10 га каждое и 40 крупных болот, размер которых превышал 1 тыс. га. Торф имелся во всех районах, но не везде добывался в больших масштабах. На 1942 г. в эксплуатации находилось 83 торфоболота. Значение торфа сильно выросло в энергообеспечении региона в предвоенные годы и достигло 40 % в топливном балансе промышленности по сравнению с 10–12 % показателем до начала индустриализации¹⁴. Нехватка торфа в отдельные периоды войны приводила к перебоям в работе фабрик. Торф являлся

⁹ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 55.

¹⁰ Там же. Д. 494. Л. 58.

¹¹ ГАВО. Ф.П. – 830. Оп. 1. Д. 26. Л. 6–8; д. 28. Л. 8.

¹² Данные по Ивановской области были представлены в документе на 1943 г., а потому включали в себя не только Владимирскую область, но и несколько районов, переданных в 1944 г. в состав Костромской области.

¹³ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1170. Л. 3.

¹⁴ Там же. Л. 6.

основным сырьем для электростанций региона, что отмечалось даже в немецких источниках, оценивавших состояние советской экономики накануне войны¹⁵.

По плану 1941 г. в регионе предполагалось добыть 1920 тыс. т, но фактически было извлечено меньше – 1785 тыс. т. На 1943 г. план добычи уменьшили до 1755 тыс. т, но фактическая добыча оказалась больше и составила 1776 тыс. т. На 1944 г. план также уменьшили, и он был установлен на отметке 1625 тыс. т¹⁶. Согласно сведениям Ивановского обкома и облисполкома, имелись случаи превышения показателей по добыче со стороны некоторых торфопредприятий. В этом были замечены Андреевское и Барковское торфоболота¹⁷. Так что количество добытого топлива, видимо, было преувеличено.

Для бесперебойного снабжения промышленности электроэнергией только в 1944 г. электростанциям области требовалось 1188 тыс. т торфа без учета резервного запаса. Помимо этого, 160 тыс. т требовалось для стекольного завода имени Дзержинского, находившегося в Гусь-Хрустальном и производившем необходимое фронту автомобильное и авиационное стекло. В 1943 г. некоторые предприятия этого города испытывали нехватку торфа, прекращали отапливать цеха и простаивали¹⁸. На данном заводе для экономии использовали топливные отходы: торфяную крошку, опилки и смолу. Это давало определенные результаты и позволяло экономить сотни тонн сырья. Некоторые цеха отапливали хворостом¹⁹. Гусь-Хрустальный завод в феврале – апреле 1942 г. долгое время простаивал из-за отсутствия торфа, который плохо подвозили²⁰. Трудности были и в следующем году, что проявилось в выпуске за десять месяцев 1943 г. лишь 600 тыс. стаканов, хотя до войны завод производил их 40 млн штук в год²¹. Общее падение производства продукции по Гусь-Хрустальному из-за перебоев с топливом и сырьем в 1943 г. составило 48 % относительно 1940 г.²²

Добыча торфа для нужд областного хозяйства выросла с 1940 по 1943 гг. с 80 до 200 тыс. т в год. Значительное количество топлива заготавливалось местным населением для обеспечения железнодорожного транспорта. Для железных дорог и промышленности было заготовлено за 1941–1944 г. почти 13 млн м³ дров²³.

После образования Владимирской области в ней насчитывалось 289 торфоболот площадью свыше 10 га. Площадь промышленных залежей составляла 90 822 га, а запасы воздушно-сухого торфа оценивались в 274 949 га²⁴. В 1943 г. здесь производилось 984 тыс. т торфа или 32 % от производства сырья на прежней территории Ивановской области; дров заготавливалось 2365 тыс. кубометров, деловой древесины – 461 тыс. кубометров, что составляло соответственно 51,4 или 45,2 % от производства сырья в пределах прежней территории²⁵.

Сложности с топливом нередко приводили к конфликтам между предприятиями в борьбе за него²⁶. В Вязниках фабрика «Комсомолец» простаивала в 1942 г. из-за незаконного завоза дров на фабрику «Карл Либкнехт». Поведение директора

¹⁵ ЦАМО. Ф. – 500. Оп. 12450. Д. 81. Л. 14; д. 194. Л. 8–9.

¹⁶ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 55.

¹⁷ ГАВО. Ф.Р. – 2699. Оп. 1. Д. 5. Л. 39–40.

¹⁸ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 56.

¹⁹ ГАВО. Ф.П. – 118. Оп. 1. Д. 87. Л. 10, 23.

²⁰ Там же. Д. 97. Л. 7.

²¹ Там же. Д. 123. Л. 19.

²² Там же. Л. 33.

²³ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1170. Л. 14.

²⁴ ГАВО. Ф.П. – 830. Оп. 1. Д. 26. Л. 5.

²⁵ Там же. Л. 9.

²⁶ Там же. Ф.П. – 791. Оп. 1. Д. 114. Л. 15.

фабрики Синицына было расценено как неправильное, поскольку, по мнению партийных органов, он «по сути, крал дрова у других фабрик»²⁷.

В отчетах Владимирской ТЭЦ топливные затруднения отмечались уже с августа 1941 г.²⁸ Перебои с поставками топлива на электростанции региона зимой 1942–1943 гг. рассматривались даже в ЦК ВКП(б). Высшее партийное руководство требовало от Ивановского обкома наладить вывоз заготовленного торфа и дров²⁹.

В г. Александрове медленная заготовка топлива на зиму происходила все военные годы. На зиму 1943–1944 гг. обеспеченность дровами к январю не достигала по отдельным организациям и 20 % потребности. Медленные заготовки объяснялись, в первую очередь, нехваткой лошадей³⁰. Так, заготовленные еще в 1942 г. фабрикой «Искождеталь» дрова не были вывезены даже к началу 1945 г. В результате этого они обратно переходили в собственность Леспромхоза, а предприятие их заново покупало в течение нескольких лет³¹.

Первый секретарь Ковровского горкома партии А.Ф. Хаханов отмечал в 1941 г. «исключительно тяжелое положение с заготовкой топлива для города». По его мнению, ряд руководителей «преступно-беззаботно» отнеслись к заготовке топлива по своим ведомствам. К таковым руководитель горкома отнес прежде всего заведующих городских отделов народного образования и здравоохранения. Нередко готовое топливо, доставленное в город, не привозилось в школы и лечебные учреждения, бронировалось на другие цели. Руководителей предупреждали об ответственности за необеспечение своих учреждений топливом. С одной стороны, следует отметить, что горком своими требованиями возлагал ответственность в большей степени на сами учреждения образования и здравоохранения. В то же время, снимая в определенной мере с себя ответственность за обеспечение топливом, городские власти указывали на необходимость привлекать незагруженных на основной работе водителей³².

Дрова доставлялись не только автомобильным и гужевым транспортом, но и путем сплава по рекам. Это было характерно для г. Муром, где водной артерией была река Ока³³, а также для Юрьевецкого и Кинешемского районов, где сплав шел по рекам – Волге, Тезе и Унже³⁴.

Местные власти г. Муром в 1943 г. обращали внимание на необходимость рационального расходования топливных запасов:

В условиях Отечественной войны в вопросах разрешения топливной проблемы мы должны идти кроме максимального увеличения добычи топлива и по другому направлению – жесточайшей его экономии³⁵.

На одном из заседаний Муромского горкома партии в начале 1943 г. особо отмечалось:

Перерасходы топлива должны рассматриваться сейчас, как преступление, как растрата стратегического сырья в военное время. Лица, виновные в пережогах топлива и бесхозяйственном его расходовании подлежат ответственности, как преступники, подрывающие военную мощь нашей страны. В то же время, товарищи, экономящие топливо должны пользоваться у нас почетом и славой наряду с лучшими стахановцами³⁶.

²⁷ ГАВО. Ф.П. – 791. Оп. 63. Д. 17. Л. 31.

²⁸ Там же. Ф.П. – 1357. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.

²⁹ Там же. Ф.П. – 118. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

³⁰ Там же. Ф.П. – 119. Оп. 3. Д. 145а. Л. 17 об. – 18.

³¹ Там же. Д. 198. Л. 42.

³² Там же. Ф.П. – 116. Оп. 63. Д. 21. Л. 56.

³³ Там же. Ф.П. – 495. Оп. 1. Д. 21. Л. 122.

³⁴ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1170. Л. 5.

³⁵ ГАВО. Ф.П. – 495. Оп. 5. Д. 67. Л. 7.

³⁶ Там же. Л. 7.

Для отопления больниц предполагалось использовать торфяную крошку. Энергоэффективность могла быть достигнута через остекление и ремонт оконных рам, входных дверей, печей, дымоходов и т. п.³⁷

В период войны доля торфа в топливном балансе увеличилась, составив во Владимире в 1941 г. 25,2 %; в 1943 г. – 52,6 %; в 1944 г. – 64,5 %. В 1944 г. планировалось добыть 8 тыс. т торфа только от ближайшего месторождения, известного под названием «Долгая Лужа»³⁸. Потребность города Владимира в топливе на 1942 г. оценивалась в 111 тыс. кубометров. За счет самозаготовки дров и пня предполагалось получить 55 тыс. т, на самозаготовки торфа приходилось 7,5 тыс. Торфопредприятие «Долгая Лужа» должно было предоставить 20 тыс. т, прочие производства должны были дать оставшиеся 18,5 тыс. т³⁹. Из-за строительства тракторного завода во Владимире к концу войны была расширена энергетическая база. Увеличение потребления местной ТЭЦ предполагалось компенсировать как за счет увеличения добычи на Гусевском торфопредприятии, так и с других месторождений Ивановской области. Для второго варианта требовалось строительство железнодорожной линии длиной 120 км и моста через Волгу⁴⁰. Реализовать это в условиях войны не представлялось возможным. В отчете Вязниковского горкома за 1940–1945 гг. отмечалось, что за годы войны лесосечный запас уменьшился почти на десять лет вперед⁴¹.

Весомой проблемой становилось в исследуемый период качество торфа, доставлявшегося на электростанции и предприятия стекольной промышленности. Нарекания по этому поводу были регулярными. Нередкими были случаи, когда полученный торф невозможно было использовать в работе. Помимо этого, периодически сырье перехватывалось сторонними организациями прямо во время его доставки по железной дороге. В отчетах по Владимирской ТЭЦ за 1944–1945 гг. в связи с этим постоянно содержались жалобы:

Торф расхищается на всем протяжении пути, от места приемки его на весах узкой колеи до момента выставления его на подъездные пути Владимирской ТЭЦ⁴².

Предприятие даже вынуждено было подать иск в арбитраж, который присудил доставить топливо в сжатые сроки⁴³, но в период нехватки торфа ТЭЦ действовала не на полную мощность, что негативно сказывалось на работе промышленных предприятий и коммунального хозяйства города.

Условия труда заготовителей топлива

Война радикально изменила половозрастной состав работников, занятых на заготовке топлива. Из-за массового призыва в действующую армию проявился дефицит, как тогда писали в документах, «полноценной» рабочей силы, то есть здоровых мужчин молодого и среднего возраста. Именно ориентируясь на эту категорию работников, были запланированы соответствующие нормы выработки; на одного работника она составляла лишь один кубометр при нормативе 2 м³ за рабочий день. Причинами этого называли большое количество подростков среди заготовителей, «физическую неполноценность» (немолодой возраст некоторых работников) и большое количество женщин на производстве, которые по своим возможностям уступа-

³⁷ ГАВО. Ф.П. – 495. Оп. 5. Д. 67. Л. 8.

³⁸ Там же. Ф.П. – 100. Оп. 56. Д. 76. Л. 7 об.

³⁹ Там же. Ф.Р. – 2699. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

⁴⁰ Там же. Ф.П. – 830. Оп. 1. Д. 12. Л. 2, 7.

⁴¹ Там же. Ф.П. – 791. Оп. 1. Д. 142. Л. 227.

⁴² Там же. Ф.Р. – 1357. Оп. 2. Д. 41. Л. 8 об.

⁴³ Там же. Д. 45. Л. 10–11.

ли мужчинам⁴⁴. Кроме того, не хватало рабочего инвентаря. Так, в июле 1942 г. на дровозаготовках было только 150 пил на 400 работников⁴⁵. В условиях привлечения к заготовкам дров неопытных, а также неквалифицированных лесорубов отмечался повышенный износ инструмента.

В решении сессии исполкома Владимирского облсовета депутатов трудящихся от 28 декабря 1944 г. отмечалось, что неудовлетворительная заготовка дров является следствием

отсутствия должной организации труда в лесосеках и недостаточным использованием механизированных и рационализированных методов работы и социалистического соревнования⁴⁶.

Так, для заготовки дров по железнодорожному транспорту предполагалось мобилизовать 2575 чел. лесозаготовителей и 2450 возчиков с лошадьми. По факту в октябре – декабре 1944 г. на заготовках в среднем работало 1697 чел., или 64 % к плану, а на вывозке трудилось 1430 работников, или 58,3 % к плану. Производительность труда продолжала не соответствовать установленной норме. В среднем за один день заготавливалось 2,4 м³ в день при плане в 3 м³ на человека, вывозить удавалось по 2,83 м³ при плане в 3,4 м³⁴⁷.

Задействованным на лесозаготовках лесорубам помимо основной зарплаты с 1942 г. полагалась надбавка⁴⁸. Но даже в этом случае обеспечить максимальное присутствие работников на дровозаготовках редко удавалось. Руководство Суздальского райкома партии было недовольно действиями председателя Ляховицкого сельсовета, не принявшего должных мер в отношении лесорубов и коневозчиков, самовольно ушедших с заготовок. Более того, председатели колхозов предоставляли им другую работу, тем самым, как считали в райкоме, прикрывая дезертиров⁴⁹. Мотивы колхозных руководителей объяснимы, так как они сами нуждались в рабочей силе для выполнения как плановых заготовок, так и для обеспечения функционирования колхозов.

Тяжелые условия на заготовках топлива приводили к сокращению числа работников из-за болезней. Отсутствие опыта вело к повышенному травматизму, поэтому местное руководство указывало на необходимость контроля над заготовителями⁵⁰. В 1944 г., по неполным данным, из 17 194 чел., прибывших для работы на торфопредприятии Ивановской области, 1548 чел. покинули свое рабочее место без разрешения администрации⁵¹. В соседнем с городом Александровом торфоболоте в 1945 г. добычу вели 38 человек. Хотя работники выполняли и даже иногда перевыполняли нормы выработки, дисциплина были слабой: отмечались случаи невыхода на работу в течение шести дней⁵².

На дрово- и торфозаготовки проводились мобилизации мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 18 до 45 лет, годных к физическому труду. После решения об отправке на трудовой фронт женщин с детьми в обком и облисполком начали поступать многочисленные жалобы матерей, поскольку многим не с кем было оставить дома малолетних детей. Было принято решение об освобождении от трудовых работ только женщин с грудными детьми и детьми до 8 лет при отсутствии

⁴⁴ ГАВО. Ф.Р. – 2699. Оп. 1. Д. 16. Л. 55.

⁴⁵ Там же. Ф.П. – 100. Оп. 56. Д. 50. Л. 99.

⁴⁶ Там же. Ф.П. – 830. Оп. 1. Д. 12. Л. 8.

⁴⁷ Там же. Ф.Р. – 3319. Оп. 1. Д. 44. Л. 50.

⁴⁸ Там же. Ф.Р. – 2152. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

⁴⁹ Там же. Ф.П. – 112. Оп. 3. Д. 104. Л. 49.

⁵⁰ Там же. Ф.П. – 791. Оп. 1. Д. 80. Л. 17.

⁵¹ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 59.

⁵² ГАВО. Ф.П. – 119. Оп. 3. Д. 198. Л. 42.

родственников, с которыми можно было бы их оставить. Но при этом была сделана жесткая оговорка:

В тех местах, где работы будут производиться вблизи населенных пунктов, и матери будут жить со своими семьями, а отлучаться только во время работ – от мобилизации не освобождать⁵³.

Несмотря на условия военного времени, это указание местного руководства сложно назвать продуманным. Недостаточное количество работников можно было компенсировать продуманной организацией труда. Начиная с 1942 г., мобилизованные на заготовки топлива освобождались от других трудовых повинностей⁵⁴. В 1941 г. приоритетом было строительство оборонительного обвода в регионе.

Нехватка рабочей силы требовала переброски работников из одних районов в другие. Тем не менее г. Вязники, испытывавший подобный дефицит, должен был послать 60 учащихся педагогического училища на Гусевское торфопредприятие. Директор педучилища не выполнила это решение бюро горкома и получила выговор с занесением в учетную карточку⁵⁵. На торфоразработки в самих Вязниках только в марте 1943 г. требовалось 778 чел., а имелось всего 208. Компенсировать нехватку работников предполагалось за счет завоза трудящихся из других областей, но план выполнить не смогли⁵⁶.

Потребность только одного города Коврова в дровах на зиму 1941–1942 гг. составляла 94 300 м³, и для этого предполагалось привлекать население, которое должно было заготовить 30 тыс. м³, еще 10 тыс. м³ должны были заготовить для себя отдельные учреждения, которым предписывалось привлекать своих сотрудников. Ежедневная потребность оценивалась в 300–400 чел. В то же время гортоп и райлесхоз должны были обеспечивать работников инструментом, поскольку не у всех он имелся. Предприятия города обязывали выделять для заготовок транспорт⁵⁷.

Жившая в селе Семеновском-Красном Суздальского района К.А. Федосимова вспоминала о работе на заготовках дров и торфа:

В 1943 г. старший [брат], которому было тринадцать лет, стал работать на лесоповале: пилили деревья, обрубали ветки и отгаскивали, складывая на подвозу. Но самое трудное предстояло на торфоразработках, очень тяжелый, далеко не детский труд⁵⁸.

Другой современник, живший во Владимире, вспоминал о своей работе:

На каникулах в 1943 и 1944 годах мы работали на торфодобывающем предприятии «Долгая Лужа». Ходили на работу пешком 15 км. Мы считались в этот период рабочими, поэтому нам заменили хлебную карточку иждивенца на карточку рабочего, норма которой была в два раза больше. Кроме того, нам давали талоны на обеды в столовой. На глубине одного метра от земли нарезались пласты торфа. Мы спускались в эти углубления и выбрасывали куски торфа на поверхность⁵⁹.

В документах хлопчатобумажной фабрики имени Л.Б. Красина в 1941 г. обращалось внимание на отсутствие у женщин, отправляемых на заготовки дров, зимней одежды. Проблема, как отмечалось на собрании, появилась из-за того, что заготовки, рассчитанные на осень, начали осуществлять зимой⁶⁰.

⁵³ ГАВО. Ф.П. – 116. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

⁵⁴ Там же. Ф.Р. – 3319. Оп. 1. Д. 44. Л. 1.

⁵⁵ Там же. Ф.П. – 791. Оп. 63. Д. 30. Л. 19.

⁵⁶ Там же. Д. 22. Л. 132.

⁵⁷ Там же. Ф.П. – 116. Оп. 63. Д. 28. Л. 37.

⁵⁸ Дети войны – патриоты Отечества. Владимир, 2006. С. 19.

⁵⁹ Поиск. Никто не забыт, ничто не забыто / Воспоминания владимирцев – участников Великой Отечественной войны. Владимир, 2011. С. 580.

⁶⁰ ГАВО. Ф.Р. – 405. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

Для ликвидации отставания в добыче и сушке торфа обычно предлагалось мобилизовывать дополнительную рабочую силу, причем речь шла о 2,5–5 тыс. чел. в месяц. На предприятиях по добыче торфа отмечалась высокая текучесть рабочей силы. Хорошая выработка (нередко в 120–130 % от норматива) была у работников, привлеченных на длительный период, а вот среди временных рабочих выработка обычно составляла лишь 50–80 %. При этом дисциплина была низкой. Некоторые из часто уходили в лес за ягодами, спали на работе и заканчивали ее раньше положенного срока⁶¹. Рабочих, не выполнявших нормы, в соответствии с распоряжениями обкома, кормили по меньшим нормам⁶².

Что касается питания, то на Гусевском торфопредприятии оно было однообразным и невкусным. Дополнительное питание рабочим, успешно выполнявшим нормы, отпускалось с запозданием на 2–3 дня. К тому же основной объем еды предоставлялся вечером, а не утром, что не способствовало эффективной работе⁶³. Питание рабочих было несколько улучшено только с приездом летом 1944 г. на предприятие с проверкой первого секретаря Ивановского обкома Г. Пальцева⁶⁴. Невыполнение планов по заготовкам торфа в Гусевском районе в 1941–1942 гг. обусловливалось, по мнению горкома, слабой трудовой дисциплиной, как со стороны руководства торфоразработок, так и со стороны рабочих. В свою очередь, Ивановский трест «Ивгосторф» не придавал значения территориальной отдаленности района и не помогал налаживать работу⁶⁵.

Трудностями для всех штатных и мобилизованных работников на торфозаготовках было отсутствие рядом с местом работы сносных бытовых условий. На торфоболоте около г. Александра столовая располагалась в двух километрах, а потому обед подвозили на лошадях к месту работы. Проверяющие считали, что питание было сносным, а перевыполняющим нормы выдавалось добавочное блюдо и 100 г хлеба. Всем работникам, выполнявшим нормы, полагалось каждые десять дней выдавать мануфактурную продукцию. В то же время предоставленная спецодежда для работников (рабочим рукавицы, кирзовые бахилы и лапти) была низкого качества⁶⁶.

Невыполнение плана связывали также с поломками транспорта. После починки на некоторых торфопредприятиях (Второвское, Мезинское) добыча выполнялась на 150 %, хотя сразу же накопившееся отставание ликвидировать было нельзя⁶⁷.

Доставка топлива потребителям в условиях военных лет

Значимой проблемой наряду с заготовкой торфа и дров являлась их доставка. В тылу возник острый дефицит не только железнодорожных вагонов и грузовых автомобилей, но и лошадей. Имевшиеся животные нередко были слабыми из-за недостаточного прокорма. Также не хватало возчиков. Например, на зимний период 1943–1944 гг. в Ивановской области планировали вывезти 1370 тыс. м³ дров⁶⁸. За первый квартал 1944 г. необходимо было также вывезти 714 тыс. т торфа⁶⁹. Только для Иваново необходимо было привлечь 200 пеших рабочих на заготовку дров и еще 880 возчиков с подводами на их вывозку⁷⁰. Согласно данным, озвучен-

⁶¹ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 58.

⁶² Там же. Л. 60.

⁶³ ГАВО. Ф.П. – 118. Оп. 1. Д. 82. Л. 97.

⁶⁴ Там же. Д. 170. Л. 5.

⁶⁵ Там же. Д. 93. Л. 20.

⁶⁶ Там же. Ф.П. – 119. Оп. 3. Д. 198. Л. 42.

⁶⁷ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 57.

⁶⁸ Там же. Д. 815. Л. 108.

⁶⁹ Там же. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 815. Л. 119.

⁷⁰ Там же. Л. 123.

ным на 3-й партконференции, г. Александрову в 1942 г. требовалось 18,5 тыс. м³ дров и 150 т торфа⁷¹. В Вязниках при относительно успешных заготовках топлива в 1944 г. их вывозка не поспевала из-за плохого состояния паровозов и малого количества вагонов⁷². К 1944 г. самые ближние делянки дров от ряда городов отделились на 12–15 км⁷³. При этом транспорта в течение войны не прибавилось.

По аналогичной причине в Муроме в начале войны, несмотря на наличие рабочей и гужевой силы, не было запасов топлива⁷⁴. Работники муромского хлебокомбината вывозили заготовленные дрова при помощи лошадей, хотя предприятие имело грузовую машину, использовать которую было невозможно из-за отсутствия бензина⁷⁵.

С отдаленных торфопредприятий, таких как Гусевское, торф полностью не вывозился из года в год, поскольку не удавалось в достаточной степени наладить подачу порожних вагонов⁷⁶. Случались поломки паровозов на предприятии. Для быстрой погрузки топлива со складов приходилось привлекать дополнительных рабочих, но даже в этих случаях погрузчиков не хватало⁷⁷. Доставляемая в качестве топлива торфяная пыль не всегда была пригодной, а на ее уборку на заводах Гусь-Хрустального привлекали сотни рабочих в ущерб их основной деятельности. В то же время на самом торфопредприятии запасы сырья за годы войны достигли 150 тыс. т, хотя потребность энергоемкого Хрустального завода составляла всего лишь 40 тыс. т в год. Вследствие этого, как уже отмечалось ранее, в 1942 г. завод простаивал в течение пяти месяцев. Одновременно с этим стратегически важная Казанская железная дорога была загружена «ненужными перевозками торфяного «мусора»⁷⁸.

Для обеспечения подвоза добытого торфа в города строились узкоколейные железные дороги. Уже упоминаемая ранее узкоколейка была построена от Буринского торфопредприятия в Вязники. Для этого местный горком просил Ивановский обком в 1942 г. отдать 6 км рельс, принадлежащих НКПС, для постройки железнодорожной линии. Рельсы были эвакуированы с территорий, временно попавших в оккупацию, и никак не использовались. Просьба местного руководства была удовлетворена⁷⁹. Дорога была подготовлена к 1944 г., но отмечалось, что «готова вчерне, некоторые стыки держатся на двух болтах». Ее длина составила 15 км, а так как на пути подвоза торфа находилась река Клязьма, пришлось организовать баржу⁸⁰.

Аналогичная ситуация сложилась и во Владимире. По утверждению председателя Владимирского горисполкома В.В. Сыроватченко, «до войны город 60 % топлива получал с колес, война потребовала перестройки»⁸¹. Для этого от Владимира была построена узкоколейная железная дорога, связавшая город с лесными угодьями на правом берегу Клязьмы и расположенными там же торфяными разработками. Хотя в 1942 г. по дороге было подвезено 7,6 тыс. топлива, но гужевой транспорт, который доставлял заготовленные дрова и торф к месту погрузки в вагоны, использовался неэффективно. Из 220 лошадей, мобилизованных на эту дея-

⁷¹ ГАВО. Ф.П. – 119. Оп. 3. Д. 98. Л. 6.

⁷² Там же. Ф.П. – 791. Оп. 1. Д. 142. Л. 23.

⁷³ Там же. Ф.П. – 3867. Оп. 1. Д. 16. Л. 9 об.

⁷⁴ Там же. Ф.П. – 495. Оп. 1. Д. 118. Л. 14, 16.

⁷⁵ Там же. Д. 126. Л. 2.

⁷⁶ ГАИО. Ф.П. – 327. Оп. 7. Д. 1141. Л. 61.

⁷⁷ ГАВО. Ф.П. – 118. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

⁷⁸ Там же. Л. 7.

⁷⁹ Там же. Ф.П. – 791. Оп. 63. Д. 17. Л. 13.

⁸⁰ Там же. Оп. 563. Д. 27. Л. 2.

⁸¹ Там же. Ф.П. – 100. Оп. 56. Д. 50. Л. 9.

тельность, реально работали лишь 120–130⁸². Имелась сложность с перевозкой топлива через реку, поскольку мост, связывавший город с правым берегом реки, действовал только в летний период, ежегодно разбирался и не был предусмотрен для проезда железнодорожного транспорта. Это приводило к необходимости перегрузки дров и торфа на гужевой транспорт, что требовало дополнительных рабочих рук.

Итогом стало то, что в первую военную зиму обеспечить Владимир дровами в достаточной мере не удалось. При потребности в 134 тыс. м³ дров на зиму 1941–1942 гг. в реальности заготовили лишь 38 тыс. Отдельные учреждения не сделали никаких запасов⁸³.

От местных руководителей городских советов Александрова, Гусь-Хрустального, Владимира, Муром областного руководства требовало мобилизовать на вывозку максимальное количество городского транспорта, повышать производительность транспорта путем увеличения работы автомашин и шире привлекать к заготовкам городское население⁸⁴. Просчеты в логистике ложились дополнительным грузом на местное население и вынуждали людей изыскивать собственные пути приобретения дров. Невозможность доставки топлива с окрестных лесных участков нередко приводила к спилу деревьев в парках и аллеях городов. Такая практика отмечалась в Вязниках, Владимире, Муроме⁸⁵.

Нехватка топлива вела к низким температурам в домах граждан. Критическая ситуация отмечалась в 1941 г. в одном из домов фабрики «Парижская коммуна» в Вязниках. Безучастное отношение к собственным рабочим проявлял директор фабрики «Карл Либкнехт» Михеев, который не помог в получении дров более 50-ти семьям своих рабочих, уплативших за топливо в 1944 г.⁸⁶ Из-за дефицита топлива в цехах отдельных вязниковских предприятий температура достигала 7–8 градусов. В иных случаях, наоборот, некоторые рабочие и служащие оставались ночевать на работе, так как в их квартирах было холодно. Так поступали и отдельные воспитатели детских домов. Чаще всего дрова в лесах были заготовлены, но из-за отсутствия транспорта доставить их было невозможно.

Некоторые граждане не в состоянии были самостоятельно заготовить топливо для своего жилья, и в этом случае им должны были оказывать помощь местные государственные, партийные и хозяйственные организации. В приоритете находились семьи фронтовиков. В то же время имелось немало случаев «нечуткого» или «бездушного» отношения к людям со стороны руководящих лиц. Директор вязниковского гортопа Кириков не помог перевезти гражданке Шишеловой 1 м³ заготовленных дров, хотя на попечении этой женщины осталось четверо детей умершей жены фронтовика Лобова⁸⁷. Партийный инструктор отмечал, что такие факты не оказания помощи были неединичными⁸⁸. Вязниковский гортоп пытался ограничиться выписыванием социальным учреждениям квитанций на дрова вместо реальной помощи. Та же ситуация наблюдалась в отношении городского роддома, детской больницы и ряда детских садов.

В условиях военного времени, когда рабочий день трудящихся увеличился, особую роль в заготовке и доставке дров в квартиры рабочих должны были играть ОРСы. Но не на всех фабриках они действовали должным образом. На городской

⁸² ГАВО. Ф.П. – 100. Оп. 56. Д. 75. Л. 4 об.

⁸³ Там же. Д. 50. Л. 9.

⁸⁴ Там же. Ф.Р. – 3319. Оп. 1. Д. 44. Л. 54.

⁸⁵ Там же. Ф.П. – 791. Оп. 1. Д. 113. Л. 23 об.

⁸⁶ Там же. Д. 142. Л. 25.

⁸⁷ Там же. Ф.П. – 791. Оп. 1. Д. 97. Л. 95 об.

⁸⁸ Там же. Д. 114. Л. 15.

партконференции Гусь-Хрустального, проходившей 15–16 июля 1944 г., как типичная описывалась следующая ситуация:

Работница фабрики кончит смену в 3 часа утра и едет за дровами, устанет и идет работать, отчего снижается производительность труда⁸⁹.

Удаление лесосек от городов усложняло заготовку и доставку топлива для социальных и детских учреждений, семей фронтовиков и инвалидов. Это приводило к претензиям со стороны граждан к партийному руководству и даже первому секретарю Ивановского обкома⁹⁰.

Выводы

Владимирская и Ивановская области с довоенных лет занимали важное место по добыче торфа и древесины в СССР. Особенно это проявилось в годы Великой Отечественной войны. Топливный дефицит на предприятиях, возникавший в силу разных причин, приводил не только к невыполнению производственных планов, но в отдельных случаях – к остановкам заводов. В годы войны топливный кризис был связан не столько с невыполнением заготовок из-за нехватки рабочих рук (в особенности квалифицированных), сколько со сложностью организации доставки уже подготовленного к отправке сырья. Участие граждан обоих регионов в заготовках было важной частью работы советского тыла в годы войны, и эти страницы истории трудового подвига людей и сегодня сохраняются в народной памяти. Судя по имеющимся источникам, выполняя столь тяжелый труд, люди сталкивались со значительным количеством проблем, связанных с обеспечением топливом; и далеко не всегда местные хозяйственные организации оказывали нуждавшимся должную помощь в этом вопросе. Из этого можно сделать вывод, что обеспечение топливом жителей и предприятий было одной из самых насущных проблем военного времени, которая уступала только продовольственному и жилищному вопросам.

Поступила в редакцию / Submitted: 17.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 07.02.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 04.07.2023

References

- Beznin, M.A., Dimoni, T.M., and Izyumova, L.V. *Povinnosti Rossiiskogo krest'ianstva v 1930–1960-kh gg.* [Duties of the Russian peasantry in the 1930s–1960s]. Vologda: NKTS TSEMI RAN Publ., 2001 (in Russian).
- Grafskaya, G.G., ed. *Deti voiny – patrioty Otechestva* [Children of war – patriots of the Fatherland]. Vladimir: [S.n.], 2006 (in Russian).
- Khisamutdinova, R.R. Gosudarstvennyye trudovyye povinnosti sovetskogo krest'yanstva v 40-ye – nachale 50-kh gg. XX veka (na materialakh Urala) [National labor duty of the Soviet peasantry in the 40-s – early 50-s of the XX century (on the materials of the Urals)]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, no. 2 (2013): <http://www.vestospu.ru/archive/2013/articles/Hisamutdinova2-6.html> (in Russian).
- Kopenkin, V.D., and Kopenkina, L.V. “Gidrotorf v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [Hydropeat during the Great Patriotic War].” *Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)*, no. S4 (2006): 479–484 (in Russian).
- Kudrin, S.P., ed. et al. *Poisk. Nikto ne zabyt, nichego ne zabyto* [Search. No one is forgotten, nothing is forgotten]. Vladimir: IP Zhuravliova Publ., 2011 (in Russian).

⁸⁹ ГАВО. Ф.П. – 118. Оп. 1. Д. 170. Л. 9.

⁹⁰ Там же. Д. 193. Л. 21.

- Kuskov, S.A. “Reshenie toplivnoi problemy evakogospitaliami v period Vtoroi mirovoi voiny (po materialam Chelyabinskoi oblasti) [Solving the fuel problem by evacuation hospitals during the Second World War (based on materials from the Chelyabinsk region)].” In *Trud vo imia Pobedy: trudovye resursy i ekonomika Urala i Tsentral'noi Azii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Sb. nauch. Statei* [Labor in the name of Victory: labor resources and the economy of the Urals and Central Asia during the Great Patriotic War.], 363–384. Chelyabinsk: Izd-kiy tsentr YUURGU Publ., 2021 (in Russian).
- Markvik, R.D., and Fizeler, B. “‘Kazhdoe poleno – udar po vragu!’ Zhenshchiny v lesnoi promyshlennosti voennogo vremeni [‘Each log is a blow to the enemy!’ Women in the Wartime Timber Industry].” *Sovetskii tyl 1941–1945: povsednevnyaya zhizn' v gody voiny* [Soviet Home Front 1941–1945: Everyday Life During the War], 103–125. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2019 (in Russian).
- Paletskikh, N.P. “Toplivnaia problema v kontekste gorodskoi povsednevnosti na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Fuel problem in the context of urban everyday life in the Urals during the Great Patriotic War].” In *Vklad regionov Urala i stran Tsentral'noi Azii v Pobedu v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 godov. Sb. nauch. Statey* [The contribution of the regions of the Urals and the countries of Central Asia to the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945], 341–348. Chelyabinsk: Izd-kiy tsentr YUURGU Publ., 2020 (in Russian).
- Rodionov, N.A. Voprosy ispol'zovaniya trudovykh resursov Mordovskoy ASSR v torfodobyvayushchey promyshlennosti Udmurtskoy respubliki (1940–1960-ye gody) [The use of manpower of Mordovian ASSR in peat industry of the Udmurt Republic in the 1940–1960s]. *Russian journal of economic history*, no. 2 (17) (2012): 53–64 (in Russian).
- Shalak, A.V. *Usloviia zhizni i byta naseleniia Vostochnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [Conditions of life and life of the population of Eastern Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Irkutsk: IGEA Publ., 1998 (in Russian).
- Usanov, D.V. “Problema snabzheniia toplivom gorodov Iuzhnogo Urala vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny [The problem of supplying fuel to the cities of the Southern Urals during the Great Patriotic War].” *Vestnik Chelyabinskogo Agrozhenernogo Universieta* 29 (1999): 175–178 (in Russian).
- Uvarov, S.N. “The forced labour of peasantry in Udmurtia during the Great Patriotic war.” *Bulletin of Udmurt University. Series history and philology* 25, no. 1 (2015): 64–74 (in Russian).
- Volkova, Ye.Yu. “Rol' zhenshchin tylovykh regionov Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [The role of women in the rear regions of Russia during the Great Patriotic War of 1941–1945].” *Bulletin KGTU* 22 (2009): 45–49 (in Russian).
- Volkova, Ye.Yu., and Volkov, G.Yu. “Domestic problems of residents of the rear regions of Russia during World War II.” *Vestnik of Kostroma State University* 26 (2020): 97–103, <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-97-103> (in Russian).
- Zudilov, G.S. *Stalingrad. Voyna. Vyazniki: kniga-sbornik dokumentov i vospominaniy* [Stalingrad. War. Vyazniki: a book-collection of documents and memoirs]. Vladimir: Tranzit – IKS Publ., 2006 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Илья Сергеевич Тряхов, канд. истор. наук, доцент кафедры истории России, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; 600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87; ilja.tryahoff@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0001-6488-5205>

Ilya S. Tryakhov, PhD in History, Ass. Professor of the Russian History Department, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs; 87, Gorkii St., Vladimir, 600000, Russia; ilja.tryahoff@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0001-6488-5205>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-384-392>
EDN: WIXRPD

Научная статья / Research article

Восстановление жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда в 1942–1944 гг.: темпоральный опыт блокадного города

Алиса Анатольевна Амосова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

a.amosova@spbu.ru

Аннотация: Выявлены и проанализированы представления о времени в советской культуре 1940-х гг. Исследование построено на опубликованных источниках, в том числе на данных периодической печати, и неопубликованных материалах из архивов Москвы и Санкт-Петербурга. Цель исследования – определение особенностей темпоральных характеристик этапов восстановления жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда в годы блокады. В качестве инструментов исследования применены конкретно-исторический, проблемно-хронологический методы, метод исторической реконструкции, лингво-культурологический анализ. Выявление и систематизация темпоральных концептов реализованы по трем блокам (типологическому, структурному, семиотическому), что способствовало исследованию взаимосвязи между материальной культурой и временными измерениями эпохи. Выделены два этапа возрождения городского хозяйства Ленинграда в годы войны. Специфика первого этапа (январь 1942 г. – январь 1943 г.) заключалась в сочетании восстановительных работ с аварийными. На втором этапе (январь 1943 г. – январь 1944 г.) началось внедрение базовых принципов восстановления жилищно-коммунального хозяйства с учетом планов развития Ленинграда в послевоенный период. Темпоральными характеристиками первого периода стали осмысление понятия «блокадное время», устремленность в будущее, установление завышенных нереалистичных сроков претворения в жизнь решений и планов и определение приоритетов восстановления в соответствии с сезонностью задач. Второй период характеризовался ускорением темпов проводимых работ в связи с высвобождением рабочей силы и увеличением финансирования, имели место несовпадение времени реального и текущего в восприятии ленинградского руководства, осмысление временных концептов в терминах пространства.

Ключевые слова: экономика блокады, исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов трудящихся, П.С. Попков, А.А. Кузнецов, Н.В. Баранов, Н.А. Манакон

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00617: «„Запретный город“: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы».

Для цитирования: Амосова А.А. Восстановление жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда в 1942–1944 гг.: темпоральный опыт блокадного города // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 384–392. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-384-392>

Restoration of Housing and Communal services of Leningrad from 1942–1944: the Temporal Experience of the Besieged City

Alisa Amosova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

a.amosova@spbu.ru

Abstract: In their article, the author analyzes a critical point for the Soviet culture of the 1940s. This study is based on published sources, including data from periodicals, and unpublished materials from the archives of Moscow and St. Petersburg. The purpose of it is to determine the features of

the temporal characteristics of the restoration stages of Leningrad's housing and communal services during the years of the siege. The research tools used including those investigating concrete-historical issues, problem-chronological methods, historical reconstruction, as well as linguo-culturological analysis. The identification and systematization of temporal concepts are implemented through three blocks (typological, structural, semiotic) in the paper, concepts which have contributed to the study of the relationship between material culture and the temporal dimensions of the era. There were two stages of the revival of Leningrad's urban economy during the war years which should be singled out. The specific character of the first stage (January 1942 – January 1943) was the combination of restoration with continued emergency activities, and the second stage (January 1943 – January 1944), when the government began introducing, the restoration of housing and communal services, while taking into account the plans for the development of Leningrad in the post-war period. The temporal characteristics of the first period were colored by "siege time," broad aspirations for the future largely marred due the establishment of unrealistic deadlines for the implementation of decisions and plans, as well as determination of restoration priorities in accordance with the seasonality of tasks. The second period was also characterized by acceleration in the pace of work carried out in the city due to a release of increased labor and funding, however, there was a discrepancy between real and assumed time in the perception of the Leningrad authorities, and understanding of time in terms of the realistic limits of under their control.

Keywords: Economics of blockade, The Executive Committee of the Leningrad City Council of Workers' Deputies, P. S. Popkov, A.A. Kuznetsov, N.V. Baranov, N.A. Manakov

Acknowledgements and Funding: The article was supported by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 22–28–00617: "The Forbidden City": Housing Policy in Leningrad in the 1940s.

For citation: Amosova, Alisa. "Restoration of Housing and Communal services of Leningrad from 1942–1944: the Temporal Experience of the Besieged City." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 384–392 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-384-392>

Введение

Материальная культура советского государства была обусловлена темпоральными измерениями в большей степени, чем это может показаться. Научная трактовка категории «время» в СССР подразумевала его материалистическое толкование. Ключевыми его характеристиками стали: бесконечность, линейность, познаваемость, измеримость, неотделимость от материи, необратимость, векторность¹.

О востребованности темпоральных исследований в современном гуманитарном знании свидетельствуют публикации зарубежных авторов², тематические научные мероприятия³, тем не менее, аспекты социалистической темпоральности относятся к категории недостаточно изученных⁴. Анализ экономических сюжетов, связанных с деятельностью ленинградского городского хозяйства в годы Великой Отечественной войны, имеет давнюю традицию⁵. В работах историков нового поколения представлены актуальные сюжеты с учетом вводимых в научный оборот источников и современных методологических подходов⁶. Изучение блокады г. Ле-

¹ Время // Большая советская энциклопедия / под ред. Б.А. Введенского, 2-е изд. М., 1951. Т. 9. С. 272.

² Coveney P., Roger H. The arrow of time: A Voyage through science to solve time's greatest mystery. New York: Ballantine, 1990; Evans V. The Structure of Time: Language, meaning and temporal cognition. Amsterdam/Philadelphia, 2005.

³ Международная научная конференция «Temporality and Material Culture under Socialism», Kunsthistorisches Institut in Florenz – Max-Planck-Institut, 1–2 July 2021. URL: <https://www.khi.fi.it/en/aktuelles/veranstaltungen/2021/07/Temporality-and-Material-Culture-under-Socialism.php> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Калинин С. М., Комарова З. И. Категория темпоральности на шкале исторического времени: язык-общество-культура // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 4 (426). Филологические науки. Вып. 116. С. 89–99.

⁵ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959; Кутузов В.А. Возрождение земли ленинградской. Л., 1985.

⁶ Гаврилова О.А., Сунь Ичжи. Реновация в условиях блокады: снос районов деревянной застройки в Ленинграде. 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 856–869.

нинграда в настоящее время получило импульс к развитию, в связи с введением в научный оборот новых источников⁷. Зарубежные ученые также проявляют научный интерес к данной проблеме⁸.

В статье концепт времени трактуется в качестве социокультурного феномена, на развитие которого оказывают влияние политические реалии, экономическая ситуация, идеология. Следует предположить наличие уникальной системы его восприятия в национальной культуре на конкретном этапе исторического развития. В исследовании выявлены и проанализированы представления о времени в советской культуре 1940-х гг. Основной целью стало изучение темпоральных параметров, характерных для этапов восстановления жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда в годы блокады.

Исследование реализовано в трех методологических плоскостях: типологически, с целью определить соотношение восприятия прошлого, настоящего и будущего; структурно, с намерением определить специфику измерения времени в военных условиях; и с точки зрения семиотики, что позволило выявить ментальные презентации темпоральности в документах эпохи. Одним из ключевых инструментов исследования выступил лингвокультурологический анализ, позволивший изучить языковую структуру источников, выявить термины и понятия, связанные с перцепцией времени в эпоху сталинизма.

Отношение ко времени в советский довоенный период

Отношение ко времени в СССР емко характеризует стихотворение «Марш времени» из заключительной части драмы В. Маяковского «Баня» (1929–1930 гг.): «Время, вперед! Вперед, страна, скорей, моя...»⁹. На заре советской эпохи специфика восприятия времени была обусловлена стремлением продемонстрировать жизнеспособность молодого государства, подтвердить эффективность марксистско-ленинской модели развития.

Во второй половине 1920-х – 1930-е гг. экономическое отставание страны привело к внедрению системы планирования в сфере экономики. Первый пятилетний план (1928–1932 гг.) обозначил курс на ускоренную индустриализацию и коллективизацию, навязав гонку за выполнением показателей на местах. С целью создания моральных стимулов была внедрена практика социалистических соревнований, а призыв к выполнению пятилетки за четыре года стал общепринятой практикой на предприятиях.

В СССР жили по собственному времени – «летнему» («декретному», или московскому). 16 июня 1930 г. часы повсеместно были переведены вперед на один час в целях более рационального использования светового дня, что практиковалось вплоть до 2011 г. Наряду с общепринятыми (время года, месяц, неделя, сутки, часы), оперировали и специфическими темпоральными понятиями – экономическими тер-

<https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.403>; *Зотова А.В.* Экономика блокады. СПб., 2016; *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада: В 2-х кн. СПб.; М., 2002. Кн. 1; *Пянкевич В.Л.* Люди жили слухами: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014; *Ходяков М.В.* 1) Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468; 2) Эвакуация населения и жилищный фонд Ленинграда в 1942 г. // *Новое прошлое*. 2022. № 2. С. 167–179; 3) Решения городских властей по жилищным вопросам в блокированном Ленинграде. 1941–1943 гг. // *Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы III Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 30 июня – 1 июля 2022 г.)*. Ростов-на-Дону, 2022. С. 318–323.

⁷ *Соболев Г.Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. СПб., 2013; *Соболев Г.Л., Ходяков М.В.* Противоборство жизни и смерти: некоторые итоги изучения истории блокады Ленинграда // *Новейшая история России*. 2021. Т. 11. № 2. С. 294–323.

⁸ *Salisbury H.E.* *The 900 Days: The Siege of Leningrad*. New York, 1969.

⁹ *Маяковский В. В.* *Баня*. Клоп (сборник). М., 2018. С. 71.

минами учета отработанного времени: трудодень, человеко-день, человеко-час. Два последних термина продолжают использоваться в делопроизводстве вплоть до сегодняшнего дня. Восприятие времени в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда в значительной степени базировалось на перечисленных выше принципах.

Первый этап восстановления городского хозяйства Ленинграда

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. контроль за техническим и санитарным состоянием жилищного фонда в СССР был возложен на городские Советы¹⁰. К 1940 г. в Ленинградском совете функционал, связанный с городским хозяйством, был разделен по нескольким подразделениям исполкома, что неизбежно затрудняло решение ключевых задач, приводило к дублированию обязанностей¹¹. Управление жилищного хозяйства Ленгорисполкома ведало вопросами эксплуатации жилого фонда. Управление предприятиями коммунального обслуживания было призвано курировать выполнение мероприятий Местной противовоздушной обороны (МПВО), домовую очистку. Функции планирования застройки, благоустройства города выполняло Архитектурно-планировочное управление (далее – АПУ). С 1939 г. действовало Управление водопроводного и канализационного хозяйства «Водоканал».

2 июля 1941 г. при Ленгорисполкоме была создана Комиссия для оперативного решения текущих хозяйственных вопросов в составе председателя исполкома П.С. Попкова, его заместителей: В.М. Мотылева, Н.А. Манакова и заведующего торговым отделом И.А. Андреевко.

Накануне войны жилищный фонд Ленинграда включал 24 млн кв. м., состоял из государственной, индивидуальной и общественной частей. Суммарные потери жилой площади за годы войны составили более 20 %¹².

Восстановление Ленинграда началось еще в ходе блокады, с января 1942 г.¹³ Особенностью первого этапа (январь 1942 г. – январь 1943 г.) стало сочетание восстановительных работ с аварийными. На втором этапе (январь 1943 г. – январь 1944 г.) началось внедрение перспективных принципов восстановления разрушенных жилых зданий.

7 января 1942 г. на заседании Ленгорисполкома был рассмотрен вопрос о составлении плана I-й очереди восстановления городского хозяйства. В серию первоочередных задач вошли: обеспечение горожан водой, ремонт и ввод в эксплуатацию отопления в домах, приведение в исправное состояние дворовых уборных, пуск бань и прачечных.

Разъяснению приоритетов плана было посвящено выступление П.С. Попкова перед партийным активом Ленинграда. Решением бюро райисполкомы должны были закончить ремонт водопроводных и канализационных труб в жилых домах к 25 января; установить в домохозяйствах общественные «водоразборы» к 20 января¹⁴. Выдвинутые сроки оказались мало реалистичными в свете масштаба задач. Тем не менее уже в феврале 1942 г. во многих районах заработали бани, были устранены крупные аварии водопроводной и канализационной сетей¹⁵.

¹⁰ О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах // Под знаменем Ленина. 1937. 22 октября. № 242. С. 1–2.

¹¹ Личные и анкетные листы, характеристики и автобиографии на депутатов Ленгорсовета по Петроградскому району, буквы А–К часть 1 // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 10. Д. 69. Л. 71.

¹² Попков П. С. Докладная записка о жилищных мероприятиях в городе Ленинграде. 29.01.1944 // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2 В-7. Д. 6687. Л. 204.

¹³ Кутузов В. А. Когда же началось восстановление Ленинграда // Мавродинские чтения: материалы к докладам 10–12 октября 1994 г. СПб., 1994. С. 226–230.

¹⁴ Протокол № 50 от 9 января 1942 г. // Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда 1941–1944 гг. / Отв. сост. К.А. Болдовский. СПб., 2019. Ч. 1. С. 478.

¹⁵ Баранов Н. В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л., 1982. С. 80.

Наступление первой блокадной весны таило в себе новые вызовы для жилищно-коммунальной сферы Ленинграда. Неизбежное отставание от установленных сроков ремонта водопровода и канализации представляли серьезную проблему вследствие угрозы распространения инфекционных заболеваний и в связи с необходимостью тушения пожаров после авианалетов.

12 марта на заседании исполкома обсуждался вопрос о проведении предупредительных мероприятий в жилых домах, на стройках и аварийных объектах. В этот период были апробированы основные принципы консервации зданий: техническое наблюдение за поврежденными объектами, разборка или укрепление, предварительно отсоединенных от коммуникации домов. Технической находкой стали «маяки» – алебастровые заплатки, замазываемые поперек трещин, которые на «маяке» свидетельствовали об опасности обрушения. Ответственность за выполнение мероприятий была возложена на ведомственные предприятия и районные жилищные управления. Контролирующие функции выполняла городская аварийная служба.

Знаковым событием весны 1942 г. стало возобновление с 15 апреля пассажирского трамвайного движения¹⁶. Для военного времени мера была беспрецедентной, символизировавшей постепенное возрождение города.

В начале 1942 г. приступили к разработке первых планов восстановления Ленинграда. Для этих целей по инициативе главного архитектора, Н.В. Баранова был возрожден институт Ленпроект¹⁷. В конце мая 1942 г. в АПУ была составлена докладная записка на имя А.А. Жданова и П.С. Попкова, содержащая характеристику базовых принципов восстановления и развития Ленинграда. Основополагающим стал творческий подход, без механического воспроизведения разрушенного, на основе актуальных достижений градостроительства¹⁸. Предложения были положены в основу проектных работ начиная с 1942 г.

В июне 1942 г. был рассмотрен вопрос о выполнении плана ремонтно-восстановительных работ на II квартал. В своем докладе глава Ленжилуправления Б.М. Мотылев сообщил о трудоемкости задач. Низкие темпы выполнения мероприятий были им охарактеризованы с помощью пространственного понятия, обозначающего недостаточное физическое воздействие («работали слабо»)¹⁹. Резюмируя, П.С. Попков констатировал: «Разгон, который мы намечали, идет очень медленно»²⁰. Сказывались физическое истощение ленинградцев, нехватка строительных кадров, строительных материалов, денежных средств.

С начала 1942 г. началась подготовка к сносу одно- и двухэтажных домов в районах Старой и Новой Деревни, Большой Охты, Нарвской, Московской и Невской застав. Работы проводились при консультативной поддержке АПУ в целях обеспечения городского хозяйства топливом. Освободившиеся территории планировалось использовать для формирования северной, восточной и южной частей Ленинграда капитальными жилыми массивами в послевоенный период. В годы блокады свыше 9 тыс. деревянных домов и сооружений были разобраны на дрова.

Уже в июне 1942 г. была инициирована подготовка к предстоящей зиме, следствием чего стали ремонтно-восстановительные мероприятия в жилом секторе, ремонт

¹⁶ Решение Исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся от 11 апреля 1942 г. / сост. С.К. Бернев, С. В. Чернов // Архив большого дома: блокадные дневники и документы. СПб., 2007. С. 377.

¹⁷ Баранов Н. В. Силуэты блокады: Записки главного архитектора города. Л., 1982. С. 85.

¹⁸ Баранов Н. В. Архитектурно-строительные задачи восстановления Ленинграда // Архитектура Ленинграда. 1944. № 1–2. С. 2.

¹⁹ Запись обсуждения вопроса. 4 июня 1942 г. / отв. ред. А. Н. Чистиков // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. СПб., 2017. С. 186.

²⁰ Там же. С. 188.

водопроводной и канализационной сетей, а также городского транспорта, бань, прачечных, школ, больниц. На руководство районными исполкомами были возложены обязанности по организации обучения строительных кадров, проведению социалистических соревнований по безаварийной эксплуатации между районами и домами.

К 10 октября 1942 г. было отремонтировано свыше 48 тыс. водопроводных и канализационных стояков; водопровод был пущен в 94,8 % от общего количества зданий²¹. IV квартальный план восстановления городского хозяйства был выполнен всеми хозяйствами на «удовлетворительно». Количественные итоги, свидетельствовавшие о возросшей интенсивности проводимых в 1942 г. работ, были приведены в докладе «Ленинград в дни Отечественной войны»²².

Второй этап восстановления городского хозяйства Ленинграда

Второй этап восстановления городского хозяйства Ленинграда, подобно первому, длился около года: от прорыва до полного освобождения Ленинграда от блокады. В январе 1943 г. был утвержден план развития городского хозяйства на I-й квартал. Его приоритетами стали безаварийная эксплуатация жилищного хозяйства, водопровода, канализации, повышение качества бытового обслуживания²³. Нарращиванию темпов работ призваны были содействовать расширение производства строительных материалов и подготовка новых кадров строителей.

В Ленгорисполкоме начали проверку качества ремонтных работ, проводимых в ведомственных домах. Юридически заводы и фабрики находились вне его компетенции, подчиняясь союзным наркоматам. По этой причине восстановительные работы проходились недостаточно эффективно. Привлечение виновных к уголовной ответственности осуществлялось через органы НКВД²⁴. С марта 1943 г. деятельность управдомов была взята под контроль Ленгорисполкома, инициировано их обучение²⁵.

15 апреля 1943 г. были даны положительные оценки восстановительным работам I-го квартала. К этому времени функционировали водопроводные станции, бани и прачечные, были пущены трамваи; в большинстве заселенных квартир имелось электрическое освещение, завершены работы по очистке города от мусора.

Согласно плану II-го квартала основное внимание предполагалось уделить ремонту кровли. Проблемным участком в условиях регулярных авианалетов оставалось функционирование водопровода и канализации. Сметой были предусмотрены расходы на ремонт коммуникационных сетей в размере 2 млн руб.²⁶

Вследствие проводимых мероприятий по подготовке кадров и благодаря более тщательному планированию, задачи 2-го квартала были перевыполнены, отмечалось нарастание темпов работ: восстановлено 60 тыс. кв. м жилой площади с акцентом на ремонт водопровода и кровли²⁷. Одной из ключевых задач на 3-й квартал стала подготовка к зиме, которая включала в себя ремонт водопровода в объеме 150 тыс. погонных м., восстановление квартир площадью 40 тыс. м². Предполага-

²¹ Документы А.А. Жданова за 1942 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Ф. 77. Оп. 4. Д. 69. Л. 72.

²² Потков П.С. Ленинград в дни Отечественной войны // Пропаганда и агитация. 1942. № 20. С. 28.

²³ Решение Ленгорисполкома. 7 января 1943 г. / отв. ред. А.Н. Чистиков // Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. СПб., 2018. С. 30.

²⁴ Решение Ленгорисполкома. 25 января 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома... С. 60.

²⁵ Запись обсуждения вопроса о работе с управдомами. 4 марта 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома... 2018. С. 99–112.

²⁶ Запись замечаний к плану городского хозяйства Ленинграда. 15 апреля 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома... С. 197.

²⁷ Доклад и запись обсуждения. 27 июля 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома... 2018. С. 302–303.

лось внедрение скоростного метода²⁸, предусматривавшего установление времени начала и окончания работ, контроль качества, определение видов деятельности с учетом квалификации работника.

Для локализационных работ, подразумевавших тушение пожаров и изолирование очагов поражения, а также к работам по остеклению окон в домах привлекались части МПВО. Основными видами ремонта в годы блокады стали: аварийный ремонт – ликвидация разрушений от артобстрелов; плановый ремонт – приведение в функциональное состояние жилых объектов и капитальный ремонт – восстановление жилой площади для использования в условиях мирного времени.

В августе 1943 г. П.С. Попков отметил, что ремонтные работы были проведены лишь в 18 % строений²⁹, обозначив новое отставание от графика. Негативно сказывался на темпах выполнения работ дефицит строительных материалов. Председатель Ленгорисполкома предложил меры идейного форсирования темпов, а именно: «бить тревогу в газетах»³⁰. В 1943 г. объем затрат на ремонтно-восстановительные работы составил 125 млн руб.³¹

Осенью 1943 г. на предприятия ленинградской промышленности стройматериалов была возложена обязанность по восстановлению мощностей в довоенном объеме³². Решение было связано со стратегической задачей создания базы стройматериалов для возрождения Ленинграда в послевоенный период.

С начала 1944 г. была инициирована разработка Генерального плана восстановления и развития Ленинграда, хотя практическая реализация отдельных его принципов началась еще в блокаду. План предусматривал уменьшение плотности застройки в центральной части города, строительство малометражных квартир, улучшение сети улиц, обеспечивавших транспортную доступность, восстановление зданий старой архитектуры в прежнем виде³³.

В семиотическом отношении на втором этапе возрождения городского хозяйства в официальных выступлениях руководящих работников Ленинграда чаще встречаются лексические презентации времени в метафорах: «ни на один день не замирала жизнь в городе»³⁴ (город продолжал жить) или «оглядываясь на пройденный путь»³⁵ (вспоминая блокадное время), хотя использование образных выражений не было характерно для поколения советских руководителей, что соответствовало материалистическому духу эпохи. Транслировалась связь времени и движения, прогресса, акцентировалось внимание на непрерывности выполняемой работы³⁶. В годы блокады время приобрело особую ценность, нередко символизировало саму жизнь.

Выводы

С типологической точки зрения темпоральным приоритетом первого этапа восстановления жилищно-коммунального хозяйства Ленинграда стала устремленность в будущее. С этим связано раннее внедрение основных принципов восстановления города. Задача сохранить жизнеспособность мегаполиса в блокадных условиях диктовала необходимость административного форсирования темпов выполняемых ра-

²⁸ Опыт скоростного ремонта – всем домохозяйствам // Ленинградская правда. 1943. 1 июня. С. 4.

²⁹ Запись обсуждения вопроса. 26 августа 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома... 2018. С. 337.

³⁰ Там же.

³¹ Документы А.А. Жданова за 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 69. Л. 71.

³² Запись доклада и обсуждения. 2 декабря 1943 г. // Стенограммы заседаний исполкома... 2018. С. 524.

³³ Стенограмма доклада главного архитектора Баранова Н.В. на тему: «План развития и восстановления г. Ленинграда» // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 26. Д. 57. Л. 1–32.

³⁴ Попков П.С. Год восстановления // Пропаганда и агитация. 1945. № 1 (янв.). С. 12.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Там же. С. 12, 14.

бот. Установление мало реалистичных сроков, в свою очередь, провоцировало перманентное отставание от планов и цейтнот в проведении мероприятий.

Военное время для ленинградцев связано с понятием блокадного времени, охватившего 872 дня. Символом его отсчета стал ленинградский метроном, стук которого транслировался по ленинградскому радио: медленный – заполнял перерывы между передачами, а частый – звучал во время артобстрелов, выступая ориентиром, отделявшим более спокойные временные интервалы от периодов повышенной опасности. В текстах выступлений депутатов Ленсовета прослеживается последовательное противопоставление «мирного» и «военного времени», прошлого и настоящего. В апреле 1942 г. второй секретарь Ленинградского городского комитета ВКП(б) А.А. Кузнецов отмечал, что блокадное время создало условия для проверки на прочность ленинградских кадров.

В структурном отношении в военный период имел место сбой социалистической традиции пятилетнего планирования: четвертый пятилетний план был отложен до 1946 г., хотя его разработка и частичное претворение в жизнь начались досрочно. Логичный отпечаток на характере проводимых работ накладывала смена календарных сезонов, формировавшая хозяйственные приоритеты. Сохранялась практика поквартального планирования городского хозяйства Ленинграда. В спектре семиотических характеристик времени в блокадный период наблюдаем локализацию восприятия времени в терминах пространства: движения, местоположения, физического воздействия.

На втором этапе возрождения ленинградского хозяйства сохраняется тенденция по визуализации будущего. В меньшей степени имело место отставание от намеченных сроков. Задержка приобрела в условиях блокады особый драматический подтекст: само выживание горожан зависело от своевременного выполнения задач. Сохранилось логическое противопоставление прошлого и настоящего в сознании руководящих кадров. Наряду с этим имели место дискуссии, посвященные грядущему переходу к условиям мирного времени.

В структурном отношении был сохранен акцент на линейности, измеримости и векторности времени, что нашло отражение в привычной разработке и воплощении квартальных планов, а также установлении сроков выполнения приоритетных работ. В спектре рассматриваемых задач все чаще обнаруживаются вопросы перспективного планирования.

В блокадное время происходило укрепление и развитие ленинградской идентичности как в среде городского руководства (в значительной степени иногороднего по своему происхождению), так и у рядовых горожан, не сломленных тяготами войны. Ленинградский патриотизм стал своеобразной основой региональной идентичности, что впоследствии стало поводом для обвинений руководителей городских и областных органов власти в сепаратизме и фабрикации «Ленинградского дела».

Поступила в редакцию / Submitted: 07.11.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.02.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 09.05.2023

References

- Baranov, N.V. “Arkhitekturno-stroitel'nye zadachi vosstanovleniia Leningrada [Architectural and construction tasks of the restoration of Leningrad].” *Arkhitectura Leningrada*, no. 1-2 (1944): 2–3 (in Russian).
- Baranov, N.V. *Siluety blokady: Zapiski glavnogo arkhitekтора goroda* [Silhouettes of the blockade: Notes of the chief architect of the city]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1982 (in Russian).
- Coveney, P., and Roger, H. *The arrow of time: A Voyage through science to solve time's greatest mystery*. New York: Ballantine, 1990.

- Evans, V. *The Structure of Time: Language, meaning and temporal cognition*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005.
- Gavrilova, O.A., and Sun', Ichzhi. "Renovation under the blockade: the demolition of wooden buildings in Leningrad. 1941–1942." *Modern History of Russia* 12, no. 4 (2022): 853–869, <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.403> (in Russian).
- Kalinin, S.M., and Komarova, Z.I. "Temporality category on the scale of historical time: language-society culture." *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* 116, no. 4 (2019): 89–99 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10412>
- Karasev, A.V. *Leningradtsy v gody blokady. 1941–1943* [Leningraders during the siege. 1941–1943]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1959 (in Russian).
- Khodjakov, M.V. "Bezhtentsy v Leningrade i zhilishchnaia politika gorodskikh vlastei na nachal'nom etape voyny i blokady [Refugees in Leningrad and the housing policy of the city authorities at the initial stage of the war and blockade]." *Quaestio Rossica*, 10, no. 2 (2022): 455–468, <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.681> (in Russian).
- Khodjakov, M.V. "Evacuation of the population and the housing stock of Leningrad in 1942." *The New Past*, no. 2 (2022): 167–179, <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-167-179> (in Russian).
- Khodjakov, M.V. "Resheniia gorodskikh vlastei po zhilishchnym voprosam v blokirovannom Leningrade. 1941–1943 gg. [Decisions of city authorities on housing issues in besieged Leningrad. 1941–1943]." *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii*, 318–323. Rostov-na-Donu: Izd-vo IuNTs RAN Publ., 2022 (in Russian).
- Kutuzov, V.A. "Kogda zhe nachalos' vosstanovlenie Leningrada [When the restoration of Leningrad began]." In *Mavrodinskiye chteniia*, 226–230. St. Petersburg: Iz-vo Sankt-Peterburgskogo Un-ta Publ., 1994 (in Russian).
- Kutuzov, V.A. *Vozrozhdenie zemli leningradskoi* [Revival of the land of Leningrad]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1985 (in Russian).
- Lomagin, N.A. *Neizvestnaia blokada* [Unknown blockade], vol. 1. St. Petersburg: Neva Publ.; Moscow: OLMA-Press Publ., 2002 (in Russian).
- Maiakovskii, V.V. *Bania. Klop (sbornik)* [Banya. Bed bug (collection)]. Moscow: Jeksmo Publ., 2018 (in Russian).
- Parrish, M. *The lesser terror: Soviet state security, 1939–1953*. Westport: Prager, 1996.
- Piankevich, V.L. *Liudi zhili slukhami: Neformal'noe kommunikativnoe prostranstvo blokadnogo Leningrada* [People lived by rumors: Informal communicative space of besieged Leningrad]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2014 (in Russian).
- Popkov, P.S. "God vosstanovleniia [Year of recovery]." *Propaganda i agitatsiia*, no. 1 (1945): 11–23 (in Russian).
- Popkov, P.S. "Leningrad v dni Otechestvennoj voyny [Leningrad during the Patriotic War]." *Propaganda i agitacija*, no. 20 (1942): 24–29 (in Russian).
- Salisbury, H.E. *The 900 Days: The Siege of Leningrad*. New York: Harper & Row, 1969 (in Russian).
- Sobolev, G.L. *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blockade* [Leningrad in the struggle for survival in the blockade], iss. 1. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ., 2013 (in Russian).
- Sobolev, G.L., Hodjakov, M.V. "Protivoborstvo zhizni i smerti: nekotorye itogi izuchenii istorii blokady Leningrada [Confrontation between life and death: some results of studying the history of the siege of Leningrad]." *Modern History of Russia*, 11, no. 2 (2021): 294–323 (in Russian).
- Zotova, A.V. *Ekonomika blokady* [Economics of blockade]. St. Petersburg: Ostrov Publ., 2016 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алиса Анатольевна Амосова, канд. истор. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; старший научный сотрудник, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Россия, 191028, Санкт-Петербург, Соляной пер., д. 9; a.amosova@spbu.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3344-6557>

Alisa A. Amosova, PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia; Senior Researcher, State Memorial Museum of the Defence and Siege of Leningrad, 9, Solyanoi Pereulok, St. Petersburg, 191028, Russia; a.amosova@spbu.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3344-6557>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-393-407>
EDN: XVSGXF

Научная статья / Research article

«Создали себя и город»: женский вклад в развитие Магнитогорска 1950–1960-х гг.

Наталья Львовна Пушкарева , Александр Владимирович Жидченко
Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия
 pushkarev@mail.ru

Аннотация: Повседневная жизнь советских женщин в годы хрущевской оттепели – одна из недостаточно исследованных тем советской женской истории. Изучению ее с применением методов гендерной антропологии и многофокусной этнографии городской жизни посвящена эта статья. Она основана на разнородном эмпирическом материале – опубликованных воспоминаниях современниц, их устных историях (записанных авторами статьи), материалах периодической печати, забытых произведениях художественной литературы, визуальных источниках. Основным исследовательским локусом выбран Магнитогорск как пример нестоличного крупного индустриального центра, возникшего еще до войны, в котором и после победы сохранялся демографический гендерный дисбаланс. Проанализировав особенности женского вклада в формирование нового образа города, авторы дополнили картину стилей жизни горожанок, показав несколько социальных типажей, менявших облик индустриального гиганта: архитекторов, домохозяек, активисток-общественниц, работниц Магнитогорского металлургического комбината. Собранный материал доказывает успешность новой социальной политики, выразившей инновационный транзит Советского государства от жестких методов управления 1930-х – начала 1950-х гг. к советскому демократизму, признанию значимости частной жизни, в том числе советской женщины. Обращение к теме советской женской повседневности полувековой давности вскрыло ряд проблем гендерного неравенства, обнажило черты трудностей организации повседневного женского домашнего (семейного) и производственного быта, доказав значимость гендерной антропологии как подхода, расширяющего возможности анализировать социальный идеализм и надежды времен политической оттепели, видоизменения ценностно-нормативных структур советского мышления, социального облика строительниц социализма.

Ключевые слова: городская повседневность, производственная повседневность, гендер, быт, история СССР, устная история

Благодарности и финансирование: Поддержано Министерством науки и высшего образования РФ (грант № 075-15-2022-328) и РФФИ (грант N 22-28-01428).

Для цитирования: Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. «Создали себя и город»: женский вклад в развитие Магнитогорска 1950–1960-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 393–407. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-393-407>

“We Created Ourselves and the city”: Women's Contribution to the Development of Magnitogorsk in the 1950–1960s

Natalya L. Pushkareva , Alexander V. Zhidchenko
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 pushkarev@mail.ru

Abstract: The everyday life of Soviet women during the years of the Khrushchev thaw is one of the insufficiently studied issues of Soviet women's history. This article is devoted to its study using the methods of gender anthropology and multi-focal ethnography of urban life. Its analysis is based on:

© Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

heterogeneous empirical material - published memoirs of contemporaries, their oral stories (recorded by the authors of the article), materials from periodicals, neglected works of fiction, and visual sources. Magnitogorsk was chosen as the main research locus due to it being a large non-administrative industrial center that had appeared even before the war, and in which demographic gender imbalance persisted even after 1945. After analyzing the features of the women's contribution to the formation of a new image of the city, the authors completed the picture of the lifestyles of urban women, showing several social types that changed the face of the industrial giant: architects, housewives, social activists, workers of the Magnitogorsk Iron and Steel Works. The collected material showed the success of the Soviet Union's new social policy, which was an innovative transition of the Soviet state from the harsh methods of management of the 1930s – early 1950s to Soviet democracy, including recognition of the importance of private life, including of Soviet women. However, everyday life of Soviet women from a half a century ago also revealed a number of issues such as: gender inequality and has the exposed the difficulties of organizing everyday women's domestic (family) and industrial life. By proving the importance of gender anthropology as an approach that expands the ability to analyze social idealism and hopes of the political thaw, this approach helps frame the period by showing how gender interacted with the shifting value-normative structures of Soviet thinking and the social image of the female builders of socialism.

Keywords: city's everyday life, production everyday life, gender, life, history of the USSR, oral history

Acknowledgements and Funding: Supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant no. 075-15-2022-328) and the Russian Science Foundation (grant no. 22-28-01428).

For citation: Pushkareva, Natalya, and Zhidchenko, Alexander. “ ‘We Created Ourselves and the city’: Women's Contribution to the Development of Magnitogorsk in the 1950–1960s.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 393–407 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-393-407>

Введение

Глобальный модернистский проект перехода СССР к индустриальному обществу полноценно мог быть развернут лишь после Второй мировой войны. Восстановление страны после Победы 1945 г. заняло не одно десятилетие. Эти годы были отмечены сменой политического курса, отступлением от советского авторитаризма 1930-х – начала 1950-х гг. и заменой его попытками демократизировать, очеловечить методы строительства коммунистического будущего. Частью этих попыток было и создание часто не реконструкция, а именно создание на не освоенном ранее месте новой советской городской среды, которая была призвана олицетворить решительные перемены в жизни страны в целом и отдельных горожан в частности, их образа жизни, их устремлений, их быта.

В отечественной историографии нашла свое отражение история создания новой городской среды на месте разрушенных врагом городов (каким был, например, Сталинград)¹, а также освоения новых пространств огромной страны, где до войны и поселений-то городского типа не намечалось (Ангарск, Салават и др.)². Анализу был также подвергнут повседневный быт Волгограда, Омска, Ангарска, Салавата, других советских городов в рамках проблемы изучения женской социальной памяти³.

Несколько особняком стоят нестоличные и далекие от центра города, которые еще до войны обрели важное экономическое значение. Одним из таких городов-

¹ Богдашина И.В. Женская социальная память о привычном и обыденном в дневниках жительницы Сталинграда // Вестник Рязанского гос. университета. 2020. № 3 (68). С. 46–54.

² Пушкарёва Н.Л., Белов С.И., Жидченко А.В. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3. С. 95–104.

³ Богдашина И.В. Женская социальная память о привычном и обыденном в дневниках жительницы Сталинграда // Вестник Рязанского гос. университета. 2020. № 3. С. 46–54; Пушкарёва Н.Л., Белов С.И., Жидченко А.В. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3. С. 95–104.

символов был Магнитогорск⁴, о котором в 1930-е гг. знала вся страна по газетным статьям, радиосводкам, по советским песням и фильмам. В начале 1950-х гг. город считался признанной «столицей черной металлургии». К 1959 г. в нем проживало 311 101 чел., из которых 145 168 составляли мужчины и 165 933 женщины⁵. Гендерный дисбаланс, сформированный войной, сохранился и к концу 1960-х гг.⁶ При этом в историографии отсутствуют работы о жизни женщин в Магнитогорске семьдесят лет назад – поскольку в самих описаниях города тех лет, да и более поздних буквально никакой информации о темпах развития социально-бытовой сферы не найти⁷.

Авторы настоящей статьи ставят перед собой цель выяснить, каков был вклад именно жительниц города у Горы Магнитной в изменение советского образа жизни в первые послевоенные десятилетия, и стоят ли исследовательского внимания усилия по консервации элементов памяти, сама фиксация свидетельств жительниц города? Насколько остались в современной социальной памяти успехи и достижения численно большей женской части населения города? В целом, перед авторами стоит задача проанализировать социальные и гендерные трансформации, вызванные общественно-политическими и социально-экономическими изменениями в СССР 1950–1960-х гг. в образцовом советском городе середины XX в., как в старой его части, сформированной еще до 1941 г., так и в новой правобережной, строившейся уже после войны, проследить разные стороны женского быта в меняющемся социокультурном ландшафте оттепели и, шире, в общеисторическом контексте. Эта задача концептуально вписывается в историко-антропологический поворот российской науки, обратившейся от исследований политических катаклизмов, классов, социальных страт к изучению обыденных нужд и забот «простых людей», их представлений об успешности, зажиточности, полноте жизни, счастье – в этом смысле советское прошлое как раз и может быть «измерено», соотнесено с консьюмеристскими стандартами, которые в то время решительно отрицались.

Авторы старались понять, какой видели свою роль в создании новой городской повседневности жительницы индустриального центра, который был при этом глубоко тыловым городом. Была ли эта женская повседневность схожа с женским столичным стилем жизни или отличалась особыми чертами? Насколько могли себе позволить жительницы «стального сердца России» жить той обыденностью, которой были пропитаны годы хрущевской оттепели 1950-х – 1960-х гг. в Москве и Ленинграде, отмеченные расширением круга бытовых домашних помощников (холодильников, пылесосов, полотеров, а чуть позже и телевизоров), явным культурным и духовным подъемом, созданием новых журналов, театров, литературными спорами, надеждами на скорые перемены жизни к лучшему?

Комплекс используемых источников можно разделить на три группы. К первой относятся документы личного происхождения – а именно записи воспоминаний жительниц Магнитогорска, сделанные авторами данного текста в 2010-е гг. и запечатлевшие память респонденток старшего возраста, чье детство (реже юность) прошли в этом городе. Также авторами статьи использованы интернет-сайты, на которых сохранены

⁴ Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.

⁵ Нестерова З.Н. Магнитогорск. М., 1951. С. 6; Всесоюзная перепись населения 1959 года. Численность городского населения РСФСР // Демоскоп Weekly. 25.09.2013. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (дата обращения: 10.07.2023).

⁶ Магнитогорск. 1967. URL: http://www.mojgorod.ru/cheljab_obl/magnitgorsk/index.html (дата обращения: 10.07.2023).

⁷ Бумажный А.О., Морозов М.Г. Магнитогорск. М., 1958; Казаринова В.И. Магнитогорск. Магнитогорск. 1961; Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995; Баканов В.П. Испытание Магниткой. Магнитогорск, 2001.

воспоминания старожилок, что облегчает поиск справочных данных и выполняет роль триангулятора, «проверочного ресурса». Это важно в случае обобщения материалов именно по проблемам социальной исторической памяти. Вторая группа источников представлена местной и центральной печатью 1950–1960-х гг. К третьей группе относятся произведения художественной литературы, написанные в изучаемые годы и призванные подчеркнуть уникальность Магнитогорска, раскрыть быт его жителей в первые послевоенные десятилетия (город часто воспевался писателями и поэтами, и восторженное отношение тех лет необходимо исследователям истоков социального оптимизма советских людей и современной «совностальгии»).

В описанном комплексе роль эго-документов первична. «Магнитка» была типично рабочим городом, так что опубликованных личных свидетельств, тем более женских, катастрофически мало, они дополнены устными женскими историями и теми отрывочными записями, которые выложены на сайте города.

«Архитектурное разнообразие» Магнитки: «градостроительницы»

Начиная свое исследование, авторы предположили, что повседневность жительниц новых районов Магнитогорска не должна была быть похожа на бытовые условия и практики тех, кому довелось жить в городской черте довоенного времени. С этой точки зрения, интерес представляло изучение особенностей быта и тех, кто жил в центре индустриального гиганта, и тех, кто осваивал новые части города, которые стали складываться в правобережной части реки Урал. Идея освоения этих районов и создания там новой городской среды родилась во второе послевоенное десятилетие: в 1954 г. на «новом», правом берегу проживало 35 % горожан, а к концу 1957 г. – уже свыше 55 %⁸. В отличие от городов, возникавших в годы оттепели в ходе реализации планов по равномерному распределению рабочей силы в неосвоенных частях страны (Альметьевск, Салават, Ангарск, Волжский, Дубна и др.), Магнитогорск принадлежал к числу городов довоенной индустриализации. В этот период на левом берегу реки Урал имелось городское культурно-историческое пространство, сформированное в 1930–1940-е гг. Женщины, как давно жившие в нем, как и эвакуированные, хорошо запомнили тяготы тыловой жизни⁹. Рассказывая о первых послевоенных годах, одна из респонденток (эвакуированная с мамой из Смоленска и окончившая в 1946 г. Магнитогорский горно-металлургический институт) вспоминала о 400 граммах хлеба, которые ей давали как студентке:

На лекции их шиплешь и шиплешь, а домой уж и нечего нести. А дома мама – она работала в училище комендантом, похлебку с работы принесет, вечером эту похлебку мамину съешь. Мама что ела? Не знаю¹⁰.

Голод 1946–1947 гг. был общей бедой всей страны, и преодолевали ее сообща. В Магнитогорск прибывали семьи переселенцев из других частей СССР: здесь легче было получить работу на разраставшемся предприятии и жилье в начавшем строиться Правобережье. Героями тех дней, как и в довоенный период, местная пресса представляла рабочих-мужчин – мартеновцев, сталеваров, металлургов, бригадиров-передовиков, которые продукцию «давали сверх плана» и «высокопроизводительно трудились»¹¹.

⁸ Нуримова Т.У. Сохранить бы то, что осталось // Вечерний Магнитогорск. 05.01.2017.

⁹ Шинкевич А.В. Повседневная жизнь Магнитогорска в годы 1941–1945 гг. // Русский исторический сборник. Вып. 9. М., 2015. С. 344–366.

¹⁰ Бреслер М.А. // История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях. Магнитогорск, 2014. С. 20.

¹¹ В первые дни Нового года // Челябинский рабочий. 1954. № 3.

Быт города во второе послевоенное десятилетие разворачивался в необычной для провинции городской среде. Необычность состояла в значительной включенности в ее конструирование женщин-архитекторов ленинградской архитектурной школы. Достаточно напомнить, что и главным архитектором этого промышленного гиганта после войны была И.Н. Рожкова. Пережив блокаду в Ленинграде, она в 1947 г. окончила архитектурный факультет Ленинградского института инженеров коммунального строительства, поработала районным архитектором в Челябинске и оттуда ушла на повышение – на должность главного архитектора Магнитогорска (и это в 30 лет). Воспоминания женщин-коллег, создававших город вместе с нею, содержат воспоминания о неженской твердости в отстаивании решений (которые сильно зависели от смены идеологии и стиля – от сталинской помпезности к борьбе с излишествами во времена Хрущева). Из интервью с И.Н. Рожковой 2006 г.:

Государственная идеология не оставляла архитекторам места для творчества, мешала воплощению их замыслов и идей; но даже в тех жестких рамках Ирина Николаевна настаивала на архитектурном разнообразии¹².

Она настаивала на быстроте темпов переезда семей магнитогорцев из временных домов барачного типа в четырехэтажные и пятиэтажные новостройки. По обмену опытом И.Н. Рожкову отправляли в Китай в 1957 г. (когда выезды за рубеж бывали крайне редкими), часто брали интервью женские журналы, в особенности «Работница», старавшиеся противопоставить ожидание встречи с «маститым градостроителем» и ее женственную внешность («из-под черной меховой шапочки выбивались светлые волосы»), застенчивость улыбки («глаза испытующе спрашивали, «много ли времени вы у меня отнимете?») – и широту архитектурного мышления. Так описывали очевидцы величие центра города:

От полукруглой площади веером расходятся широкие улицы с 5-ти – 6-этажными зданиями, правильным прямоугольникам кварталов не видно конца, быстрыми, легкими шагами она переходит из двора во двор, с улицы на улицу¹³.

Конечно, возможность планирования жилья не только торжественного (как было характерно для «сталинок»), но и удобного для жизни было завоеванием новой жилищной политики, развернувшейся по всему СССР в конце 1950-х гг., однако и роль женской руки в планировке города и в выборе типов строящихся домов, в которых (не уступая столичным) были предусмотрены просторные комнаты, центральное отопление, ванны с горячей водой, кладовые, стенные шкафы, мусоропроводы в квартирах, – трудно переоценить. В 1963 г. в 12 тыс. магнитогорских квартир «пришел газ» от газопровода Бухара – Урал. В годы массового строительства панельных домов, позже названных «хрущобами», около 2 тыс. семей получили новые квартиры с измененной планировкой. Женская практичность в согласии с новыми архитектурными стандартами заставила отказаться от бесполезных квартирных коридоров и увеличить число одно- и двухкомнатных квартир. Архитектурный облик Магнитогорска создавался руками женщин-архитекторов Ленинградского государственного института проектирования городов (Ленгипрогор'а). Архитектор Т. Бутаева в начале 1950-х гг. разработала большую часть фасадов ансамблей жилого массива с элементами русской архитектуры периода классицизма

¹² Сообщение А.В. Беспаловой в: *Скуридин М.* Жизненный проект Ирины Рожковой // Магнитогорский металл. 13.05.2006. URL: <https://magmetall.ru/news/deystvuyuschie-lica/ziznennyj-proekt-iriny-rozkovoj/> (дата обращения: 10.07.2023).

¹³ *Бужкевич М.* Урал, Магнитная гора: На правом берегу // Работница. 1957. № 1. С. 4–5.

ма¹⁴, ее руке принадлежат чертежи внутренних дворов с большими арочными проемами, через которые раскрывался интерьер квартала с газонами, цветниками и декоративными кустарниками. Архитектор З.Н. Нестерова (она же впоследствии – автор первой обобщающей работы об архитектуре Магнитогорска) разрабатывала проект крупнопанельных жилых домов, желая учесть при планировке квартир «потребности женской [повседневной] жизни»¹⁵.

История создания комфортной городской среды в нестоличном городе середины 1950-х гг. сохранилась в архитектурном решении новых кварталов, ограниченных проспектом Metallургов и улицей Жданова, предусмотренных группой архитекторов (в числе которых было немало женщин) 20 школ, 2 театра, 5 кинотеатров, 5 клубов, 2 библиотеки, десятки магазинов, столовых, два рынка. В каждом жилом здании планировалось сооружение «хозяйственного блока», где могли быть колясочные, прачечные, «служба быта». Впервые в истории этого города в каждом новом квартале задумывалось наличие помещений для мастерских домоуправления, места для мусоросборных камер, гаражей. Озелененные дворы и скверы оценили молодые мамы с детьми. Школьникам, направлявшимся на учебу, не нужно было переходить улицу с большим движением. В городе началось сооружение Дворца металлургов со зрительным залом на 1200 мест, были выстроены телецентр, Дом пионеров, гостиницы, новый вокзал¹⁶.

«Магнитка» конца 1950-х – начала 1960-х гг. имела особое снабжение продуктами и промтоварами. Жительница башкирского Ишимбая Л.Ф. Салмина вспоминала, как в 1959 г. она, школьница, посетила в ходе экскурсии такие города, как Магнитогорск, Челябинск, Свердловск, но именно «Магнитка» поразила ее больше всего:

...чистота, красота, витрины магазинов, широкие проспекты, впервые там попробовала глазированные сырки, которых ни в Ишимбасе, ни в Челябинске, ни даже в Свердловске тогда было не найти¹⁷.

Женские имена и образы присутствовали в элементах городского пространства: прачечная «Лебедь», ателье «Светлана», «Людмила», «Уралочка», «Модница»¹⁸; по городу были высажены кустарники специально выведенных сортов «Уральская красавица», «Башкирская краса»¹⁹.

Строгий взгляд на перечисленные достижения, возможно, заставит отрицать «женское влияние» на планировку и застройку города, его благоустройство и социокультурное пространство. Возможно, не гендерная принадлежность главного архитектора, а общий социальный запрос времен оттепели был определяющим, и на смену жестким управленческим решениям административно-командной системы пришли более гибкие формы руководства, а «архитектурным излишества» – рациональность. Но все же именно в послевоенное время на множестве представительских должностей в разных частях страны (в том числе – и среди главных архитекторов) чаще стали оказываться женщины, получившие высшее образование до и в годы войны, а порой и административный опыт, переданный их старшими наставниками, которые замещали в 1941–1945 гг. мужчин, призванных на фронт.

¹⁴ Казанева Е.К., Шенцова О.М., Хисматуллина Д.Д. Развитие социалистического классицизма в формообразовании архитектурного облика Магнитогорска // Новые идеи нового века. 2018. Т. 1. С. 153.

¹⁵ Нестерова З.Н. Магнитогорск. М., 1951. С. 50, 59.

¹⁶ Архитектурная летопись Магнитки // Союз архитекторов России. 09.07.2018. URL: <https://uar.ru/news/arkhitekturnaya-letopis-magnitki/> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁷ Воспоминания Салминой Л.Ф., 1944 г.р. // Авторский архив А.В. Жидченко.

¹⁸ Босенко И.М. Настоящее и будущее Магнитогорска // Становление и развитие Магнитогорска: Городская научно-техническая конференция. Магнитогорск, 1968. С. 30.

¹⁹ Никифорова Т.А. Магнитогорск вчера сегодня, завтра. Челябинск, 1978. С. 4–5, 46–50.

В годы оттепели образ «новых женщин» в СМИ изменился, стал подчеркнуто женственным: не мужеподобные ударницы в красных платках, как в годы сталинской индустриализации, но интеллектуальные, женственные руководительницы, способные как к жестким решениям, так и к творческому подходу в работе. Так, на обложке «Огонька» за 1967 г. размещался портрет Инессы Бикчентаевой – главного архитектора нового города Октябрьский, построенного в 1945 г. (в 180 км от Уфы) при нефтяном промысле²⁰.

«Самоотверженно трудясь»: активистки-общественницы

«Женскую историю» Магнитогорска сохранила и память об общественном активизме времен хрущевской оттепели. В популярные в новых районах общественные объединения – домашние комитеты, «домкомы», – чаще всего входили, как свидетельствуют рассказы, именно женщины, которые на общественных началах следили за порядком во дворах, за ремонтом подъездов, работой коммунальных служб. Серия публикаций в местной прессе подтверждает, что с января 1959 г. около 2 тыс. активисток лишь одного только Сталинского района Магнитогорска участвовали в работе жилищных комиссий и уличных комитетов. «Много дел ждет хозяйского глаза, заботливых рук, неутомимой энергии женщин», – писалось в местной печати²¹. Возрожденные в годы хрущевской оттепели женсоветы на предприятиях и при домоуправлениях были созданы для помощи в воспитании детей, для внедрения новых норм санитарной культуры – они обеспечивали «здоровый быт», включая борьбу с пьянством. Под контролем женсоветов было и ускоренное строительство детских учреждений, часы работы магазинов, столовых, бань, больниц, мастерских бытового обслуживания²².

Спустя полвека причины слабости женсоветов были проанализированы, в результате отмечалось, что повестку этих организаций, приоритетность решаемых задач определяли не простые жительницы городов или работницы предприятий, а те партийные или государственные организации, при которых они действовали²³. Надзорные в отношении женсоветов органы власти строго направляли работу женщин в русло культуры и организации досуга и отвлекали от критики политических решений. При женсоветах действовали секторы культурно-массовой и кружковой работы, для женщин-домохозяек были организованы кружки кройки и шитья, художественной вышивки, домоводства, садоводства и т. д. Однако из 17 тыс. женщин, проживавших в Кировском районе Магнитогорска в 1959 г., почти 2 тыс. были активистами, готовыми участвовать в избрании своего женсовета, который обычно возглавили коммунистки с большим стажем партийной работы. Среди них – А.И. Николаева, А.Н. Безденежных, П.П. Серякова. Более 500 активисток района вошли в советы при 12-ти домоуправлениях, вели активную переписку с женсоветами других районов и городов РСФСР²⁴. Имена активисток постоянно мелькали в местной печати, перечислялись формы приобщения женщин к внесемейной жизни – совместное посещение кинопросмотров, театральных премьер, коллективные закупки книг для личных библиотек в Книготорге²⁵.

²⁰ Главный архитектор Октябрьского Инесса Бикчентаева. *Керим М.* Носящий имя революции // Огонек. 1967. № 45. С. 21–22.

²¹ Массовое движение женщин-общественниц // Челябинский рабочий. 1959. № 20.

²² Там же.

²³ *Racioppi L., O'Sullivan See K.* Organizing Women before and after the Fall: Women's Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia // *Signs*. 1995. Т. 20. № 4. С. 818–850.

²⁴ *Бралгин Г.* Женсовет действует // Челябинский рабочий. 1959. № 56.

²⁵ *Тяжельникова В.* Они из бригады коммунистического труда // Челябинский рабочий. 1959. № 77.

Поскольку в Третьей программе КПСС 1961 г. декларировалось, что «формирование нового человека не только следствие, но и условие успешного строительства коммунизма»²⁶, постольку и от женсоветов требовалась постоянная пропаганда успехов активисток комсомольских бригад. Поощрения за успехи были, как правило, нематериальными, но помогавшими обрести самоуважение и гордость за свои достижения. Жительницы города вспоминают про «приветственные плакаты» на улицах города с фотопортретами передовиц производства и указаниями области достижений, которые можно было увидеть в трамваях, автобусах, на газетных стендах, в клубах и дворцах культуры²⁷. По сути, это было программирование женской личности на «достижительность», «внедомашнюю активность», «саморазвитие»²⁸.

Советские женщины на рекламных плакатах пропагандировали образцы ожидаемого от работающих женщин социального поведения. Информация об их производственных успехах воплощала идеологические практики времен построения «коммунистического завтра». Дружинницы, ревизоры, коммунальщицы выполняли предложенные им женсоветами социальные роли как общественные поручения, в дальнейшем трансформировавшиеся в особые формы общественной нагрузки в годы брежневского застоя.

«Вокруг меня пластается цемент»: производственницы

Повседневность жительниц Магнитогорска, какой изобразил ее А.А. Фадеев в своем романе «Черная металлургия» (имея в виду «мужью жену», домашнюю хозяйку) состояла из домашней работы, ухода за детьми, размышлений о себе и отношениях с мужем, что было весьма далеко от надежд тех женщин, которые приезжали в Магнитогорск в поисках пусть тяжелой, но высокооплачиваемой работы и жилья. Достаточно напомнить, что именно на довоенном Магнитогорском металлургическом комбинате появилась первая в истории женщина-сталевар Татьяна Ипполитова, которая 2 января 1940 г. провела первую одиночную (самостоятельную) плавку. Итог подобного эксперимента был печален: уже в 1944 г. женщине пришлось уволиться с работы по инвалидности, но лишь в 1960-е гг. она получила однушку в новом районе, где недолго проработала диспетчером на железнодорожном транспорте²⁹.

К концу хрущевской оттепели на предприятиях города все также работали (уже не в горячих цехах, не на плавках) тысячи женщин, в одном только Магнитогорском металлургическом комбинате – 23 тыс., в том числе в горячих цехах. За один только 1965 г. было принято на работу 2137 женщин, уволилось 1103 женщины, мотивируя увольнение рождением ребенка, выходом на пенсию, болезнями, инвалидностью, затягиванием с решением жилищного вопроса, неудовлетворенностью зарплатой³⁰.

В то же время призыв ВКП(б) 1939 г. «Женщины Магнитогорска – на производство! Дадим для завода и строительства комбината новые сотни, тысячи рабо-

²⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. [1961 г.] // XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17-31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 3. С. 229–335.

²⁷ *Шамраев В.С.* Из опыта организации работы комсомола Магнитки на ударных стройках семилетки // Человек. Труд. Коммунизм (из истории рабочего класса Магнитки). Сб. научных трудов. Магнитогорск, 1970. Вып. 66. С. 70.

²⁸ *Гюнтер Х.* Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб., 2000. С. 743–784.

²⁹ *Ладова О.* Мужской характер, женская душа // Вечерний Магнитогорск. 25.01.2018. URL: <https://vecherka74.ru/actual/11494-muzhskoy-harakter-i-zhenskaya-dusha.html> (дата обращения: 10.07.2023).

³⁰ *Михайловская О.Ф.* О состоянии условий труда, быта и медицинского обслуживания женщин на Магнитогорском металлургическом комбинате в 60-е годы XX века // Троицкий вестник: сборник научных трудов. Троицк, 2006. С. 317–320.

чих рук!» никто не отменял. При всех попытках государства ограничить или запретить использование женского труда на опасных производствах число работниц, готовых рисковать жизнью и здоровьем, не сокращалось. На фотографиях тех лет – множество женских лиц шлифовальщиц, мотористок, сверлильщиц, разнорабочих, на головах которых по-деревенски повязаны платки. Краеведы с трудом разыскали их имена. Это – штукатур П. Бахтиярова (прожила 81 год), коксовывальщица П. Вяльцева (кавалер Ордена Ленина, прожила 75 лет), вырубщица цеха отделки А. Жаворонкова³¹. На шихтовых дворах мартеновских цехов (где работало 80 красновщиц) была критическая запыленность воздуха (4500 мг на куб); 150 женщин, подручных каменщиков, трудились в местах ремонта ковшей и желобов при температуре +52 градуса по Цельсию в летний период, и при минусовой температуре в зимний. 101 женщина работала на ремонте путей магнитогорского рудника, и именно женщины таскали по двое шпалы весом 80 кг, вручную забивали костыли под них и за смену переносили от 15 до 25 т грузов при слабой освещенности, повышенном шуме. Мойщиками цистерн из-под химпродуктов в отделении ректификации работали тоже женщины³².

Практика запрета профессий, несовместимых с репродуктивной функцией работниц, взяв начало в 1918 г. в первом Кодексе законов о труде и найдя выражение в списке запрещенных для женщин профессий (с 1932 г. до 1978 г. он не пересматривался), была сильно скорректирована во время войны. При формальном запрете на практике многое допускалось и более того: женщины-передовики, выполнявшие самые тяжелые операции, воспевались в местной печати. Известна судьба Е.П. Винницкой – бригадира каменщиц треста «Магнитострой», впоследствии ставшей депутатом Верховного Совета РСФСР и основательницей династии: ее дети и внуки стали металлургами. Интервью с нею сохранила газета:

Поднимаюсь на подмости шестого этажа, в руках у меня кельма и кирпич, а перед глазами из-за верхнего обреза стены, как на ладони, раскинулся новый правобережный город, красивые кварталы жилых домов. И радостно мне, и на душе тепло, и гордость охватывает сердце: я – строитель!³³

Из рабочей среды вышла и поэтесса Р.А. Дышаленкова, воспевавшая производственные будни:

Вокруг меня пластается цемент,
Вокруг тебя звенят стальные полосы,
А над ритмичным перевалом смен
Поет труба диспетчерского голоса...³⁴

Производственная повседневность работниц была далека от нормы. Санитарные требования предполагали наличие на предприятии не менее 15-ти комнат женской гигиены; фактически их оказалось 9, но и они использовались не по назначению. Одна «комната гигиены женщин мартенов» была отдана под здравпункт, другая – под класс технической учебы, третья была обычной раздевалкой. Безразличие к нормативам и запросам работниц проявила и администрация коксохимического производства: там работало свыше 300 женщин, но их гигиеническая комната была оборудо-

³¹ Магнитогорская женщина – характер и статья // Вечерний Магнитогорск. 2018. 8 марта. С. 1.

³² Объединенный Государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 136. Оп. 2. Д. 231. Л. 13, 14–17; Д. 280. Л. 46; Д. 263. Л. 2–3; Оп. 4. Д. 664. Л. 2–3.

³³ *Ременник Я.* Голосуем за кандидатов блока коммунистов и беспартийных: Елизавета Павловна Винницкая // Челябинский рабочий. 1959. № 41.

³⁴ *Сергеева Т.* Увлекали меня изумрудные залы Урала // Магнитострой. 1998. 8 авг. С. 4.

вана в километре от их рабочего места. В цехе металлической посуды (где работало 1166 женщин) вовсе отсутствовали женская комната, как и медицинский надзор³⁵.

Казалось бы, спецодеждой и спецобувью все предприятия города так или иначе обеспечивались, но реального контроля не было, никаких особых фасонов для женщин не предусматривалось, мартеновкам выдавали мужскую спецодежду, часто не по размеру³⁶. Одна из бывших мартеенок писала в своих воспоминаниях:

Женщина – именно станок. Ее одежды должны сверкать, как лезвие. На производстве с темным и подземным началом, каким издревле является металлургия, она же теургия, она – демиургия, наша модель должна быть сексуально-агрессивна, если она – шеф.

Тридцать лет спустя после описываемого времени она даже добавляла, что женщина-металлург должна была быть

сексуально-призывна, если она занимается сбытом металла, сексуально-неприступна, если она источник богатства или дочь шефа, или жена министра³⁷.

Между тем в 1960-е гг. ее современницам было не до сексуальной призывности.

Женщины на Магнитогорском металлургическом комбинате часто болели. Свыше 23 тыс. работниц обслуживало всего 7 врачей женской консультации. Годовой перегруз больниц составлял 402 дня – и больным часто отказывали в госпитализации, женщины лечились амбулаторно, а зачастую вообще пускали заболевания на самотек (в начале 1965 г. из 2956 дней нетрудоспособности, выписанных в бюллетенях, лишь 1637 дней было проведено женщинами в стационаре³⁸). То есть болели работницы не только сезонными заболеваниями: ухудшались показатели нетрудоспособности в связи с абортами, по уходу за заболевшими детьми. На излете оттепели (данные за 1964 г.) из числа беременных под наблюдением медсанчасти комбината родили детей 1036 чел., а искусственно прервали беременность в 4 раза больше, 4276. Опрос 90 женщин в гинекологическом отделении выявил: основной причиной аборт были неудовлетворительные материально-бытовые условия, трудности с устройством детей в ясли³⁹. Дети часто рождались и до брака, и их матери оказывались перед выбором: стать одиночками, сдавая на большую часть дня детей в ясли, или избавиться от беременности. Невозможность иметь сносные жилищные условия диктовали отдаленность потенциальных мам от потенциальных бабушек, которые могли бы помогать ставить детей на ноги, раз яслей и садов не хватало. И слова журналистов того времени о «нежной мужественности»⁴⁰ женщин Магнитогорска, получается, были правдой – но правдой неполной, не вполне раскрывающей трудности женской повседневности.

Как и в годы сталинских пятилеток, в годы оттепели самоотверженный труд женщин оставался в фокусе сообщений корреспондентов местной и центральной прессы. Образ мужественной соратницы сменился образом женственной активистки с приятной улыбкой. Визуальный ряд рассматриваемого десятилетия с помощью

³⁵ ОГАЧО. Ф. 136. Оп. 4. Д. 664. Л. 3; Д. 757. Л. 8–9; Д. 757. Л. 11–12.

³⁶ Михайловская О.Ф. О состоянии условий труда, быта... С. 319.

³⁷ Дышаленкова Р.А. Демонстрация моделей (рассказ) // Прощальное слово о знахаре. Магнитогорск, 2001. С. 221–222.

³⁸ Михайловская О.Ф. Деятельность профсоюзов по улучшению условий труда и снижению производственного травматизма на предприятиях Челябинской обл. в конце 50-х – первой половине 80-х гг. XX века // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск – Новосибирск, 2008. Вып. 19. С. 77–84.

³⁹ Михайловская О.Ф. Архивные источники об охране труда и здоровья трудящихся Челябинской области в 60–80-е годы XX века // Архивное дело в Челябинской области. Челябинск, 2006. Ч. 11. С. 169–171.

⁴⁰ Шнейвайс Р. Мой друг Людмила // ОГАЧО. URL: <https://archive74.ru> (дата обращения: 10.07.2023).

фото, живописи, кинематографа реконструировал образ женской неиссякаемой энергии, оптимизма и исключал наличие в нем каких-либо признаков грусти, а уж тем более тоски и апатии.

«Ни минуты поблажки»: домохозяйки

Помимо тяжелых производственных будней на женщин Магнитогорска, как и всей страны, ложились тяготы домашних забот. При этом средства массовой информации слабо освещали домашний повседневный труд женщин. Однако зоркий глаз писателя А.А. Фадеева, прибывшего к Горе Магнитной в 1952 г., выхватил на численное преобладание в городе женских лиц. Спустя десять лет статистика подтверждала численное преобладание женщин (более чем на 10 %) ⁴¹. Писатель приступил к написанию романа (который так и не закончил) под названием «Домашняя хозяйка», отрывки из которого публиковал в газете «Челябинский рабочий» (позднее выходила под названием «Черная металлургия» ⁴²).

Прибывший в Магнитогорск А.А. Фадеев запечатлел послевоенный быт в городе, который тяжелым бременем ложился на плечи женщин:

со всей тяжестью и скукой неуловимых, неисчислимых, опутывающих душу и страшных своей мелочностью забот, определяющих жизнь миллионов [хозяек, которые] по материнской выучке <...> с детства не давали себе ни минуты поблажки ⁴³.

Героиня произведения еще была и «мужней женой» с маленьким ребенком – в то время как огромное число работниц индустриального гиганта были матерями-одиночками. Эта нормативно зафиксированная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. ⁴⁴ категория женщин, равно как понятие «малодетные», были неотъемлемой частью советской повседневности. Семьи с одним и двумя детьми также, как и бездетные граждане, облагались налогом ⁴⁵.

Практики установления отцовства отсутствовали, так что фактические отцы, согласно тому же Указу 1944 г., освобождались от ответственности за детей, если они не были зарегистрированы в браке с матерью ребенка. При запрете аборт до 1956 г. множество женщин, таким образом, было обречено к концу 1950-х – началу 1960-х гг. оказаться именно матерями-одиночками, а иногда малодетными матерями, имевшими двух и менее детей ⁴⁶. Жизнь заставляла их браться за неженские профессии, чтобы больше заработать, сочетая физически тяжелые рабочие будни с родительскими обязанностями, поскольку пособие на одного ребенка обычно не превышало 50 (после денежной реформы – 5) руб. ⁴⁷ – суммы, «которой иным недостаточно на содержание собаки» ⁴⁸.

⁴¹ Всесоюзная перепись населения 1970 года. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/spp/rus70_reg2.php (дата обращения: 10.07.2023).

⁴² Роман с металлургией: Александр Фадеев на Южном Урале и в Магнитогорске. Магнитогорск, 2021.

⁴³ Фадеев А. Домашняя хозяйка: Главы из Романа // Челябинский рабочий. 1954. № 241. С. 3; № 247. С. 5.

⁴⁴ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям. Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=507#04863223381935209> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴⁵ Nakachi M. Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language // East European Politics and Societies. 2006. P. 40–68.

⁴⁶ Денисова Л.Н. Политическая спираль семейного законодательства // Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007. С. 19–51.

⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 45а. Д. 232. Л. 72.

⁴⁸ Письма читателей в Литературную газету. Отзывы читателей о серии статей «Молчание – не золото» // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 634. Редакция «Литературной газеты». Оп. 5. Д. 488. Л. 43–52.

Опираясь на собственный опыт матери-одиночки – при этом крановщицы, позже дробильщицы цемзавода Магнитогорского металлургического комбината, Р. Дышаленкова, ставшая заочницей Литературного института имени М. Горького⁴⁹, вспоминала позже, что растила ребенка «с помощью окружающих людей» и радиопередач вроде «Радионяни», звучавшей «дома в каждую минуту свободного времени»⁵⁰. Большую помощь оказывали ясли и детские сады, о значимости которых для перегруженных работой и домашними делами матерей советская печать писала много. Публиковались бодрые письма работниц, зачастую сочиненные в редакциях, следующего типа:

Ну какая я мать-одиночка! В заводском садике к сыну относятся хорошо, да и дома ему материально неплохо⁵¹.

Наблюдательный взгляд писателя Фадеева заметил женские заботы тружениц Магнитогорска. Писатель большую часть жизни прожил в Москве, и его представления о столичном быте домохозяек были перенесены на реалии провинциального Магнитогорска. Пример расхождений: плакавшему ребенку «мать сунула в рот клюковку в сахаре»⁵². По словам старожилок, таких конфет провинциальный Магнитогорск не знал, дети в городе не знали вкуса конфет иногда до трех лет, так матери берегли им зубы («только натуральная сладость: морковь, яблоко, свекла»⁵³). Сибирские старожилки рассказали, что в 1950-е гг. на рынках часто продавались баночки с клюквой, протертой с сахаром, но про такие конфеты они не знали⁵⁴. Матери готовили детям простую еду, сладостями не баловали, хотя снабжение индустриального гиганта было неплохим. Одна из рассказчиц поделилась воспоминанием о том, что главной сладостью в начале 1960-х гг. был для нее на Урале крыжовник, а купленный на одной из станций, когда ехала с мамой на Украину, кулек вишни с сахаром запомнился на всю жизнь⁵⁵.

Все рассказы жительниц Магнитогорска изобилуют примерами сильной зависимости в семейной жизни женщин от мужчин в рассматриваемый период. Сказывалось деревенское воспитание, ориентированное на замужний статус, сила традиции, людское осуждение одиночества⁵⁶. Многим женщинам приходилось терпеть обиды, пьянство мужей, их измены – все это сполна отобразил и А.А. Фадеев в своем романе, о том же говорили и респондентки, и авторы автобиографических текстов:

Людам охота драться и ссориться, женщины ж ниже воды, тише травы. Терпеть придется напраслину⁵⁷.

Мужчины после войны были в цене, женщины старались сохранять брак, выполняя в одиночку множество ежедневных рутинных дел. Согласно официальной статистке, домашний труд занимал у работающих мужчин в СССР около 1 часа в сутки,

⁴⁹ *Сергеева Т.* Увлекали меня изумрудные залы Урала // Магнитострой. 1998. 8 августа. С. 4.

⁵⁰ *Орлова Н.* К 80-летию со дня рождения Риммы Дышаленковой // Объединение городских библиотек Магнитогорска. URL: <https://www.ogbmagnitka.ru/info/ogb.html> (дата обращения: 10.07.2023).

⁵¹ От имени сына // Литературная газета. 28.08.1954. С. 2.

⁵² *Фадеев А.* Домашняя хозяйка: Главы из Романа // Челябинский рабочий. 1954. № 241.

⁵³ Воспоминания И.М. [Петровой], 1927 г.р., Иваново // Авторский архив А.В. Жидченко. Запись 25.09.2020.

⁵⁴ Воспоминания Н.Н. Кочетовой, 1955 г.р., Омск // Авторский архив А.В. Жидченко. Запись 24.11.2008.

⁵⁵ Воспоминания Н.Н. Артоховой, 1960 г.р. // Авторский архив А.В. Жидченко. Запись 19.05.2011.

⁵⁶ *Фадеев А.* Домашняя хозяйка: главы из Романа // Челябинский рабочий. 1954. № 247.

⁵⁷ *Дышаленкова Р.А.* Бабушкины приметы, дедушкин табачок... // Прощальное слово о знахаре: рассказы. Магнитогорск, 2001. С. 213.

а у женщин, имевших детей, – до 4–5 часов в день⁵⁸. Загруженность домашними делами всех женщин прошла красной нитью в художественной литературе того времени. Образ советской горожанки, вынужденной метаться между уборками-готовками-стирками, недовольным мужем, болеющими детьми и работой, сверхурочными часами, отведенными на идиотские политзанятия, вывела в своей повести «Неделя как неделя» Н. Баранская⁵⁹. При этом в воспоминаниях жительниц Магнитогорска поражает их устремленность к получению высшего образования, обучению в вечерних школах и на вечерних факультетах. Так, Э.М. Милюкова (Евсина) писала по этому поводу:

До поступления в 1959 г. работала то учетчицей, то наладчицей, мы первые три курса и работали, и учились»; «дружно отмечали все праздники, дни рождения, на природу выезжали вместе, на одном автобусе, участвовали в строительстве, на уборку урожая ездили, вечером группы с занятий снимали и отправляли в колхозы⁶⁰.

Воспоминания Милюковой дополнила Л.И. Барсукова:

Тогда был стимул учиться, молодому специалисту платили деньги, могли дать квартиру, работу, отправляли на практику⁶¹.

В отличие от описанных выше социальных ролей городской жительницы Магнитогорска (активистки, производственницы), роль домохозяйки была невидимой и незначимой в общественно-политическом дискурсе, тем не менее характерной для каждой без исключения советской женщины. В период оттепели условное пространство повседневности домохозяйки сместилось от общего (идей обобществления быта, строительства в Магнитогорске экспериментальных домов-коммун с фабриками-кухнями) к частному (получению отдельных квартир, к росту производства товаров народного потребления, в том числе бытовой техники, облегчавшей труд женщин на собственной кухне, в квартире с ванной комнатой, кладовкой, балконом, встроенным шкафом и т. д.

Выводы

Магнитогорск претендовал на «столичность». Здесь старались продемонстрировать достигнутую решенность «женского вопроса»: женщина на посту главного архитектора, женщина – Герой труда, родоначальница династии металлургов, даже домохозяйка представлена все успевающей, воспетой культовым писателем своего времени. Но, несмотря на наследие молодежной романтики 1930-х гг. и особое снабжение продуктами, Магнитогорск был для женской части городского населения городом-испытанием. Едва ли не на первом месте была плохая экология. Новые районы Магнитогорска 1950–1960-х гг. были экологически более благополучны и в большей степени несли веяния, атмосферу и новации периода оттепели, меняя жизненные стратегии и обещая смену содержания бытовых практик – от поиска путей выживания к нормализации жизни. Но все же физически сложная и беспощадная к женскому здоровью работа в мартеновских цехах ММК, необходимость дополнять ее «второй сменой» домашнего труда, распространенность семейного, мужского пьянства, частая необходимость в одиночку тянуть воспитание детей делали жизнь «магнитогорочек» куда более трудной, чем жительницам Москвы и Ленинграда⁶².

⁵⁸ Гордон Л., Клопов Э. Социальные проблемы быта // Коммунист. 1974. № 17. С. 49–60.

⁵⁹ Баранская Н. Неделя как неделя // Новый мир. 1969. № 11. С. 23–55; Кашкарова Е. Женская тема в прозе 60-х годов // Все люди сестры. СПб, 1996. № 5. С. 57–69.

⁶⁰ Милюкова (Евсина) Э.М. Воспоминания // История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях. Магнитогорск, 2014. С. 149–150.

⁶¹ Барсукова Л.И. Воспоминания работников МГТУ // История МГТУ им. Г.И. Носова в воспоминаниях. Магнитогорск, 2014. С. 155–156.

⁶² Араповец Н.А. Женский труд в промышленности СССР. М., 1954.

Под влиянием оттепели изменилось не столько содержание, сколько смысловое наполнение социальных ролей женщин, что наглядно представляет повседневная жизнь горожанок в 1950–1960-е гг. В этом крупном людском анклав у Горы Магнитной нашлась, по сути, лишь одна интеллектуальная социальная роль – «градостроительницы», архитекторши – олицетворения связи строительства и искусства, экономичности и комфорта. Другие социальные женские роли, воспеты известными писателями и средствами массовой информации того времени, воплощены теми, кому жилось в этом городе очень нелегко. Как представительницы «столицы советской металлургии», они имели определенную известность, относительно большие возможности социального обеспечения, но бытовая жизнь их по большей части была тяжела, и их самоотверженный труд ощущался ими, скорее, как жертва во имя своей семьи и детей. Изучение условий труда и быта женщин, занятых на промышленных предприятиях Магнитки, сопоставление их с данными статистики, сообщениями местных соборов, с воспоминаниями работниц – это путь к пониманию антропологии городской повседневности в ее гендерном измерении. В рамках изучения женской истории решение данной исследовательской задачи было связано с выявлением типичного для того времени противоречия между вредным для женского здоровья трудом и невозможностью иным путем обеспечить для советской женщины той эпохи реально высокие заработки и социальные гарантии.

Поступила в редакцию / Submitted: 04.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.06.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.05.2023

References

- Bakanov, V.P. "Ispytanie Magnitkoi [Experienceby Magnitogorsk]." Magnitogorsk: [N.s.], 2001 (in Russian).
- Barsukova, L.I. "Vospominaniia rabotnikov MGTU [Memories of MGTU's workers]." In *Istoriya MGTU im. G.I. Nosova v vospominaniyakh*, 155–156. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU Publ., 2014 (in Russian).
- Bogdashina, I.V. "Women's social memory of the familiar and ordinary in the diaries of a resident of Stalingrad." *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (2020): 46–54 (in Russian).
- Bresler, M.A. *Istoriia MGTU im. G.I. Nosova v vospominaniyakh* [History of Moscow State Technical University named after G. I. Nosov in memories]. Magnitogorsk: Izd-va MGTU im. G.I. Nosova Publ., 2014 (in Russian).
- Denisova, L.N. *Politicheskaiia spiral' semeinogo zakonodatel'stva. Sud'ba russkoi krest'ianki v XX veke: brak, sem'ia, byt* [The political spiral of family law. The fate of the Russian peasant woman in the twentieth century: marriage, family, being]. Moscow: ROSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Dyshalenkova, R.A. *Babushkiny primety, dedushkin tabachok... Proshchal'noe slovo o znakhare: rasskazy* [Grandmother's signs, grandfather's tobacco... Farewell word about the healer: Stories]. Magnitogorsk: Magnitog. dom pechati Publ., 2001 (in Russian).
- Dyshalenkova, R.A. *Demonstratsiia modelei (rasskaz). Proshchal'noe slovo o znakhare* [Demonstration of models (story). Farewell word about the healer]. Magnitogorsk: Magnitog. dom pechati Publ., 2001 (in Russian).
- Gordon, L., and Klopov, E. "Sotsial'nye problemy byta." *Kommunist*, no. 17 (1974): 49–60 (in Russian).
- Gyunter, H. "Arkhetipy sovetskoi kul'tury [Archetypes of Soviet culture]." In *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei*, 743–784. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2000 (in Russian).
- Kashkarova, Ye. "Zhenskaia tema v proze 60-kh godov [Women's theme in prose of the 60s]." *Vse liudi sestry*, no. 5 (1996): 57–69 (in Russian).
- Kazaneva, E.K., Shentsova, O.M., and Khismatullina, D.D. "The development of socialist classicism in the shaping of the architectural appearance of Magnitogorsk." *Novye idei novogo veka*, no. 1 (2018): 153 (in Russian).

- Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Ladova, O. “Muzhskoi kharakter, zhenskaia dusha [Muzhskoi kharakter, zhenskaia dusha].” *Vechernii Magnitogorsk*, January 25, 2018 (in Russian).
- Mikhaylovskaya, O.F. “Arkhnivnye istochniki ob okhrane truda i zdorov'ia trudiashchikhsya Chelyabinskoi oblasti v 60–80-e gody XX veka [Archival sources on labor protection and health of workers of the Chelyabinsk region in the 60–80s of the XX century].” *Arkhnivnoe delo v Chelyabinskoi oblasti*, no. 11 (2006): 169–171 (in Russian).
- Mikhaylovskaya, O.F. “O sostoianii uslovii truda, byta i meditsinskogo obsluzhivaniia zhenshchin na Magnitogorskom metallurgicheskom kombinat v 60-e gody XX veka [On the state of working conditions, living conditions and medical care for women at the Magnitogorsk Iron and Steel Works in the 60s of the twentieth century].” In *Troitskii vestnik. Sbornik nauchnykh trudov*, 317–320. Troitsk: ChelGu Publ., 2006 (in Russian).
- Mikhaylovskaya, O.F. Deiatel'nost' profsoiuzov po uluchsheniiu uslovii truda i snizheniiu proizvodstvennogo travmatizma na predpriiatiakh Chelyabinskoi oblasti v kontse 50-kh – pervoi polovine 80-kh gg. XX veka [Activities of professors to improve working conditions and reduce industrial injuries at enterprises of the Chelyabinsk region in the late 50s – the first half of the 80s. XX century]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 19 (2008): 77–84 (in Russian).
- Milyukova, (Evsina) E.M. “Vospominaniya [Memories].” In *Istoriya MGTU im. G.I. Nosova v vospominaniyah*, 149–150. Magnitogorsk: Izd-vo MGTU Publ., 2014 (in Russian).
- Nakachi, M. “Khrushchev and the 1944 Soviet Family Law: Politics, Reproduction, and Language.” *East European Politics and Societies* (2006): 40–68.
- Nikiforova, T.A. *Magnitogorsk vchera segodnya, zavtra* [Magnitogorsk yesterday today, tomorrow]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1978 (in Russian).
- Pushkareva, N.L., Belov, S.I., and Zhidchenko, A.V. “‘Taiga Leningradki’: Everyday Life of Angarsk Women in the 1950s – 1960s.” *Voprosy istorii*, no. 3 (2022): 95–104 (in Russian)
- Racioppi, L., and O'Sullivan See, K. “Organizing Women before and after the Fall. Women's Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia.” *Signs* 20, no. 4 (1995): 818–850.
- Rozhkov, A.Yu. “‘Emocional'nyi povorot’ v istoricheskoi nauke: osnovnye poniatia i podkhody [‘Emotional Turn’ in Historical Science: Basic Concepts and Approaches].” *Golos minuvshago*, no. 3 (2014): 104–106 (in Russian).
- Sergeeva, T. “Uvlekali menia izumrudnye zaly Urala [I was fascinated by the emerald halls of the Urals].” *Magnitostroi*, August 8, 1998 (in Russian).
- Shinkevich, A.V. “Everyday life in Magnitogorsk in the years 1941–1945.” In *Russkii istoricheskii sbornik*, no. 9 (2015): 344–366 (in Russian).
- Stearns, P.N., and Stearns, C.Z. “Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards [Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards].” *The American Historical Review* 90, no. 4 (1985): 813–836.
- Zima, V.F. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: Proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: Origins and consequences]. Moscow: IRI RAN Publ., 1996 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Наталья Львовна Пушкарева, д-р истор. наук, заведующая центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; pushkarev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Natalia L. Pushkareva, Dr. Habil. Hist., Head of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; pushkarev@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-3331>

Александр Владимирович Жидченко, канд. истор. наук, старший научный сотрудник центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32А; zhidchenko220689@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

Alexander V. Zhidchenko, PhD in History, Senior Researcher of the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 32A, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; zhidchenko220689@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2948-4008>

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛИИ
HISTORICAL FIGURES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-408-420>
EDN: ZONQSI

Научная статья / Research article

**Семейные взаимоотношения
российского военно-морского офицера Н.В. Копытова:
по материалам эпистолярных источников 1866–1897 гг.**

Ирина Владимировна Синова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ s-irina@yandex.ru

Аннотация: На основе писем жене вице-адмирала Н.В. Копытова, извлеченных из личного фонда, хранящегося в Российском государственном архиве Военно-Морского флота, проведен анализ семейных отношений, гендерных ролей и вопросов гендерного равенства. Научная новизна статьи определяется прежде всего источниковой базой исследования, то есть введением впервые в научный оборот личных писем Н.В. Копытова, которые позволяют получить информацию и подвергнуть анализу широкий круг вопросов, включающих межличностные коммуникации, гендерные отношения, повседневную жизнь, профессиональную деятельность. В статье проанализированы влияние особенностей ментальности, сословной принадлежности, материального положения на характер и основные приоритеты взаимоотношений в семье. Исследовательский интерес к письмам как к историческим источникам личного происхождения и эпистолярному жанру связан с возможностью выявить общие и особенные черты внутрисемейных коммуникаций людей определенного социального слоя и социального статуса, в данном конкретном случае дворянской семьи вице-адмирала флота. Изучение писем позволяет сделать вывод о том, что семья Копытовых не была типичной для российского общества и относилась к партнерскому типу, несмотря на закрепленное в законодательстве и в ментальности населения господствовавшее гендерное неравенство. В заключении предпринята попытка определить причины прогрессивных для рассматриваемого периода времени семейных отношений, основанных на равноправном разделении гендерных ролей, положении супругов и совместной выработке решений. Цитаты в тексте статьи приводятся в стилистике, орфографии и пунктуации автора.

Ключевые слова: гендерные роли, гендерное равенство, семейные отношения, повседневная жизнь, документы личного происхождения, Морское министерство

Для цитирования: Синова И.В. Семейные взаимоотношения российского военно-морского офицера Н.В. Копытова: по материалам эпистолярных источников 1866–1897 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 408–420. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-408-420>

**Familial Relations of Russian Naval Officer N.V. Kopytov:
based on Epistolary Sources of 1866–1897**

Irina Sinova

Saint Petersburg state University of Economics, St. Petersburg, Russia

✉ s-irina@yandex.ru

Abstract: The author in their work analyzes familial relations, gender roles and gender equality issues based on Vice Admiral N.V. Kopytov's letters to his wife, letters currently being stored in his personal fund stored at the Russian State Archive of Navy. The novelty of the scientific usefulness of

the letters is determined by their use as a source base for further historical analysis. The introduction of N.V. Kopytov's personal letters into scientific use for the first time has allowed the authors and further researchers to obtain information to analyze a wide range of issues: including interpersonal communications, gender relations, everyday life, and professional activities. In addition, this research has allowed the analysis of the influence of peculiarities of mentality, class affiliation, financial situation on the character and main priorities of relationships in N.V. Kopytov's family. Recent research interest in personal letters as historical sources of private origin and the epistolary genre is currently associated with the ability to identify common and specific features of intra-family communications of people of a certain social stratum and social status, in this particular case, the noble family of the Vice-Admiral of Navy. The study of the letters allows us to conclude that the Kopytov family was not typical of Russian society and was more of an equal partnership, despite the prevailing gender inequality enshrined in the legislation and in the mentality of the population of time. The authors have examined the causes of family relations which were considered progressive for the period under consideration, based on the equal division of gender roles and the position of spouses in joint decision-making.

Keywords: gender roles, gender equality, family relations, everyday life, documents of personal origin, Maritime Ministry

For citation: Sinova, Irina. "Familial Relations of Russian Naval Officer N.V. Kopytov: based on Epistolary Sources of 1866–1897." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 408–420 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-408-420>

Введение

Документы личного происхождения – мемуары, дневники, письма – обладают высокой степенью репрезентативности для изучения семейных отношений, позволяя с учетом особенностей общественного развития, ментальности граждан применительно к рассматриваемому периоду времени выявить и проанализировать типологию межличностных коммуникаций. Во второй половине XIX в. сословная принадлежность, материальное положение и профессиональная деятельность являлись факторами, оказывавшими влияние на семейные взаимоотношения и воспитание детей. Для ученых представляют интерес разнообразные историко-культурные аспекты сословных, демографических различий, анализ гендерных ролей, вопросы быта семьи второй половины XIX в. Применительно к дворянским семьям специалисты всесторонне изучают правовое положение, повседневные практики, вопросы воспитания, культуры общения, трансформацию взаимоотношений¹. Научный интерес ученых широко привлекают семьи представителей разных сословий, в том числе купцов, горожан². К сожалению, гораздо реже исследования связаны с крестьянскими семьями³. В изучении вопросов семейных отношений важное место отведено исследованию гендерных ролей⁴. Семью XVIII – начала XX в. как малую социаль-

¹ *Веремченко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2007; *Милешина Н.А.* Российское дворянство XVII – начала XX столетий в контексте трансформации внутрисемейных отношений // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2010. № 30 (211). Вып. 42. С. 5–11; *Шокарева А.* Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М., 2017 и др.

² *Банникова Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014; *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в.: Монография. Барнаул, 2002; *Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999 и др.

³ *Безгин В.В.* «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века: монография. Тамбов, 2015; *Боева О.А.* Крестьянская семья Воронежской губернии в конце XIX – первой трети XX вв. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2014; *Мухина З.З.* Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012 и др.

⁴ *Белова А.В.* Женская дворянская повседневность в контексте гендерно-чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2007. № 8. С. 51–63; *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007; *Пушкарева Н.Л.* Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: дис. ... д-ра ист.

ную группу, агента социализации, один из лифтов социальной мобильности исследовал Б.М. Миронов⁵. В зарубежной историографии вопросы семьи и семейных взаимоотношений в разные периоды времени занимают значительное место⁶.

Серьезных работ, посвященных жизни Н.В. Копытова и его роли в развитии российского военно-морского флота, нет, за исключением попытки воссоздать биографию вице-адмирала⁷.

Среди документов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского флота, значительный интерес представляют документы личного фонда потомственного дворянина, вице-адмирала Николая Васильевича Копытова (1833–1901) (Ф. 12) и, в частности, ранее не вводимые в научный оборот письма жене, составляющие шесть дел, общим объемом более тысячи листов.

В возрасте десяти лет из-за тяжелого материального положения семьи после смерти матери на основании прошения императору Н.В. Копытов был определен за казенный счет воспитанником морской роты Александровского кадетского корпуса для малолетних, затем окончил офицерский класс Морского кадетского корпуса, участвовал в защите Кронштадта в период Крымской войны, выполнял поручения в Сан-Франциско и Шанхае. Впоследствии он командовал корветом «Гридень» в Тихом океане, фрегатом «Пересвет» в ходе Американской экспедиции, броненосной батареей «Первенец» в Балтийском море, служил командующим отрядом судов в Тихом океане, главным командиром флота и портов Черного и Каспийского морей и военным губернатором Николаева, выполнял поручения Морского министерства в Лондоне и в Средиземном море, в конце карьеры был назначен членом Адмиралтейств-совета⁸. Находясь вдали от дома, он вел переписку с женой, которая свидетельствует, что суровая и ответственная служба на флоте не сделала его сухим и бессердечным человеком в повседневной и семейной жизни, а демонстрирует его доброту, искренность, гуманизм, приверженность принципу гендерного равенства в межличностных отношениях.

Эпистолярный жанр являлся основным средством коммуникации в XIX в., его особенностью было как обязательное наличие получателя письма, так и возможность косвенного наблюдения за ним. Именно это и представляет особый интерес для исследователей данного вида источников, когда можно составить представление, дать оценку, даже делать выводы одновременно об авторе письма и его получателе.

В соответствии со сложившимися правилами Н.В. Копытов указывал число, месяц и даже день недели написания письма, а на некоторых и географическое название места пребывания, в ряде случаев из дальних походов даже нумеровал их и просил то же самое делать жену. При этом практически на всех письмах отсутствует год их написания, поэтому верификация их хронологии возможна только в результате сопоставления послужного списка офицера и изложенных им сюжетов.

Знакомство с письмами вице-адмирала Копытова – это не просто проникновение в его частную жизнь и наблюдение за отношениями двух любящих людей,

наук: 07.00.07 / Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1997 и др.

⁵ *Миронов Б.М.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.

⁶ *Зидер Р.* Социальная история семьи в Центральной и Западной Европе, конец XVII–XX вв. М., 1997; *Тренн А.-Ш.* Баланс между партнерством, различием и неравенством полов: супружеские отношения в буржуазной семье (1770–1830) // *Семья, дом, узы родства в истории.* СПб., 2004. С. 138–175 и др.

⁷ *Иванов Н.М., Розадорский Ю.С.* Вице-адмирал Копытов Н.В.: (Жизнь и служба Отечеству генерал-адъютанта Свиты Его Императорского Величества Николая II, члена Адмиралтейств-Совета, вице-адмирала Копытова Николая Васильевича). СПб., 2012.

⁸ *Иванов Н.М., Розадорский Ю.С.* Вице-адмирал Копытов...

это в определенной степени история российского военно-морского флота, в развитии которого автор принимал непосредственное участие, это история семьи и высоких семейных отношений, в которой можно видеть типологию для морских офицеров, это возможность подвергнуть анализу распределение гендерных ролей и вопросы гендерного равенства в рассматриваемый период времени для людей данного социального слоя и социального статуса.

Основным методом исследования в силу однородности исторических источников стал контент-анализ, который позволил выявить взаимосвязь между содержанием и коммуникативными функциями текста.

Годовщины свадьбы Копытовых и отношение к жене

Николай Васильевич и Александра Александровна (1838–1919; в девичестве Мельникова) обвенчались 30 июня 1865 г.⁹ Письма вице-адмирала охватывают более чем тридцатилетний период совместной жизни, при этом трепетное отношение друг к другу, доверие, уважение, забота о здоровье жены, ее питании, времяпровождении остались неизменными на протяжении всего этого времени. Стиль и содержание писем несмотря на господствовавшее в российском обществе во второй половине XIX в. гендерное неравенство как с точки зрения права, так и ментальности населения, свидетельствуют о равноправном положении супругов, совместной выработке решений, отсутствии доминирования мужа в семье.

В фондах РГА ВМФ и в литературе не найдены сведения об А.А. Копытовой. Известно, что до вступления в брак, в начале 1860-х гг. она обучалась в медицинском учебном заведении, что свидетельствует о прогрессивных взглядах ее родителей, а также о собственном желании занять самостоятельное место в обществе. Дед и бабушка Александры Александровны были похоронены в Гамбурге, Копытов упоминает о планах посетить их могилы¹⁰. Анализ контента документов и его сопоставление позволяют сделать вывод о том, что она была женщиной образованной, знавшей на высоком уровне два иностранных языка – английский и французский, имела хорошие манеры, обладала коммуникабельностью и добрым характером. Именно эти качества ценил в ней муж и уважал ее как личность. К сожалению, в архиве нет писем Александры Александровны, а сам Копытов считал, что

твои милые письма и интересные поздравления для всех доставляют большое удовольствие и так как они получаются регулярно за обедом то и читаются во всеуслышание¹¹.

Но даже одни только послания Николая Васильевича позволяют не только узнать об особенностях его службы, но также воссоздать историю любви, взаимоотношений, познакомиться с переживаниями и сомнениями супругов, их слабыми и сильными качествами, формами общения с родными и друзьями, наблюдать за поиском совместных решений по повседневным и бытовым вопросам. После смерти мужа именно жена передала в архив его документы. С трудом верится, что Копытов, с учетом организованности, аккуратности и пунктуальности не сохранял письма Александры Александровны. Вероятнее всего, она не сочла нужным передать их, чтобы не ставить себя на один уровень с мужем-адмиралом.

В одном из первых писем, которое не датировано автором, но его можно отнести к весне или началу лета 1865 г., Николай Васильевич с восторгом пишет:

⁹ Иванов Н.М., Розадорский Ю.С. Вице-адмирал Копытов... С. 72.

¹⁰ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 12. Оп. 2. Д. 25. Л. 28 об.

¹¹ Там же. Д. 111. Л. 14.

Тороплюсь, ma bien aiguci¹² Александра Александровна, исполнить Вашу просьбу и написать Вам о согласии и благословении Александры Петровны на наш союз, который неожиданно-стью, а главное своим особенно дорогим участием в будущем до сих пор меня волнует от удовольствия <...> Мне чрезвычайно было приятно встретить особенно доброе и приветливое расположение во всех Ваших родных и их сочувствие к нашему браку. Дай бог чтобы оно было провозвестником доброго высшего согласия и взаимных чувств¹³.

В дальнейшей семейной жизни Копытовым далеко не всегда удавалось быть вместе в годовщину свадьбы. Но если Николай Васильевич находился в море или жена уезжала на лечение, то он писал особенно теплые письма «своей бесценной Сане», вспоминая совместно прожитые годы и значимые события, каждый раз признаваясь в любви и подробно рассказывая о том, как и с кем провел этот день вдали от нее:

Напомнить тебе о существовании твоего, тобою существующего и с каждым днем все более тебе отдающегося мужа. Каждая минута с тобою, делает меня более и более счастливым и потому, конечно, 30-го июня для меня день не нового года, но нового счастья. Грустно, конечно, что мы порознь, но утешением для меня то, что это на пользу твоего слабенького здоровья¹⁴.

В 1890 г. на 25-ю годовщину свадьбы Копытов писал жене:

Четверть века тому назад моя родная голубушка, ты храбро, не задумываясь отдала свою свободную беззаботную жизнь и доверила ее вести мне. Много тяжестей приносило тебе твое решение и разных разочарований. Муж оказался медведь в полном смысле слова и не мог доставить ничего чтобы устроить твою жизнь удобно и спокойно. Старался как мог и очень бы хотелось вести свои дела лучше, но для того надобно быть умелым и поворотистым, а не размазней как я. Но ты с твоим золотым сердечком все-таки любила и любишь своего буку, и я поэтому всегда так счастлив, как только может быть человек <...> у меня всегда на сердце чтобы вся жизнь были бы те же, что и первый брачный день – для меня оно так и есть. Если не больше – потому что чем больше я тебя узнаю, тем больше я тебя люблю и, тем больше вижу, как я не стою твоего мизинчика. Кроме принесшего тобою счастья, ты меня сделала сколько-нибудь человеком. Без тебя мой путь был бы совсем иной и совсем дурной. Короче, Саня, ты не знаешь, что ты для меня и как я тебя люблю – будь снисходительной к твоему матросу как была всегда до сих пор¹⁵.

Александра Александровна старалась в день свадьбы, особенно во время разлуки, порадовать мужа своим неожиданным вниманием. Николай Васильевич в письме благодарит ее за подарок на годовщину свадьбы, который вручил ему его сослуживец от жены в Индийском океане. Он с восторгом пишет:

Не знаю, как тебя и расцеловать, моего Ангела, мою голубушку, за твой бесценный для меня сегодняшний сюрприз <...> Конечно ты не можешь себе представить, как внимание твоего любящего золотого сердечка, меня растрогало. Чтобы мне, иметь хотя бы сотую долю твоего внимания ко мне. Но может быть от этого я еще более ценю, каждую минутку и на каждом шагу, твою любовь, меня оживляющую. Там, где нет тебя моей родной, я впадаю тотчас же в какую-то апатию. Там нет для меня ни жизни, ни удовольствий <...> Твоим же сердечным вниманием у меня вышел самый радостный праздник, о каком в море я только мог мечтать <...> этот подарок мне послужил наглядным доказательством что ты, моя дорогая, поддерживаешь меня в сделанном мною, столь тяжелом шаге и что ты одобряешь, что я не отказался от исполнения моего служебного долга. Поддержка меня в этом отношении, для меня чрезвычайно важна. Тогда я буду уверен, что ты, тоже с покорностью судьбе, переносишь нашу разлуку и буду чувствовать себя, конечно несравнимо легче...¹⁶

¹² Моя горячо любимая (в переводе с фр.).

¹³ РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 25. Л. 8–8 об.

¹⁴ Там же. Д. 111. Л. 50.

¹⁵ Там же. Д. 24. Л. 80–80 об.

¹⁶ Там же. Д. 112. Л. 16–17.

Вдали друг от друга именно такие знаки внимания для супругов были особенно ценными и запоминающимися.

Стилистика писем и отношение к жене не менялись на протяжении всей совместной жизни, в разные периоды он пишет ей, что «цель моей жизни видеть тебя веселою и довольною. Вот на это направлены все мои мысли и заботы»¹⁷. В 1882 г. Копытов с грустью повествует, что

на каждом шагу и каждый момент чувствую отсутствие твоей чародейки-ручки делавшей для меня, все мелочи жизни удобными и приятными¹⁸.

Практически во всех письмах присутствует восхваление жены, оценка ее качеств, слова благодарности, при этом довольно часто автор принижает собственную личность, делая это явно не в угоду жене, а вполне искренне.

В письмах к жене Николай Васильевич не высказывал запретов и не настаивал на своем решении по любому вопросу с учетом положения главы семьи, мужского или статусного превосходства. И это нельзя расценивать как его безразличие и равнодушие к семейным делам, слабость или инфантильность. В его обращениях к жене присутствуют советы, забота и беспокойство, а не руководство к действиям:

смотри же береги себя, будь здорова и скорее приезжай к твоему, тебя сердечно любящему муженьку¹⁹.

В другом письме напоминает: «Ты смотри не забудь мой приказ, снять свою рожу и показать сколько она загорела»²⁰. Чаще в письмах содержались просьбы:

я очень тебя упрасиваю, поезжай ты немножко подышать чистым воздухом, тебе это необходимо более чем ты подумаешь²¹.

Даже недовольство поступками жены Копытов выражал крайне мягко и с любовью:

ты пребольшая Кака, скрывая от меня о своем настоящем здоровье. Ты так меня не успокоишь...²²

Даже критика некоторых поступков жены всегда была связана с заботой о ее благополучии и здоровье.

Копытов как офицер по роду своей профессиональной деятельности умел командовать и требовать выполнения своих приказов, был человеком твердым и решительным, о чем свидетельствует его карьера и должности, которые он занимал, но его строгость и суровость не относились к жене. Здесь прослеживаются другие принципы и приоритеты в отношениях. Прежде всего он опора и защита семьи, решает все сложные вопросы, порой даже находясь в море, он живо реагирует на ее проблемы, дает советы, выражает сострадание, но при этом не диктует требования обязательные для выполнения, не контролирует ее действия и финансовые расходы.

Мужественный командир, который призван нести ответственность не только за себя, но и за экипаж корабля, в письмах жене после расставания пишет о том, что

я на все смотрю твоими глазками и думаю обо всем твоей головкой, и теперь это мне стало еще виднее <...> Нет тебя, которая наполняла и оживляла все²³.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 111. Л. 17.

¹⁸ Там же. Д. 112. Л. 4 об.

¹⁹ Там же. Д. 22. Л. 22 об.

²⁰ Там же. Д. 111. Л. 62.

²¹ Там же. Д. 25. Л. 1 об. – 2.

²² Там же. Л. 16 об.

²³ Там же. Д. 22. Л. 1.

В другом письме Копытов указывает на то, что

предпочел быть в Питере <...> под крылом тебя, моего золотого друга, моей бесценной голубушки и очень, очень считаю дни, скоро ли кончится наша тягостная разлука²⁴.

И с надеждой констатирует, что «тем приятнее будет дожидаться вкусного домашнего стола моей золотой хозяйюшки»²⁵.

Александра Александровна пользовалась, несмотря на частое и достаточно длительное отсутствие мужа, его бесконечным доверием, в письмах не найдены слова ревности, скорее наоборот, его беспокоит, чтобы жена не скучала, а больше времени проводила в общении и поездках с друзьями или родственниками:

Отдохни, отдохни хорошенько до моего приезда, и никак не запирайся в своей комнате, поезжай и в театр и всюду куда вздумается чтобы доставить себе удовольствие, не надо, по моему мнению, никогда и ни в чем уподобляться монашенкам. Колька, если бог поможет, явится скоро и ему будет приятнее видеть здоровую и веселую жену, а не схимницу²⁶.

Несмотря на порой встречающиеся грустные мысли в отношении себя, Николай Васильевич, наоборот всегда подбадривал жену и старался вселять в нее оптимизм:

я надеюсь, ты себя будешь вести настоящей капитаншей или правильнее, как говорил Келлет адмиральшей, т. е. будешь всегда с бодрым и веселым духом <...> как это надлежит бравому моряку, к классу которых ты принадлежишь <...> Будь бравая, мой бесценный дружок, не для себя, а для мужа, который только живет тобою и для тебя²⁷.

Находясь вдали от жены, Копытов писал:

Старайся моя родная, нести тяжесть разлуки мужественно, и бог нас не оставит <...> В разлуке только ясно видишь, для кого живешь на свете. Ну что делать, лучше об этом не говорить, а переносить терпеливо²⁸.

И в каждом письме не переставал признаваться ей в любви: «хорошенько благослови твоего мужа, любящего тебя с каждым днем все больше и больше»²⁹.

Супруги переписывались, даже когда Николай Васильевич служил в Кронштадте и часто бывал дома. В это время он старался вникать во все мелочи повседневной жизни и максимально облегчать заботы жены:

Ко всем тревогам и хлопотам, да еще такая боль! Это просто ужасно. И без прислуги. Когда весь день в хаосе. Позволь мне прислать тебе Ивана на несколько дней, куда все придет в порядок³⁰.

Удивляет способность Копытова умело сочетать свои профессиональные обязанности, писать статьи в «Морской сборник» о развитии флота и одновременно участвовать в решении вопросов повседневной жизни семьи, поддерживать жену не прикрываясь службой, не дистанцируясь от домашних дел.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 23. Л. 6 об.

²⁵ Там же. Д. 24. Л. Л. 53 об.

²⁶ Там же. Д. 25. Л. 25.

²⁷ Там же. Д. 111. Л. 5–5 об.

²⁸ Там же. Д. 112. Л. 15 об.

²⁹ Там же. Д. 22. Л. 111 об.

³⁰ Там же. Д. 24. Л. 68.

Самокритика Н.В. Копытова

Николай Васильевич с большим уважением относился к мнению, вкусу своей жены, ценил ее ум и человеческие качества, порой не стесняясь акцентирует внимание на своих собственных недостатках:

если бы ты как волшебница да сделала бы из меня сколько-нибудь помягче, а то посмотри в ответе на нежные задушевные строки я тебе пишу едва не сухой рапорт. Как я не испорчен, и как я не окаменел, я думаю все-таки что влиянием той, которую я очень люблю, больше нежели себя, я переменюсь и только если ты постарайся, что твой скверный Колька, будет становиться постепенно более подобным тебе и всегда от всего сердца благословлять ту минуту, которая начиная от сердца направила всего его с телом и душой в руки бесценной Сашеньки³¹.

Находясь на Тихом океане, Николай Васильевич, о чем свидетельствует контент-анализ писем, проявляет особую самокритичность к себе, оценивая свою непригодность к дипломатическим функциям, которые должен выполнять в соответствии с занимаемой должностью и поставленными перед ним задачами:

Здесь надобно людей приятных во всех отношениях, а я, напротив, во всех отношениях неприятный. Хотя бы ты Саня, меня бы переделала в человека милого и любезного³².

Но чувство долга и патриотизм у Копытова стояли на первом месте, несмотря на его самобичевания, недовольство собой, он всегда выполнял с честью все поручения.

Копытов делился с женой своими терзаниями, сомнениями и проблемами, ничего не скрывал от нее, даже размышлял по поводу собственных недостатков и призывал ее помочь от них избавиться:

перебирал бумаги и перечитывал твои записки, письма и думал о том, какая ты у меня хорошая, и мне стало и обидно и досадно зачем ты меня не бранишь и хвалишь, я ясно вижу какая между нами разница и мне право даешь что ты похвалами хочешь приравнять меня к себе, но разве ты не видишь что чрез это ты наряжаешь ворону в перья павлина, лучше поправляй, брани, выставляй на вид мои недостатки, и тогда я начну мало помалу сбрасывать свою лень которая меня заедает и потому исправляться и на самом деле и не на словах буду приближаться к тебе моему идеалу. Не хвали меня, Санюшка, голубушка, если бы у меня что и было сносное, то выпадет как у вороны сыр изо рта³³.

С трудом верится, что человеку, который значительную часть своей жизни провел в море и на службе в Морском министерстве, сделал успешную карьеру была свойственна лень, скорее это очень требовательное отношение к себе и сильные чувства к супруге, которой он не переставал восхищаться всю жизнь, и от которой не скрывал свои слабости, надеясь, что «может быть я еще в состоянии сделаться лучше и уживаться с людьми»³⁴. Он не считал, что самокритика в письмах к жене как-то ущемляет его самолюбие либо может изменить ее отношение к мужу.

Копытову на службе было присуще чувство ответственности, долга перед Родиной и патриотизма, поэтому его карьера складывалась удачно, его ценили как специалиста, профессионала, повышали по службе. Он пишет жене о своих недостатках, связанных с ораторскими способностями, коммуникацией с сослуживцами, даже знанием французского языка:

прощальный парадный обед у Консула, где он сказал весьма любезную по моему адресу речь, я ответил как всегда нескладно. Досталась же общественная жизнь, человеку наиболее необходимому, это меня мучает без перерыва³⁵.

³¹ РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 22. Л. 4 об.

³² Там же. Д. 23. Л. 3.

³³ Там же. Д. 25. Л. 79 об. – 80.

³⁴ Там же. Л. 17.

³⁵ Там же. Д. 23. Л. 5 об.

В другом письме свидетельствует: «Я очень не речист»³⁶.

Николай Васильевич настолько доверял своей жене, ее добродетели и мудрости, что не стеснялся признаваться в том, что «сравниваю себя с тобой, какой я скверный, каменный, негодный...»³⁷. Копытов отличался на службе принципиальностью, стремлением доказывать свою правоту, невзирая на чины и должности, что нередко создавало ему проблемы:

Что мне сделать чтобы переменить мой несносный характер и не ссорится со всеми направо и налево. Я не должен иметь власть в руках, следует сидеть спокойно дома с жёнкой и никого не знать³⁸.

Он делился с женой всеми своими мыслями и проблемами, порой даже показывал свою слабость, будучи уверенным в ее понимании, поддержке и снисхождении к нему.

Многие сюжеты свидетельствуют, что в ряде вопросов жена была для мужа критерием нравственных качеств и образцом поведения:

я думаю, что за мою болтовню мне от тебя досталось, если бы ты ее слышала, так как мой язык сильно развязался³⁹.

Но вероятно Александра Александровна мудро и тактично относилась к самокритике мужа, скорее поддерживала в нем веру в себя, а не поддавалась его скептицизму.

Беспокойство о здоровье жены

Судя по письмам Копытова, у Александры Александровны были проблемы со здоровьем, поэтому каждый раз он не просто живо интересовался этим, но и давал советы, порой строгие наставления, но прежде всего высказывал обеспокоенность и заботу:

Молю Бога о твоём здоровье и о скором нашем свидании. Смотри же береги себя, будь здорова и скорее приезжай к твоему тебя сердечно любящему муженьку⁴⁰.

В другом письме пишет:

Вчера я подзабыл попросить тебя о том, чтобы ты была как можно осторожнее, когда пойдешь в баню, ради бога не простудись после, да и в бане не будь долго в большом жару твоя головка этого не вынесет⁴¹.

Даже находясь вдали от любимой женщины, он детально вникал во все ее проблемы и давал советы. Здоровье жены все годы брака являлось предметом постоянной тревоги Копытова:

нельзя пренебрегать своим здоровьем. Если не для себя, то хотя для меня. Если время будет теплое, то ты хотя сколько-нибудь да полечилась бы чтобы старика побаловать⁴².

При этом забота и внимание к жене не носили формальный характер и не являлись только элементом вежливого общения.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 24. Л. 78.

³⁷ Там же. Д. 22. Л. 4 об.

³⁸ Там же. Д. 23. Л. 4 об. – 5.

³⁹ Там же. Д. 23. Л. 7 об.

⁴⁰ Там же. Л. 22 об.

⁴¹ Там же. Л. 25.

⁴² Там же. Д. 24. Л. 79 об.

Традиционным в письмах являлся вопрос: «как твоё здоровье и твой дух?»⁴³. Николай Васильевич всегда сопереживал своей жене по разным поводам, порой выражая недовольство из-за ее невнимательного отношения к себе:

Как грустно и больно читать каждый день уже столько времени о твоих страданиях от невыносимых мигреней. Моя голова начинает болеть от таких тяжелых известий. Расскажи мне откровенно причину их? Береги себя мой дружок, как только можешь, не хлопочи и не тревожь себя многим. Не будь Мариюю евангельскою⁴⁴.

У Копытовых не было своих детей. У Николая Васильевича была приемная дочь Зинаида, но никаких подробностей о ней выявить по документам не представилось возможным, также нет никаких оснований строить предположения о том, что она была его внебрачным ребенком. После смерти Копытова Зинаида Николаевна Костомарова подавала прошение о назначении ей пенсии за отца. В письмах к жене адмирал никогда не использовал слово «дочь».

Несколько лет супруги не теряли надежды, Александра Александровна лечилась, выполняла предписания врачей, оба взывали к воле божьей, даже загадывали желания во время звездпада. Из Москвы Николай Васильевич пишет жене о посещении иконы Иверской Божьей матери, где он

приложился и попросил священника отслужить молебен за здоровье Александры и Николая. Помолился не только конечно о твоём здоровье, но и о вседневном твоём горячем желании чтобы бог послал нам потомство, и благословил нашу жизнь так чтобы нам увидеть в счастье наших внуков⁴⁵.

В другом письме он говорит, что

очень просил Бога чтобы он сохранил тебя здоровою и невредимою на многие, многие годы на радость и счастье твоего потомства если нас Бог им благословит⁴⁶.

Копытов рассказывал, что

как падают звездочки я всегда думаю о тебе и о твоём желании, и ты не пропускай, теперь их надость много, обыкновенно. Может быть Бог даст, что мы задумываем, так то и исполнится⁴⁷.

Позднее, находясь в Гибралтаре, Николай Васильевич выражал надежду на лечение Александры Александровны:

Ты мне пишешь о знаменитом гомеопате и женском докторе, что же я буду очень, очень рад если ты с ним посоветуешься особенно же на счет твоего слабосилия и том, что тебя больше всего интересует, целый год ты имела нужду в хорошем докторском совете, даст бог будут, может быть, и хорошие последствия вроде какого-нибудь маленького пискуна⁴⁸.

В последующие годы в письмах не встречается никаких разочарований, не говоря уже об упреках жене по поводу отсутствия детей. Сама же Александра Александровна, вероятно, удовлетворила свой материнский инстинкт, занимаясь «воспитанницами» Олей и Зулей, упоминаемыми Копытовым.

⁴³ РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 111. Л. 3–3 об.

⁴⁴ Там же. Д. 111. Л. 30.

⁴⁵ Там же. Д. 22. Л. 8.

⁴⁶ Там же. Д. 25. Л. 81.

⁴⁷ Там же. Л. 80.

⁴⁸ Там же. Л. 19–19 об.

Материальное положение семьи

Копытов, несмотря на высокий социальный статус и материальный достаток, отличался рачительным подходом к расходам на повседневные нужды. Это касается аренды жилья, покупки дров, одежды, оплаты прислуги, транспорта и пр. Своим мнением о ценах и тратах он делился с женой, порой возмущаясь дороговизне некоторых товаров и услуг, не опасаясь, что она может оценить это как жадность или скупость с его стороны.

При этом, когда речь шла о деньгах на нужды, лечение, аренду дачи Александре Александровне никогда никаких ограничений либо недовольства Николай Васильевич не высказывал, а только поощрял жену в принятии решений:

Пожалуйста, приведи в порядок твои туалеты. Это мое отчаяние, о чем я тебе твердил и в Лондоне, что тебе решительно нечего надеть⁴⁹.

В другом письме советует:

Бархатное платье постарайся сделать и для меня, и для экономии. Здесь же Бог знает, что стоит⁵⁰.

В одном из писем к жене Копытов высказал недовольство по поводу ее поездки, но сделано это не в категоричной форме и оставлен выбор принятия решения за ней, при этом приведено достаточно аргументированное обоснование, исходя из интересов самой Александры Александровны и материальных возможностей семьи:

О поездке в Канн, пожалуйста, Саша не пиши мне больше ни слова. Делай как знаешь. Подобные фантазии для меня слишком тяжелы чтобы я мог что-нибудь говорить. Кажется, не может быть и речи о слабости твоего здоровья, твоих ужасных мигренях и желудочных страданиях и тебе пришла прихотливая мысль носиться из угла в угол Европы. Денег у нас нет, и я занял опять у Ольги тысячу рублей, чтобы как-нибудь начать устраивать квартиру <...> Тебя, конечно, мое решение огорчит как несогласное с твоей волею...⁵¹

В Санкт-Петербурге Копытовы жили по разным адресам, в соответствии с продвижением по служебной лестнице Николая Васильевича и с изменением материального положения и его статуса квартиры менялись, летом семья арендовала дачу, обычно в Петергофе или на Каменном острове⁵². Не имея дополнительных доходов от унаследованного имения и земли, Копытов мог рассчитывать только на жалование в Морском министерстве, исходя из чего старался рационально планировать семейный бюджет, но при этом периодически был вынужден брать деньги в долг, хотя причины возникавших материальных проблем на основании писем выяснить не представилось возможным.

Выводы

Знакомясь со служебной карьерой и заслугами Копытова перед Родиной и флотом, порой трудно до конца понять, как в одном человеке уживались душевная чуткость и требовательность, как он умел разделять личное и служебное? Именно эта неординарность и привлекает в его письмах и в его личности.

Анализ текстов писем не дает повода рассматривать взаимоотношения адмирала с женой и понимание им семейных ролей в контексте влияния прогрессивных течений пореформенного времени в России. В них отсутствует рефлексия на обще-

⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 111. Л. 23.

⁵⁰ Там же. Д. 25. Л. 59 об. – 60.

⁵¹ Там же. Д. 111. Л. 36–37.

⁵² Там же. Д. 22. Л. 19 об.

ственные процессы и политические события. Н.В. Копытов был патриотом своей страны, он дал присягу Родине и преданно служил ей.

Письма автора, даже косвенно, не являются свидетельством проявлений гендерного неравенства в семье, принижением роли жены как женщины, попыткой сделать акцент на ее слабости, как с физической точки зрения, так и ее моральных или юридических прав. Также не встречаются сюжеты, демонстрирующие патерналистскую модель отношений, письма пронизаны заботой и не являются наставлениями и руководством к действиям жены. В семье Копытовых даже на расстоянии совместно принимали решения и поддерживали друг друга, что для второй половины XIX в. было скорее исключением, чем типичной характеристикой российской столичной семьи.

Будущий вице-адмирал хоть и был представителем дворянского сословия, но воспитание в кадетском корпусе с раннего возраста отразилось на его ментальности и жизненных принципах, у него не было негативного опыта созерцания второстепенного или подчиненного положения женщины в семье. К этому можно добавить частое отсутствие адмирала дома и, как следствие, бережное отношение к близким людям, желание даже вдали от дома проявлять заботу и любовь. Пребывание за границей по служебным и личным делам также способствовало формированию собственного видения и понимания семейных отношений. Семья Копытовых является ярким свидетельством, что это был не просто счастливый брак двух любящих сердец, но и брак, в котором присутствовало взаимопонимание и равенство, учет интересов партнеров даже вопреки законодательной регламентации гендерных ролей в российском обществе.

Поступила в редакцию / Submitted: 27.04.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.07.2023

References

- Bannikova, E.V. *Povsednevnaia zhizn' provintsial'nogo kupechestva (na materialakh gubernii Urala doreformennogo perioda)* [Everyday life of the provincial merchants (based on the materials of the provinces of the Urals in the pre-reform period)]. St. Petersburg: Poltorak Publ., 2014 (in Russian).
- Belova, A.V. "Zhenskaya dvoryanskaya povsednevnost' v kontekste genderno-chuvstvitel'noj social'noj istorii [Women's noble everyday life in the context of gender-sensitive social history]." *RUDN Journal of Russian History*, no. 8 (2007): 51–63 (in Russian).
- Bezgin, V.B. *'Na miru' i v sem'e: russkaia krest'ianka kontsa XIX – nachala XX veka* [On the world" and in the family: Russian peasant woman of the late 19th – early 20th century]. Tambov: RGNF, FGBOU VPO «TGTU» Publ., 2015 (in Russian).
- Boeva, O.A. "Krest'ianskaia sem'ia Voronezhskoi gubernii v kontse XIX – pervoi treti XX vv. [Peasant family of the Voronezh province at the end of the 19th – the first third of the 20th centuries]." PhD dis., Voronezh State Pedagogical University, 2014 (in Russian).
- Goncharov, Yu.M. *Gorodskaiia sem'ia Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Urban family of Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gos. un-ta Publ., 2002 (in Russian).
- Goncharov, Yu.M. *Kupecheskaia sem'ia vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. (po materialam kom-p'iuternoi bazy dannykh kupecheskikh semei Zapadnoi Sibiri)* [Merchant family of the second half of the 19th – early 20th centuries. (Based on the computer database of merchant families in Western Siberia)]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 1999 (in Russian).
- Ivanov, N.M., and Rozadorskii, Yu.S. *Vitse-admiral Kopytov N.V.: (Zhizn' i sluzhba Otechestvu general-ad"iutanta Svity Ego Imperatorskogo Velichestva Nikolaia II, chlena Admiralteistv-Soveta, vitse-admirala Kopytova Nikolaia Vasil'evicha)* [Vice Admiral N.V. Kopytov: (Life and service to the Fatherland, Adjutant General of the Retinue of His Imperial Majesty Nicholas II, member of the Admiralty Council, Vice Admiral Kopytov Nikolai Vasilyevich)]. St. Petersburg: Izdatel'skii dom Branko Publ., 2012 (in Russian).

- Mileshina, N.A. “Rossiiskoe dvorianstvo XVII – nachala XX stoletii v kontekste transformatsii vnutrisemeinykh otnoshenii [Russian nobility of the 17th – early 20th centuries in the context of the transformation of intra-family relations].” *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 42, no. 30 (2010): 5–11 (in Russian).
- Mironov, B.M. *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [The social history of Russia in the period of the empire (18th – early 20th century): The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law], in 2 vols. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003 (in Russian).
- Mukhina, Z.Z. *Semeinyi byt i povsednevnost' krest'ian Kurskoi gubernii: traditsii i dinamika peremen v poreformennoi Rossii* [Family life and everyday life of the peasants of the Kursk province: traditions and dynamics of change in post-reform Russia]. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN Publ., 2012 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. “Zhenshchina v russkoi sem'e X – nachala XIX v.: dinamika sotsio-kul'turnykh izmenenii [A woman in a Russian family in the 10th – early 19th centuries: the dynamics of socio-cultural changes],” Doctor Habil. dis., Rossiiskaia akademiia nauk. Institut etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya, 1997 (in Russian).
- Pushkareva, N.L. *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2007 (in Russian).
- Shokareva, A. *Dvoryanskaia sem'ia: kul'tura obshcheniia. Russkoe stolichnoe dvorianstvo pervoi poloviny XIX veka* [Noble family: culture of communication. Russian metropolitan nobility in the first half of the 19th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017 (in Russian).
- Trepp, A.-Sh. “Balans mezhdru partnerstvom, razlichiem i neravenstvom polov: supruzheskie otnosheniya v burzhuaznoj sem'e (1770–1830) [Balancing Partnership, Gender Difference and Inequality: Marital Relations in the Bourgeois Family (1770–1830)].” In *Sem'ia, dom, uzy rodstva v istorii*, 138–175. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2004 (in Russian).
- Veremenko, V.A. *Dvoryanskaia sem'ia i gosudarstvennaia politika Rossii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Noble family and state policy of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: Evropeiskii dom Publ., 2007 (in Russian).
- Zider, R. *Sotsial'naia istoriia sem'i v Tsentral'noi i Zapadnoi Evrope, konets XVII–XX vv.* [Social history of the family in Western and Central Europe, late 17th – 20th centuries]. Moscow: Vldos Publ., 1997.

Информация об авторе / Information about the author

Ирина Владимировна Синова, д-р истор. наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; 191023, Россия, Санкт-Петербург, кан. Грибоедова, 30–32; s-irina@yandex.ru

Irina V. Sinova, Doct. of Hist. Sciences, Professor of the Department of International Relations, Media Studies, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics; 30–32, Kanal Griboedova St, St. Petersburg, 191023, Russia; s-irina@yandex.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-421-440>
EDN: ZUBQKU

Научная статья / Research article

Источниковедческие проблемы изучения биографии В.Н. Хитрово

Галина Владимировна Аксенова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

✉ axenova-gv@rudn.ru

Аннотация: Рассматриваются источниковедческие проблемы в изучении биографии известного российского государственного деятеля В.Н. Хитрово (1834–1903), который сыграл важную роль в формировании ближневосточного курса внешней политики Российской империи. Одновременно он внес большой вклад в защиту православия и православных паломников в Святой Земле, в развитие образования арабского населения Палестины и Сирии, способствовал распространению православного просвещения. С целью реконструкции биографии В.Н. Хитрово выявлены и классифицированы разнообразны по характеру и происхождению источники. Впервые проведен анализ материалов из личной коллекции В.Н. Хитрово, хранящейся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки; на их основе раскрывается роль В.Н. Хитрово как ученого-специалиста в области генеалогии. Собранные им материалы по истории рода Хитрово позволяют наиболее полно представить историю семьи и ее роль в становлении будущего государственного деятеля и организатора науки. Привлечен широкий комплекс неопубликованных архивных документов, содержащих важный для реконструкции биографии В.Н. Хитрово материал. Прежде всего это переписка вдовы С.Д. Хитрово с библиографом и литературоведом С.И. Пономаревым. Впервые собраны материалы некрологов, привлечен большой объем справочной литературы, издававшейся в России во второй половине XIX – начале XX в., опубликованных официальных источников и документов личного происхождения, которые позволяют дополнить, уточнить и скорректировать имеющиеся в распоряжении исследователей сведения и факты из личной биографии В.Н. Хитрово.

Ключевые слова: история рода, источниковедение, архивные документы, эпистолярное наследие, некрологи

Благодарности и финансирование: Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований ИППО – Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» № 100517-1-174.

Для цитирования: Аксенова Г.В. Источниковедческие проблемы изучения биографии В.Н. Хитрово // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 421–440. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-421-440>

Problem of Sources in Researching V.N. Khitrovo's Biography

Galina Aksenova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
RUDN University, Moscow, Russia

✉ axenova-gv@rudn.ru

Abstract: Through their work, the author examines some of the problems of studying sources while researching the biography of famous Russian statesman V.N. Khitrovo (1834–1903), who played an important role in shaping the Middle East foreign policy of the Russian Empire. While in the region,

© Аксенова Г.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

he made a great contribution to the protection of Orthodoxy and Orthodox pilgrims in the Holy Land, including the development of education of the Arab population of Palestine and Syria, and promoting the spread of Orthodox education. In order to reconstruct the biography of V.N. Khitrovo, sources of various nature and origin were identified and classified. There has been conducted for the first-time analysis of materials from the private collection of V.N. Khitrovo stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library; on their basis, the role of V.N. Khitrovo as a specialist in the field of genealogy is revealed within the text. The materials on the history of the Khitrovo family collected by him make it possible to most fully present the history of the family and its role in the development of the future statesman and organizer of science. There was used a wide range of unpublished archival documents containing material important for the reconstruction of V.N. Khitrovo's biography. Above all, it is the correspondence of widow S.D. Khitrovo with bibliographer and literary critic S.I. Ponomarev. In addition, for the first time, the authors have collected obituary materials, a large amount of reference literature published in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries, published official sources and documents of private origin, which have allow the researchers to begin supplementing, clarifying and correcting the information and facts from V.N. Khitrovo's biography.

Keywords: family history, source study, archival documents, epistolary heritage, obituaries

Acknowledgements and Funding: The article was written as part of the implementation of the Program for Fundamental Scientific Research of the IOPS – the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the direction “Russia and the Middle East: historical, political, archaeological and cultural contacts and connections” No. 100517-1-174.

For citation: Aksenova, Galina. “Problem of Sources in Researching V.N. Khitrovo's Biography.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 421–440 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-421-440>

*Не умру, но жив буду
и повем дела Господня.
Наказуя наказа мя Господь,
смерти же ради не предади мя*

Пс. 117:22–23

Введение

Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) – представитель одного из старейших российских служилых дворянских родов, государственный деятель последней трети XIX – начала XX в., экономист и финансист, специалист в области генеалогии, известный русский ученый-историк. Как наследник дела епископа Порфирия (Успенского) и архимандрита Антонина (Капустина) он внес большой вклад в закрепление русского присутствия в Палестине, став основателем, членом Совета и Секретарем Императорского Православного Палестинского Общества, сподвижником великого князя Сергея Александровича в созидании «Русской Палестины». По оценкам современников, это был «достойный и честнейший труженик во имя высокой идеи»¹, делом жизни которого стало гуманитарное международное делание и решение вопросов защиты интересов граждан России на Ближнем Востоке.

В.Н. Хитрово был младшим, одиннадцатым, ребенком в семье боевого офицера, надворного советника, фуражмейстера придворной Конюшенной конторы² Николая Александровича и Варвары Ивановны (урожд. Кривцовой) Хитрово. Он родился 6 июля (ст. ст.) 1834 г., получил домашнее воспитание, а в 1846 г., после смерти

¹ *Беляев А.П.* Памяти Василия Николаевича Хитрово, помощника председателя, члена совета и секретаря императорского Православного Палестинского общества 1882–1903: Читано в общем годовом собрании Общества 4 нояб. 1903 г. СПб., 1903. С. 11.

² *Хитрово Н.А.* Формулярный список, выданный из придворной Конюшенной конторы. 1843 мая 24. Писарской // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 480 (Хитрово). К. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

матери, его определили в частный «приготовительный» пансион Ф.В. Гроздова³. С 1848 по 1854 гг. обучался в Императорском Александровском лицее⁴, по окончании которого был определен в Государственный контроль, а затем в Морское министерство⁵. С апреля 1863 г. ведет отсчет период его 20-летней службы в Министерстве финансов, в котором он занимался организацией первых ссудно-сберегательных товариществ⁶. Его труды были отмечены в 1879 г. Большой золотой медалью Императорского Московского общества сельского хозяйства, а также избранием в члены Императорского Русского Географического (1869) и Русского Археологического (1880) обществ⁷.

Рис. 1. Василий Николаевич Хитрово. Фото. Конец XIX в.
Figure 1. Vasily Nikolaevich Khitrovo. Photo. The late XIX century

Источник: Беляев А.П. Памяти Василия Николаевича Хитрово...
Source: A.P. Belyaev, *In memory of Vasily Nikolaevich Khitrovo*.

³ Кобеко Д.Ф. Воспоминания лицеиста XXI курса. 1850–1856 гг. // Императорский лицей в памяти его питомцев: Александровский лицей (1844–1918). СПб., 2011. С. 79; Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866. С. 260.

⁴ Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–1857 год. СПб., 1856. С. 216.

⁵ Памятная книжка Морского ведомства на 1861 год. СПб., 1861. С. 92–93.

⁶ Например, см.: Хитрово В.Н. Доклад о ссудо-сберегательных товариществах в 3 Отделении Вольно-экономического общества, 2 ноября 1874 г. СПб., 1875; Первое исследование, посвященное этой сфере государственного служения В.Н. Хитрово, см.: Лачаева М.Ю. Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) – деятель отечественной кооперации. К 120-летию со дня кончины В.Н. Хитрово // Православный Палестинский сборник. 120-летию кончины Василия Николаевича Хитрово посвящается. М., 2023. Вып. 121. С. 57–66.

⁷ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006. С. 161.

В 1871 г. В.Н. Хитрово впервые посетил Палестину. Именно с этого визита он сам, как и исследователи истории Императорского Православного Палестинского Общества (далее – ИППО), авторы заметок и статей, посвященных созданию Общества, начинают разговор о формировании его глубокого интереса к Святой Земле. С этой поездкой связывают и его инициативу, направленную на создание организации, способной защитить права русских паломников и интересы Православия⁸.

Святую Землю В.Н. Хитрово посетил еще шесть раз: в 1880, 1884–1885, 1888, 1889, 1893 и 1897 гг. Если целью второй поездки стала необходимость «собрать материал для доклада о Православии в Святой земле и мобилизации общественного мнения в пользу создания Палестинского Общества»⁹, то третья и четвертая были обусловлены необходимостью подготовки строительства и собственно строительством храма во имя святой Марии Магдалины и Сергиевского подворья. Основным делом в ходе четвертой и последующих поездок было решение вопроса о русских школах, боготворительных и богоугодных заведениях, открываемых ИППО в Иерусалиме, Галилее и Бейруте, Хомсе и Дамаске¹⁰.

Много времени и внимания В.Н. Хитрово уделял научной и издательской деятельности ИППО. По его инициативе в 1881 г. был основан «Православный Палестинский сборник», с 1886 г. стал выходить журнал «Сообщения Православного Палестинского Общества». С 1883 г. ежегодно, до 1911 г., публиковались Отчеты ИППО и вышли 52 выпуска «Чтений о Святой Земле».

Первый том «Палестинского сборника» составил собственный рассказ В.Н. Хитрово о «Православии в Святой Земле», а благодаря выходу второго тома увидел свет уникальный памятник IV в. «Бордосский путник», названный «первым по времени путеводителем в Святую землю, приобретшем общее значение как один [IV] из немногих дошедших до нас материалов для изучения путей сообщения последних годов Римской империи»¹¹.

Византист и литературовед Х.М. Лопарев отмечал, что «душа и секретарь Общества В.Н. Хитрово» сумел «привлечь в ряды его выдающихся ученых для издания текстов старых паломников и памятников археологии Палестины»¹². И, действительно, с третьего выпуска на страницах «Палестинского сборника» стали размещаться научные статьи выдающихся ученых-востоковедов и медиевистов того времени, комментированные научные публикации памятников древнерусской и западноевропейской литературы и исторические источники, посвященные как Палестине, так и истории паломничества в Святую Землю¹³. Это были труды М.А. Веневити-

⁸ Например, см.: *Лисовой Н.Н.* 1) Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. ... С. 161–176; 2) Василий Николаевич Хитрово – основатель Императорского Православного Палестинского Общества // *Хитрово В.Н. К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника.* М., 2003. С. 5–59; 3) Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М.П. Степанов – В.Н. Хитрово – А.П. Беляев – А.А. Дмитриевский) // *Православный Палестинский сборник.* М., 2005. Вып. 102. С. 6–35.

⁹ *Лисовой Н.Н.* Из истории руководства... С. 17.

¹⁰ Подробнее см.: *Дмитриевский А.А.* Палестинское общество и русские школы на Востоке: статьи, очерки, отчеты. М.; СПб., 2013.

¹¹ Бордосский путник / подг. текста, публ., предисл. В.Н. Хитрово // *Православный палестинский сборник.* СПб., 1882. Вып. 2. URL: <https://www.ippo.ru/old/library/6/1/7/index.html> (дата обращения: 12.03.2023).

¹² Цит. по: *Цысь В.В., Цысь О.П.* Х.М. Лопарев и Императорское Православное Палестинское Общество // *Материалы IV Лопаревских чтений, Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 г. Ханты-Мансийск, 2013. С. 25.*

¹³ *Кобеко Д.Ф.* Отчет Отделения ученых исследований и изданий ППО. СПб., 1885; *Помяловский И.В.* Ученая деятельность ИППО в 1884–1885 г. СПб., 1886; *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907): историческая записка. СПб., 1907; *Лисовой Н.Н.* В.Н. Хитрово – основатель ИППО // *Хитрово В.Н.*

нова, В.Г. Васильевского, А.А. Олесницкого, Ф.И. Успенского, П.А. Сырку, А.И. Пападопуло-Керамевса и др.

Благодаря своим сочинениям и опубликованным изданиям В.Н. Хитрово внес важный вклад в осмысление задач научных исследований Святой Земли, Иерусалимского вопроса, организацию и проведение археологических раскопок, публикацию наследия епископа Порфирия (Успенского)¹⁴.

Все это факты биографии В.Н. Хитрово, чаще всего упоминаемые исследователями в связи с историей ИППО и личной биографией ученого и государственного деятеля до начала 1880-х гг., когда он приступил к решению вопроса о создании организации, которая была призвана «поддерживать Православие в Святой Земле», «заботиться о русских паломниках» и «посредством разного рода изданий знакомить русское общество с настоящим и прошедшим Святой Земли»¹⁵, а также факты, иллюстрирующие его 20-летнюю деятельность в составе ИППО.

Анализ имеющихся исследований делает очевидным факт, что гораздо больше внимания уделялось и уделяется в литературе деятельности Хитрово на посту помощника Председателя ИППО, члена Совета и Секретаря, организатора просветительских, благотворительных и медицинских учреждений, издателя памятников мировой литературы, связанной с паломничеством в Святую Землю¹⁶. Не менее значимыми для научного анализа и освещения были вопросы взаимоотношений светской власти в лице Министерства иностранных дел, обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, членов императорской семьи и Русской православной церкви. И это вполне оправдано, поскольку вопросы, связанные с защитой православия на Ближнем Востоке и история формирования ближневосточной политики России на протяжении многих веков, включая современный период, – одна из актуальнейших международных проблем, и опыт прошлых столетий весьма важен в построении гражданского и всецерковного мира в этом регионе.

К сожалению, в настоящее время отсутствует достаточная научно-историографическая база, позволяющая наиболее объективно понять место, занимаемое В.Н. Хитрово в истории России, в реализации внутренних реформ 1860-х – 1870-х гг., в выстраивании взаимоотношений между церковью и государством и в проведении политики, нацеленной на сохранение православных традиций за рубежом, оценить его вклад в развитие отечественного и мирового гуманитарного знания и методологии научного исторического исследования.

Архивный фонд Хитрово и его особенности

Немало самых разнообразных по своему характеру, объему и содержанию материалов, связанных с жизнью и деятельностью В.Н. Хитрово, находится в архивах Российской Федерации: прежде всего это фонды Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива литературы и искусства (РГАЛИ), отделов рукописей Российской национальной (ОР РНБ) и Российской государственной библиотек (ОР РГБ). Эпистолярное наследие В.Н. Хитрово, сохранившееся в фондах АВП РИ и ОР РНБ,

Православие в Святой Земле. М.; СПб., 2011. Т. 1. С. 5–48; *Пумпян Г.З.* Научно-исследовательская деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (1881 – начало XX века): по материалам изданий ИППО. URL: <https://www.ippo.ru/old/library/6/1/7/index.html> (дата обращения: 04.07.2023).

¹⁴ См.: *Лисовой Н.Н.* 1) Русское духовное и политическое присутствие... С. 206–209; 2) Из истории руководства... С. 18–21.

¹⁵ Устав Православного Палестинского Общества: [утвержден 8 мая 1882 г.]. СПб., 1887.

¹⁶ *Аксенова Г.В.* Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) и дело его жизни (вопросы историографии и источниковедения) // Православный Палестинский сборник. 120-летию кончины Василия Николаевича Хитрово посвящается. М., 2023. Вып. 121. С. 13–31.

опубликовано Н.Н. Лисовым и Л.А. Герд в 2011 г. Документы, позволяющие охарактеризовать особенности деятельности В.Н. Хитрово, направленной на изучение жизни русских паломников в Палестине, связанные с созданием Палестинского общества, находящиеся в фондах АВП РИ, ГАРФ, РГИА, ОР РГБ, были использованы Н.Н. Лисовым при написании монографии «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в.» и ряда статей, посвященных «Русскому делу в Святой Земле», личности В.Н. Хитрово и характеристике основоположников и создателей Общества. Личные и официальные документы В.Н. Хитрово из фондов АВП РИ, ГАРФ и ОР РНБ включены в трехтомное издание «Россия в Святой Земле»¹⁷.

История рода Хитрово – это неотъемлемая составляющая истории России. Если о роли его отдельных представителей широкому кругу людей известно мало или практически ничего, то о «Евангелии Хитрово» слышали многие: уникальный памятник древнерусской книжности XIV в., созданный Андреем Рублевым, полученный в дар Богданом Матвеевичем Хитрово от царя Федора Алексеевича и преподнесенный Троице-Сергиеву монастырю, в Ризнице которого он хранился почти два с половиной века. Первые публикации историка и искусствоведа И.М. Снегирева и церковного историка и богослова А.В. Горского¹⁸, посвященные уникальному Евангелию-апракос, появились в 1840-е гг.: они и познакомили общество с великим творением русских книжников и изографов.

Для периода русской истории 1840-х гг., времени формирования взглядов В.Н. Хитрово, эпохи господства русского стиля, характерен рост интереса к национальной допетровской культуре, «коренной», допетровской Руси с ее традиционным укладом и бытом, к исконно национальным традициям¹⁹. Это время активного становления многих гуманитарных научных дисциплин, позволяющих понять особенности развития российской государственности. Палеография, генеалогия, нумизматика, хронология, метрология, ономастика, фольклористика и этнография – все эти отрасли гуманитарного знания получили сильнейший импульс своему развитию. Помимо начавшегося издания полного собрания русских летописей, историй дворянских родов и дворянских родословий стали выходить собрания русских сказок, преданий, легенд и т.п. Тема семейной истории и повседневной жизни стала одной из актуальных, позволявших по-иному взглянуть на прошлое.

Необходимо здесь также указать на два важных фактора, способствовавших обращению В.Н. Хитрово к занятию генеалогическими исследованиями.

Первый связан с тем, что В.Н. Хитрово был представителем XII колена большого старинного дворянского рода; документы, связанные с его историей, бережно хранились в доме, столь же бережно из поколения в поколение передавались семейные предания и, как совершенно справедливо писал один из его первых биографов А.А. Дмитриевский,

В.Н. Хитрово родился в семье весьма благочестивой и находился долго под сильным обаянием своей набожной матери²⁰.

¹⁷ Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н.Н. Лисового. М., 2017–2020.

¹⁸ Снегирев И.М. Путевые заметки о Троицкой лавре. М., 1840; Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1842.

¹⁹ См.: Стасов В.В. Памяти Федора Григорьевича Солнцева (речь, произнесенная в собрании Археологического института 12 марта 1892 года) // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1892. Т. 9. С. 169.

²⁰ Дмитриевский А.А. Памяти В.Н. Хитрово (Ко дню десятилетия со дня его кончины) // Дмитриевский А.А. Палестинское Общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки. Отчеты. М., 2014. С. 86.

Второй фактор заключался в том, что именно в конце 1840-х гг. Василий Хитрово поступил в Императорский лицей, в котором «читал палеографию, обучал разбирать и воспроизводить древние рукописи»²¹ И.П. Сахаров – автор трехтомника «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (1836), пятитомника песен русского народа (1837–1838) и не менее значимой книги «Путешествие русских людей в чужие земли». Еще одно научное историческое событие повлияло на выбор вектора исследовательской деятельности В.Н. Хитрово. Это выход в 1862 г. книги И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII вв.».

С изучения истории рода, с написания «Родословной книги рода Хитрово» (1866) начинался путь Василия Николаевича Хитрово как ученого. От других подобных изданий она отличалась тем, что в ней содержалась критическая информация о разного типа источниках, о степени их достоверности, сведения о деятельности не только представителей четвертой ветви рода Хитрово – непосредственных предков Василия Николаевича, но и о многих представителях огромного древнего рода. Один из экземпляров своей книги он отправил в дар издателю «Русского архива» П.И. Бартеневу, сопроводив письмом, в котором указал на особенности составления и публикации «Родословной»:

Вторую часть ее составляют все документы, которые служили для составления родословной и которые мною отыскивались в монастырских и семейных архивах <...> Взамен прошу доставления имеющихся вероятно или у Вас или в Чертковской библиотеке сведений, относящихся до моего рода...²²

Одной из важнейших составляющих «Родословной книги» стали документальные биографии всех представителей IV ветви Хитрово, к которой принадлежал и сам Василий Николаевич, и подробные рассказы о прадеде Дементии Ивановиче (ок. 1700–1765), служившем в Драгунском полку²³, деде Александре Дементьевиче Хитрово (1760–1822) капитане лейб-гвардии Преображенского полка²⁴, отце Николае Александровиче (1786–1866), участнике военных действий в составе войск антифранцузской коалиции 1805–1807 гг. и заграничного похода русской армии 1813 г.²⁵; о старшем брате Александре (1816–1855), героически сражавшимся на бастионе В.А. Корнилова на Малаховом кургане в годы Крымской войны «и павшем жертвой ее 8 августа 1855 г.»²⁶; о другом брате Николае (1830–1879), адъютанте графа Н.Н. Муравьева-Амурского²⁷.

Каждое положение, каждый факт, приведенные в «Родословной книге», были подкреплены письменными источниками, при отсутствии оных использовались устные свидетельства членов семьи (близких и дальних родственников) и знание семейных традиций. Одним из документальных источников были патенты на чины и звания, грамоты, метрические свидетельства. Например, утвержденный императрицей Елизаветой Петровной Патент на чин капитану Дементию Ивановичу Хитрово, гласил:

²¹ Корф Н.А. (Лицей начала 50-х годов) // Императорский лицей в памяти его питомцев: Александровский лицей (1844–1918). СПб., 2011. С. 57.

²² Хитрово В.Н. Письмо П.И. Бартеневу. 28 января 1867 // РГАЛИ. Ф. 46 (Бартенева П.И.). Оп. 1. Ед. хр. 478. Л. 1–1 об.

²³ Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб., 1866–1867. С. 186.

²⁴ Там же. С. 203–204.

²⁵ Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово... С. 230–241; Хитрово Н.А. Формулярный список, выданный из придворной Конюшенной конторы. 1843 мая 24. Писарской // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 1. Ед. хр. 24.

²⁶ Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово... С. 254–255.

²⁷ Там же. С. 256–258.

Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Дементия Хитрово, который нам поручиком служил, для его оказанной в службе нам ревности и примерности, в Наши капитаны 1742 года мая 12 дня всемиловнейши пожаловали и учредили, яко же Мы сим жалуем и утверждаем, повелевая всем Нашим помянутого Дементия Хитрово за Нашего капитана надлежащим образом признавать и почитать²⁸.

Или другой пример – Грамота, данная 24 января 1794 г. Московским депутатским собранием Александру Дементьевичу Хитрово о внесении его и его рода «в дворянскую родословную Московской губернии книгу в четвертую ее часть»²⁹. Или копия метрического свидетельства Николая Александровича Хитрово, выданная по его запросу в апреле 1851 г. о том,

что его Николая день рождения в метрической книге подданного Белевской округи села Лабодина от священника и церковнослужителей записанным значится следующим образом: мая девятого дня 1786 года деревни Фединской у Александра Дементьевича Хитрово родился сын Никола (слова Хитрова сын Никола написаны по почищенному). Крещен 14-го числа, восприемники были господин Афанасий Иванов Бунин и Елизавета Михайловна Желябужская³⁰.

Родословную В.Н. Хитрово продолжал изучать до конца XIX столетия, внося дополнения в печатный экземпляр, до момента передачи своего архива в Отдел рукописей Московского Публичного и Румянцевского Музеев в 1899 г.³¹ Поступившие «Фамильные документы и бумаги» и «Материалы для родословной Хитрово» были включены в состав Музейного собрания (№ 3284-3287), а после Великой Отечественной войны выделены в самостоятельный фонд (№ 480) Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина, имеющий опись, составленную в 1972 г.³²

Небольшой по объему фонд (всего 55 единиц хранения), но охватывающий почти трехсотлетний период российской истории, с 1613 по 1899 гг., позволяет понять, как знание истории рода и семьи, бережное отношение к семейному архиву, способствуют не только расширению знаний по истории Отечества, но и пониманию ее глубинных смыслов, связи времен и перспектив развития общества.

К числу самых древних и ценных из сохранившихся материалов относятся подлинные «Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Тарасу Клементьевичу Хитрово на вотчину в Калужском уезде, 1613 г. декабря 30» (Ф. 480. К. 1. Ед. хр. 1), «Ввозная грамота жильцу Петру Степанову Хитрово на поместье в Белевском уезде, 1649 г., января 20» (Ф. 480. К. 1. Ед. хр. 3) и «Жалованная (печатная) грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей по случаю вечного мира с Польшей окольному Ивану большому Севастьяновичу Хитрово на имения в Инсарском уезде из поместья в вотчину» (дана 1 мая 1687 г.) (Ф. 480. Муз. 3285). Из числа фамильных документов и бумаг особого внимания заслуживают «Духовное завещание вдовы Зиновии Назарьевны Хитрово, 1728 г. мая 27» (Ф. 480. К. 1. Ед. хр. 6), прапрабабушки В.Н. Хитрово; комплексы документов Александра Дементьевича Хитрово, Ольги Александровны, урожденной Киреевской – деда и бабки Василия Николаевича, среди которых «Духовное завещание Ольги Александровны Хитрово. 1834 16 мая»

²⁸ Патент на чин капитана Дементия Ивановича Хитрово. 1743 апреля 23 дня // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 9. Л. 54–54 об.

²⁹ Грамота, данная Московским депутатским собранием Александру Дементьевичу Хитрово. 1794 января 24 // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 9. Л. 56 об. – 57.

³⁰ Метрическое свидетельство Николая Александровича Хитрово. 1786 мая 9 дня // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 9. Л. Л. 58–58 об.

³¹ Собрание бумаг Василия Николаевича Хитрово // Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1899 год, представленный директором музеев г. министру народного просвещения. М., 1900. С. 28–32.

³² *Ошанина Е.Н.* Опись архива Хитрово. Ф. 480. (1613 – нач. XX в.). Машинопись. М., 1973.

(Ф. 480. К. 1. Ед. хр. 27); документы Николая Александровича Хитрово, отца Василия Николаевича, в том числе «Формулярный список о службе, выданный 1834 г. мая 24» (Ф. 480. К. 1. Ед. хр. 32) и документы Варвары Ивановны Хитрово, урожденной Кривцовой, матери Василия Николаевича, среди которых «Духовное завещание на свои имения в Мценском и Суздальском уездах» (Ф. 480. К. 1. Ед. хр. 33). Особую ценность представляют фотографии и фотокопии живописных портретов членов семьи В.Н. Хитрово – его родителей, братьев, сестер, племянников, – вклеенные в печатный экземпляр «Родословной книги рода Хитрово» (Ф. 480. К. 2. Ед. хр. 8), хранившийся когда-то в личной библиотеке автора.

Чем же еще важен и интересен родовой архив В.Н. Хитрово, если, как следует из вышесказанного, в нем отсутствуют личные документы фондообразователя? Прежде всего тем, что в нем имеются рабочие и подготовительные материалы (автографы В.Н. Хитрово), на основе которых шел процесс написания книги, которая является ярким образцом генеалогического исследования. Например, это несколько тетрадей с выписками из документов, запись рассказов родственников. В описи данные материалы обозначены как «Выписки из Боярских книг, сказок Генерального двора, Алфавитов пошлинных и беспошлинных грамот о членах рода Хитрово»³³, «Выписи из отказных книг, метрические свидетельства, формулярные списки, письма, указы, документы о правах на дворянство, рескрипты и другие документы, касающиеся представителей рода Хитрово за период XVII–XIX вв.»³⁴, или как «Дополнительные заметки»³⁵, «Поколенные росписи рода Хитрово»³⁶. Все они выстроены в тематико-хронологическом порядке и ярко характеризуют творческую лабораторию и методы исследовательской работы В.Н. Хитрово, а также подходы к письменным и устным источникам Хитрово как исследователя.

Некрологи и письма соболезнования как биографический источник

Первыми историографическими источниками, в которых содержатся биографические данные и прослеживается попытка подвести некоторые итоги деятельности В.Н. Хитрово и раскрыть ее значение, стали некрологи, опубликованные Палестинским обществом, а также некрологи, небольшие памятные статьи, поэтические произведения, размещенные на страницах светских и церковных периодических изданий.

Прежде всего необходимо обратить внимание на речь арабиста и дипломата, секретаря ИППО в 1903–1906 гг. А.П. Беляева, «читанную в Общем годовом собрании Общества 4 ноября 1903 г.»³⁷. Главной темой этого выступления стало раскрытие роли В.Н. Хитрово в Палестинском обществе, «всецело ему обязанном своим развитием и занятым прочным положением, как в пределах Святой Земли, так и в самой России»³⁸. В своей речи он привел факты из жизни В.Н. Хитрово, связанные с ис-

³³ Выписки из Боярских книг, сказок Генерального двора, Алфавитов пошлинных и беспошлинных грамот о членах рода Хитрово [1850]. Писарские и рукою разных лиц // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 5. 40 л.

³⁴ Выписи из отказных книг, метрические свидетельства, формулярных списки, письма, указы, документы о правах на дворянство, рескрипты и другие документы, касающиеся представителей рода Хитрово за XVII–XIX вв. Втор. пол. XIX в. Копии // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 9. 64 л.; Патенты, указы, метрические свидетельства, письма, рескрипты и др. документы, касающиеся представителей рода Хитрово за XVIII–XIX вв. Втор. пол. XIX в. Копии // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 10. 65 л.

³⁵ Дополнительные заметки к «Родословной книге рода Хитрово» СПб., 1866. [1850–1860]. Руками разных лиц // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 6. 7 л.

³⁶ Поколенные росписи рода Хитрово и другие биографические материалы. Нач. XIX – 1896. Писарские и печатные // ОР РГБ. Ф. 480 (Хитрово). К. 2. Ед. хр. 3. 22 л.

³⁷ Беляев А.П. Памяти Василия Николаевича Хитрово...

³⁸ Там же. С. 1.

торией изучения вопросов русского паломничества, с заботой о судьбах русских паломников, с формированием убеждений в необходимости создания специального общества, способного защитить интересы православных верующих на территории Ближнего Востока и «улучшить паломническое дело»³⁹, с созданием «Русской Палестины» и организацией образовательно-просветительской деятельности среди коренного арабского населения. Им была дана краткая и яркая характеристика каждой из семи паломнических поездок и рабочих командировок «опытного вождя»⁴⁰ ИППО в пределы и за пределы Святой Земли. Особое внимание А.П. Беляев уделит деятельности В.Н. Хитрово, направленной на организацию Обществом православных школ «в пределах Палестины и Сирии», на защиту интересов православных сирийцев, на их «спасение от инославных учебных заведений» и «от возможности обращения в латинство или протестантство»⁴¹.

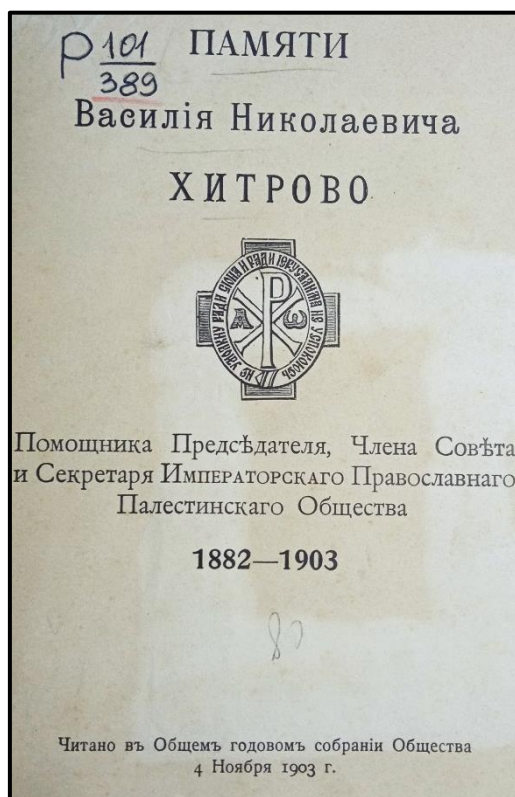

Рис. 2. Обложка издания
Figure 2. Edition cover

Источник: Беляев А.П. Памяти Василия Николаевича Хитрово...
Source: A.P. Belyaev, *In memory of Vasily Nikolaevich Khitrovo*.

Также А.П. Беляев, последовательно отобразив издательскую деятельность ИППО, дал высокую оценку изданным В.Н. Хитрово сочинениям, посвященным как описанию палестинских святынь, так и истории библейской археологии Палестины, Сирии и Синая, библиографии и биобиблиографии паломничества⁴². Значимым вкла-

³⁹ Беляев А.П. Памяти Василия Николаевича Хитрово... С. 7.

⁴⁰ Там же. С. 6.

⁴¹ Там же. С. 6–7.

⁴² Там же. С. 8.

дом в развитие палестиноведения названы организованные по инициативе В.Н. Хитрово археологические исследования «на Русском месте» и умелое привлечение к сотрудничеству «выдающихся палестиноведов Западной Европы»⁴³. Отмечен и его вклад в строительство русских подворий.

В пространной памятной речи А.П. Беляеву удалось указать на все основные составляющие деятельности своего предшественника в качестве Секретаря ИППО, определить векторы исследований, связанных именно с этой сферой жизни выдающегося государственного деятеля, правильно и объективно осмыслившего судьбоносное для России восточное направление внешней политики на рубеже XIX–XX вв., то есть осветить ту часть жизни государственного деятеля, которая была связана с укреплением международного авторитета России и положения Православной церкви на Ближнем Востоке.

Не меньшее значение имеют материалы двух церковных некрологов. В них помимо яркого и образного рассказа о В.Н. Хитрово как «организаторе и одном из энергичнейших и главнейших деятелей» Палестинского Общества, «поддерживавшего православие в Святой Земле, защищавшего его от иноверной пропаганды, стойко охранявшего в Палестине и Сирии интересы и нужды русских богомольцев»⁴⁴, приведены некоторые факты биографии. В частности, факт устройства им в России ссудно-сберегательных товариществ, издательская деятельность, направленная на публикацию исторических источников и памятников письменности, а также трудов западноевропейских исследователей и, наконец, работа над 56 выпусками «Палестинского сборника»⁴⁵.

Представляет научный интерес облеченный в поэтическую форму некролог, написанный филологом, библиографом и биографом С.И. Пономаревым, долгие годы плодотворно сотрудничавшим с В.Н. Хитрово. При этом он не вступает в конфликт с понятиями «историография» и «историографический источник», поскольку расширяет представления о восприятии смыслов государственного служения и деятельности «поборника веры и людей»⁴⁶, «авторитетного вождя»⁴⁷, члена и секретаря ИППО, «стоявшего двадцать лет как воин на страже дел Святой Земли»⁴⁸.

Сведения, содержащиеся в поэтическом некрологе, могут быть дополнены материалами из сохранившейся переписки вдовы В.Н. Хитрово Софьи Доминиковны с С.И. Пономаревым, в которых обсуждаются смыслы и значение целого ряда поэтических строк. Одобрив в целом полученные от автора стихи, она особо обратила внимание на важность таких строк как

Весь занят Обществом заветным
Он был в нем творческой душой,
Его вождем авторитетным,
Увлечшим многих за собой⁴⁹.

Попросила не убирать такое важное для понимания смыслов служения В.Н. Хитрово четверостишие:

⁴³ Беляев А.П. Памяти Василия Николаевича Хитрово... С. 8–9.

⁴⁴ В.Н. Хитрово: Некролог // Черниговские Епархиальные Известия. 1903. № 13. С. 441–442.

⁴⁵ Там же. С. 443.

⁴⁶ Пономарев С.И. Светлой памяти В.Н. Хитрово // Черниговские епархиальные известия. 1903. № 17. С. 576.

⁴⁷ Там же. С. 577.

⁴⁸ Там же. С. 578.

⁴⁹ Хитрово С.Д. Письмо С.И. Пономареву 14 августа 1903 // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 1 об.

Без отдыха людскому благу
Служил он сердцем и умом,
Черпая силу и отвагу
Лишь в православии святом⁵⁰.

Выразила сомнение по поводу содержания следующих строк:

И весь задумался Восток,
Утратив движущую силу,

написав:

Думаю также, что новым заправилам не понравится это двоестипие. Хорошо еще, если пропустят это слово, а то, пожалуй, в нем усмотрят неуважительное отношение к Августейшему Председателю! Не лучше ли не дразнить гусей⁵¹.

Рис. 3. Степан Иванович Пономарев. Фото. 1899
Figure 3. Stepan Ivanovich Ponomarev. Photo. 1899

Источник: Дмитриевский А.А. Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С.И. Пономарева. Пг., 1915.

Source: А.А. Dmitriyevskii, *Pamyati bibliografa i vdokhnovennogo pevtsa Svyatoy Zemli S.I. Ponomareva* [In memory of the bibliographer and inspired singer of the Holy Land S.I. Ponomarev] (Petrograd: Tipografiia T.P. Kirshbauma, 1915).

⁵⁰ Хитрово С.Д. Письмо С.И. Пономареву 14 августа 1903 // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 1 об.

⁵¹ Там же. Л. 1 об. – 2.

В одном из писем сохранились и некоторые первоначальные строки, которые были заменены при публикации текста.

Первоначально у С.И. Пономарева было написано:

«И вскоре Общество создать
На благо веры православной»⁵²

В первоначальном варианте:

«Черпая силу и отвагу
Лишь в православии святом»⁵³

В итоге:

«И вскоре Общество создать
под сенью милости Державной»

В итоге:

«Черпая силу и отвагу
Во всем могуществе родном»

Из сохранившихся материалов в фонде С.И. Пономарева также следует, что С.Д. Хитрово собиралась написать биографию мужа или записки о его деятельности, для чего просила переслать ей всю сохранившуюся переписку, что и было сделано⁵⁴.

Некролог «к годовщине смерти вдохновителя создания ИППО» был написан Х.М. Лопаревым. О существовании этого текста мы узнаем из письма Софьи Доминиковны, адресованного автору:

С умилением и благодарностью прочла я ваш очерк о деятельности моего дорогого усопшего, – писала вдова, – очерк, который, к крайнему сожалению, не был прочитан. Вы первый сумели такими яркими и симпатичными чертами обрисовать его удивительную твердость и непреклонность в научных вопросах⁵⁵.

Из приведенной цитаты следует, что в некрологе Х.М. Лопаревым освещалась научная деятельность В.Н. Хитрово.

В 1913 г. византинист и историк церкви А.А. Дмитриевский, сменивший А.П. Беляева в должности Секретаря ИППО, по случаю десятилетия кончины В.Н. Хитрово опубликовал памятную статью (некролог), в которой не просто проследил путь его служения, проанализировал смыслы и раскрыл значение его поездок в Святую Землю, положивших начало движению по пути создания Палестинского Общества, но и охарактеризовал особенности его деятельности как исследователя и организатора науки⁵⁶. В своей статье А.А. Дмитриевский отметил следующие направления работы В.Н. Хитрово: научная деятельность по изучению истории Святой Земли и паломничества, поддержание православия на Ближнем Востоке, помощь русским паломникам и оказание помощи Иерусалимской Патриархии.

Из значимых фактов ранней биографии Василия Николаевича была отмечена роль «сильной своим обаянием»⁵⁷ набожной матери Варвары Ивановны в воспитании младшего сына, укрепившей в нем веру в Бога, сформировавшей отношение к Православной церкви.

Как один из соратников В.Н. Хитрово А.А. Дмитриевский в своей памятной статье подчеркнул значение знакомства В.Н. Хитрово с «энергичным, умным»⁵⁸

⁵² Хитрово С.Д. Письмо С.И. Пономареву 24 августа 1903 // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 18.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Хитрово С.Д. Письмо С.И. Пономареву 26 июня 1903 // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 14; Хитрово С.Д. Письмо С.И. Пономареву 14 мая 1904 // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 44 об. – 45; Хитрово С.Д. Письмо С.И. Пономареву 26 мая 1904 // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 39–40; Хитрово С.Д. Письмо С.И. Пономареву 29 июля 1904 // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 41–41 об.

⁵⁵ Цит. По: *Цысь В.В., Цысь О.П.* Х.М. Лопарев и Императорское Православное Палестинское Общество... С. 25.

⁵⁶ *Дмитриевский А.А.* Памяти В.Н. Хитрово... С. 84–93.

⁵⁷ Там же. С. 86.

⁵⁸ Там же. С. 87.

архимандритом Антонином (Капустиным), которое состоялось во время первого паломничества в Святую Землю в 1871 г.:

Несомненно, под его влиянием, возвратившись на родину в Россию, В.Н. Хитрово с увлечением отдался изучению Св. Земли, сознавая хорошо, что Св. Землю можно любить лишь после того, как узнаешь ее прошлое и настоящее. В этих видах В.Н. Хитрово стал живо интересоваться научною и популярною литературою о Св. Земле, как русскою, так и иностранною, положив таким образом начало собственной по палестиноведению обширной библиотеке.

Краткие биографические сведения, касающиеся деятельности В.Н. Хитрово на посту Секретаря ИППО, содержатся в некрологах его соратникам. Это написанные А.А. Дмитриевским в форме воспоминаний некролог «А.И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях Православного Палестинского общества»⁵⁹, некролог «Памяти Б.П. Мансурова»⁶⁰ и статья «Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С.И. Пономарева»⁶¹. Х.М. Лопаревым были написаны некрологи А.И. Пападопуло-Керамевсу и И.В. Помяловскому⁶².

Биографические данные о лицейских годах, о процессе образования и воспитания в Александровском лицее и о службе в Министерстве финансов содержатся в некрологе Н.Ф. фан дер Флиту, написанном В.Н. Хитрово «по личным воспоминаниям»⁶³. Именно в этих «личных» воспоминаниях содержится рассказ о побудительных причинах заняться организацией ссудно-сберегательных касс:

Это было в конце 60-х годов, – указал В.Н. Хитрово, – все мы тогда горели желанием сделать что-либо для народа и все эти идеалы для осуществления наших желаний искали, к сожалению, не у себя, в тысячелетней жизни Русского народа, а на Западе. <...> это была крупная ошибка нашей неопытности, что хорошее и полезное на Западе не могло не быть хорошим и полезным у нас⁶⁴.

Далее он о говорит о том, что больше всего в это время его беспокоило, о главной мысли – «о дешевом кредите для народа»⁶⁵. Вслед за представлением этой идеи перечисляются основные этапы на пути созидания народной кредитной системы: «от городского ломбарда к обществу взаимного кредита», далее – «к форме Лугининского ссудно-сберегательного товарищества», а затем – и к новым формам⁶⁶.

Условно к жанру некролога можно отнести два письма соболезнования, пришедших в Россию из Назарета. Одно из них было отправлено «православными жителями» в Совет ИППО, другое – директором Назаретской учительской семинарии А.Г. Кезмой вдове Софье Доминиковне. В обоих письмах содержатся важнейшие сведения о деятельности В.Н. Хитрово, связанной с организацией образования для арабских детей на территории Палестины. Так, например, жителями Назарета отмечено, что в течение 20 лет «попечением Василия Николаевича в Назарете были учреждены «мужская и женская школы, учительская семинария, амбулатория», со-
оружено

⁵⁹ Дмитриевский А.А. А.И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях Православного Палестинского общества (по личным воспоминаниям и документальным данным). СПб., 1914.

⁶⁰ Дмитриевский А.А. Памяти Б.П. Мансурова // Сообщения ИППО. 1910. Вып. 3. С. 446–457.

⁶¹ Дмитриевский А.А. Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С.И. Пономарева (по переписке его с о. архимандритом Антонином и В.Н. Хитрово). Пг., 1915.

⁶² Лопарев Х.М. 1) Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс: [1856–1912: Некролог. СПб., 1915; 2) Иван Васильевич Помяловский: Некролог. СПб., 1908.

⁶³ Хитрово В.Н. Николай Федорович фан дер Флит по личным воспоминаниям В. Хитрово. СПб., 1897.

⁶⁴ Там же. С. 14.

⁶⁵ Там же. С. 15.

⁶⁶ Там же.

великолепное подворье, которым почтенное Общество закрепило свою благотворительную деятельность в Назарете <...> неоднократно оказывались пособия церкви Благовещения⁶⁷.

В послании А.Г. Кезмы от 11 августа 1903 г. отмечена наставническая работа «русского боярина – почтенного старца, украшенного благочестивою сединою»⁶⁸, его умение подбирать кадры для решения серьезных вопросов, связанных с организацией православного просвещения и образования на территории Сирии и Палестины. Он писал о Хитрово:

Я был радостно поражен его чисто отеческой любовью и сердечною добротою при первом представлении ему и беседе с ним, когда он в начале 1883 г. призвал меня на службу Отечества. Господь сподобил меня служить с почившим под его *мудроотеческим руководством и высшим начальством ровно 20 лет без одного месяца* (выделено мной. – Г.А.). И во все это время я имел честь и счастье лично пользоваться плодами той же сердечной доброты почившего дорогого В.Н., а также имел возможность с удовольствием и радостью быть свидетелем и наблюдателем развития и роста той великой благотворной деятельности Общества на пользу русских паломников и поддержания православия в Сирии и Палестине, которое производила и подогревала та же искренняя и сердечная любовь почившего к Святой Земле (выделено мной. – Г.А.)⁶⁹.

Справочные издания, дневники, мемуары: особенности информационного поля

Одним из значимых исторических источников, содержащим краткую информацию, в связи с чем нередко игнорируемом исследователями, являются справочники государственных и учебных заведений, а также адресные и телефонные книги. Что касается реконструкции биографии В.Н. Хитрово, то явно, на наш взгляд, необходимо обращение к таким справочникам и справочным изданиям, как «Весь Петербург», «Петербургский некрополь», «Императорский лицей в памяти его питомцев», Памятные книжки Императорского Александровского лицея и лицеистов, Памятные книжки Морского ведомства и Петроградского частного коммерческого банка. Научный интерес также представляют мемуары однокашников и современников В.Н. Хитрово, хотя в некоторых из них его имя не упоминается.

Сначала обратимся к справочникам. Так, например, известное издание «Весь Петербург» содержит не только адреса проживания В.Н. Хитрово в Санкт-Петербурге, но в нем указываются его должности, чины и звания. Например, в справочнике за 1897 г. указано: «Хитрово Вас. Никл. тс. Екатерининский кан., 76 Чл. Совета М.Н.П.; Секретарь Палест. правосл об-ва»⁷⁰. Справочник на 1903 г. дает указания на изменения статуса: «Хитрово Вас. Никл. дтс. Екатерининский кан., 76. Об-во любит. древн. письмен.; Секр. Имп. Правосл. Палест. Об-ва»⁷¹.

В справочнике «Петербургский некрополь» помимо указания места захоронения – Никольское кладбище Александро-Невской лавры, также отмечены его чины и должности:

⁶⁷ Письмо православных жителей Назарета в Совет ИППО. 23 мая 1903 г. Копия // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 т. М., 2020. Т. 3. Ч. 1. С. 245.

⁶⁸ Кезма А.Г. В Совет Императорского Православного Палестинского Общества Назарет, 11 августа 1903 г. // РГАЛИ. Ф. 402 (Пономарев С.И.). Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 36 об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Весь Петербург на 1897 год: адресная справочная книга г. Санкт-Петербурга. СПб., 1897. С. 416; Полный текст, без сокращений: «Хитрово Василий Николаевич, тайный советник, Екатерининский канал, 76. Член Совета Министерства народного просвещения; Секретарь Палестинского православного общества».

⁷¹ Весь Петербург на 1903 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб., [1903]. С. 703; Полный текст, без сокращений: «Хитрово Василий Николаевич, действительный тайный советник, Екатерининский канал, 76. Общество любителей древней письменности; Секретарь Императорского Православного Палестинского Общества».

Хитрово Василий Николаевич, д. тайн. сов., р. 6 июля 1843, ум. В Гатчине 5 мая 1903 (Александрово-Невская лавра, Никольское кладбище)⁷².

Также содержатся сведения о его отце (дате кончины и месте захоронения):

Хитрово Николай Александрович, ум. 16 апреля 1865. С Е.В. Хитрово (Митрофановское кладбище)⁷³.

Занимаемые посты в министерствах, а также сведения о департаменте и его сотрудниках, трудившихся вместе или одновременно с В.Н. Хитрово, можно найти в Памятных книжках этих государственных учреждений. Например, в «Памятной книжке Морского ведомства на 1862 г.» содержится указание на то, что «надворный советник Василий Николаевич Хитрово» был «состоящим по Морскому министерству». Вместе с ним в Генерал-аудиториате «состоящими» были тайный советник К.И. Менде, действительный статский советник Б.С. Якоби, действительный статский советник князь Н.М. Голицын, капитан-лейтенант М.И. Верещагин⁷⁴.

Особого внимания заслуживают периодические ежегодные издания, например, «Памятная книжка Императорского Александровского лицея», первый выпуск которой вышел в 1850 г., то есть в тот год, когда В.Н. Хитрово уже был своекоштным учащимся. В них содержится колоссальный объем информации, позволяющий судить о всех важнейших лицейских событиях и юбилеях, состоявшихся в годы учебы, об учебных курсах, учебных пособиях и средствах, поступаемых на обучение, преподаваемых предметах и расписании занятий, оценках учащихся, информация о переводе из класса в класс, о преподавателях и воспитателях, выпускном собрании и напутственных речах. Благодаря Памятным книжкам можно говорить о персональном составе лицеистов XX курса, на котором помимо В.Н. Хитрово, обучались М.Ф. Бартоломей (в будущем – чрезвычайный посланник при императоре Японии), В.А. Семенов (в будущем – владимирский вице-губернатор), барон Н.А. Корф (в будущем – организатор земских школ, оставивший пространные воспоминания, в том числе о лицейских годах), О.И. Курнанд (в будущем – начальник Архива Министерства внутренних дел), И.Н. Бутковский (в будущем – известный российский адвокат), граф А.П. Кассини (в будущем – поверенный в делах ряда вольных германских городов, чрезвычайный и полномочный посол в Мадриде), Ф.В. Кривцов (в будущем – тамбовский вице-губернатор)⁷⁵.

Информацию Памятных книжек дополняют записки его однокашника Н.А. Корфа и воспоминания лицеиста XXI курса Д.Ф. Кобеко⁷⁶, содержащие важные замечания о преподавателях и об общей лицейской атмосфере тех лет.

Так, например, барон Н.А. Корф отметил, что лицей стал «весьма существенным фактором в числе сил»⁷⁷, которые повлияли на воспитание. Это произошло прежде всего потому, что учебное заведение отличал особый дух, «сложившийся из традиций и поддерживавшийся направлением преподавания»⁷⁸. Он отмечал, что в числе этих замечательных традиций был, например, культ чтения:

⁷² Петербургский некрополь. СПб., 1913. Т. 4. С. 413.

⁷³ Там же. С. 414.

⁷⁴ Памятная книжка Морского ведомства на 1862 год. СПб., 1862. С. 92.

⁷⁵ Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год. СПб., 1886. С. 74–75.

⁷⁶ Корф Н.А. 1) Посмертные записки. СПб., 1884; 2) (Лицей начала 50-х годов)... С. 48–73; Кобеко Д.Ф. 1) Императорский Царскосельский лицей: наставники и питомцы. М., 2008; 2) Воспитание лицеиста XXI курса. 1850–1856 г. // Императорский лицей в памяти его питомцев: Александровский лицей (1844–1918). СПб., 2011. С. 74–99.

⁷⁷ Корф Н.А. (Лицей начала 50-х годов)... С. 49.

⁷⁸ Там же. С. 50.

Твердо помню, до чего общественное мнение нашего курса относилось пренебрежительно к тому, кто мало читал⁷⁹ <...> XX курс читал со страстью и толком⁸⁰ <...> читал на русском и трех иностранных языках <...> Товарищи обменивались книгами между собой, нередко бывали и диспуты о прочитанном: <...> сравнение характеров «Чайльд Гарольда» Байрона с «Вертером» Гёте, «Печориным» Лермонтова и «Евгением Онегиным» Пушкина⁸¹.

Продолжая размышление о пользе чтения и лицейских традициях, Н.А. Корф рассказал еще и о методах, немало способствовавших усвоению нового материала, пониманию и «надлежащим образом перевариванию»⁸² прочитанного:

Изучая в последние три года историю словесности <...> старались в чтении по возможности попевать за курсами профессоров и читать авторов именно тогда, когда разбирали их на лекциях профессора. Многие из товарищей поступали таким же образом, причем появилась в нас амбиция, отвечая профессору, отнюдь не придерживаться того, что за ним было написано на лекции, но говорить непременно на основании самостоятельно прочитанного⁸³.

И далее: «Не только по литературе, но из многих наук старались мы отвечать „не по записям“»⁸⁴. Именно эта традиция, как писал Н.А. Корф, «заронила не в одного из нас истинную любовь к знанию и действительное сочувствие нравственным интересам»⁸⁵.

Не менее значимы рассуждения о том, какие мировоззренческие позиции отличали лицеистов XX курса, «какой образ мыслей вырабатывался лекциями и чтением?»⁸⁶ Все учащиеся «в вопросах философских и научных <...> разделяли наиболее передовые воззрения»⁸⁷.

Симпатия к интересам крестьянства воспитывалась не благодаря лекциям профессоров, а в беседах с товарищами, «которые имели случай сблизиться с ним в детстве»⁸⁸.

В воспоминаниях историка и библиографа, сотрудника Министерства финансов Д.Ф. Кобеко помимо характеристики лицейских преподавателей содержится рассказ о подготовительном пансионе Ф.В. Гроздова, в котором обучался В.Н. Хитрово до поступления в Лицей.

Итак, имеющиеся справочники, а также дневники и мемуары однокашников, сотрудников и современников В.Н. Хитрово дают возможность не только проведения наиболее полной реконструкции его биографии, возможность рассказать о семье и семейных традициях, о годах учебы и первых годах государственной службы в Морском ведомстве и Министерстве финансов, раскрыть его роль в организации государственного контроля в области финансов и ревизии хозяйственных департаментов, в устройстве ссудно-сберегательных товариществ, которыми он руководил в течение 20 лет, но также выстроить направления поисковой работы, связанной с выявлением новых источников, в которых может содержаться информация, позволяющая ярче охарактеризовать место В.Н. Хитрово в истории государства российского.

⁷⁹ Корф Н.А. (Лицей начала 50-х годов)... С. 51.

⁸⁰ Там же. С. 54.

⁸¹ Там же. С. 52.

⁸² Там же. С. 54.

⁸³ Там же. С. 54.

⁸⁴ Там же. С. 54.

⁸⁵ Там же. С. 54.

⁸⁶ Там же. С. 55.

⁸⁷ Там же. С. 56.

⁸⁸ Там же. С. 57.

Выводы

Фигура В.Н. Хитрово является одной из ключевых в духовной, научной, экономической, политической и международной жизни России последней трети XIX – начала XX в. Не занимавший высоких постов, он стоял у истоков отечественной кооперации, был в числе отцов-основателей Комитета ссудно-сберегательных и промышленных товариществ, выдвинув идею сбережения народных средств, участвовал в реализации внутренних реформ Российской империи, способствовал решению непростых вопросов, связанных с присутствием России на Ближнем Востоке и защитой интересов Православной церкви в этом регионе. Его труды повлияли на развитие исторического научного знания в таких областях как генеалогия и палеоэтноведение.

Современное состояние научного знания, связанного с изучением жизни и деятельности В.Н. Хитрово, говорит о том, что интерес к его личности связан прежде всего с деятельностью ИППО. За последние четверть века опубликован объемный комплекс официальных документов, составленных В.Н. Хитрово, творческое и эпистолярное наследие, характеризующее именно эту сферу его 20-летней деятельности, которая ведет свой хронологический отсчет с 1880–1882 гг. (в том числе «Россия в Святой земле. Документы и материалы: в 3 т.»).

Сорокалетний период его жизни и деятельности до настоящего времени оставался практически вне поля зрения исследователей. Одна из причин этого – слабое внимание исследователей к особенностям источниковой базы и направлениям ее поиска. Помимо того, что в уже опубликованных и переизданных научных и популярных работах, а также в путевых заметках и рабочих отчетах содержится информация о детстве В.Н. Хитрово (например, «К Животворящему Гробу Господню»), о годах учебы и службы в Министерстве финансов, в них кроме всего прочего имеется материал по методологии исторического и историко-биографического исследований, приоритетных научных интересах (например, «Задачи научных исследований Святой Земли») и направлениях его государственной и общественной деятельности. Чрезвычайно важное значение в качестве источниковой базы имеют работы в области генеалогии («Родословная книга рода Хитрово»), в области финансового управления и ссудно-сберегательных касс («Сберегательные кассы в Великобритании», «Доклад о ссудно-сберегательных товариществах», «Сельские ссудо-сберегательные товарищества»), отчеты о состоянии дел в Русской духовной миссии и о положении Русских подворий в Иерусалиме («Доклад Секретаря ИППО В.Н. Хитрово в Совете Общества о положении Русских подворий в Иерусалиме»), написанные им биографии путешественника и ученого А.С. Норова, архимандрита Антонина (Капустина), чиновника Министерства финансов, директора Русского общества пароходства и торговли Н.Ф. ван дер Флита. Важная информация содержится в библиографическом указателе «Палестина и Синай».

Поиски в архивах, библиотеках и музеях, работа с уже опубликованными источниками официального и личного происхождения, а также с научными исследованиями, связанными с историей ближневосточной политики Российской империи, с Русской духовной миссией, деятельностью Министерства иностранных дел и его Восточного департамента, деятельностью русских дипломатических служб, русского духовного и политического присутствия в Святой Земле позволили расширить круг поисков и способствовали привлечению к решению исторической и историографической задач – полной реконструкции биографии В.Н. Хитрово – нового кру-

га источников. Так, впервые вводится в научный оборот комплекс эпистолярных материалов С.Д. Хитрово (РГАЛИ), архив Хитрово (ОР РГБ), включены в исследование мемуары Д.Ф. Кобеко и Н.А. Корфа, под новым углом зрения проанализированы имеющиеся некрологи.

В настоящее время, когда идет процесс возвращения российской собственности в Святой Земле, когда остро стоит вопрос о защите христианских ценностей, тема реконструкции биографии на основе сложнейшего комплекса исторических источников такого крупного государственного деятеля, каким был В.Н. Хитрово, имеет чрезвычайную актуальность, теоретическую и практическую значимость.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 20.03.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 19.05.2023

References

- Aksenova, G.V. “Vasily Nikolaevich Khitrovo (1834–1903) and his life's work (questions of historiography and source studies).” In *Orthodox Palestine collection. Dedicated to the 120th anniversary of the death of Vasilii Nikolaevich Khitrovo*, no. 121 (2023): 13–31 (in Russian).
- Dmitrievsky, A.A. “Pamiati V.N. Khitrovo (Ko dnu desiatiletiia so dnia ego konchiny) [In memory of V.N. Khitrovo (To the tenth day of his death)].” A.A. Dmitrievsky, *Palestinskoe Obshchestvo i russkie shkoly na Vostoke. Stat'i, ocherki. Otchety* [Palestinian Society and Russian schools in the East. Articles, essays. Reports], 84–93. Moscow: IPPO Publ., 2014 (in Russian)
- Dmitrievsky, A.A. *Palestinskoe obshchestvo i russkie shkoly na Vostoke: stat'i, ocherki, otchety* [Palestinian society and Russian schools in the East: articles, essays, reports]. Moscow: Imperial Orthodoxy. Palestinian Island; St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2013 (in Russian)
- Fox, N.N., ed. *Rossia v Sviatoi Zemle. Dokumenty i materialy* [Russia in the Holy Land. Documents and materials:], in 3 vols. Moscow: Indrik Publ., 2017–2020 (in Russian).
- Kobeko, D.F. “Vospominaniia litseista XXI kursa. 1850–1856 gg. [Memoirs of a lyceum student of the XXI course. 1850–1856].” In *Imperatorskii litsei v pamiati ego pitomtsev: Aleksandrovskii litsei (1844–1918)* [Imperial Lyceum in the memory of his pupils: Alexander Lyceum (1844–1918)], 74–99. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011 (in Russian).
- Korf, N.A. “(Litsei nachala 50-kh godov) [(Lyceum of the early 50s)].” In *Imperatorskii litsei v pamiati ego pitomtsev: Aleksandrovskii litsei (1844–1918)* [Imperial Lyceum in the memory of his pupils: Alexander Lyceum (1844–1918)], 48–73. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011 (in Russian).
- Lachava, M.Yu. “Vasily Nikolaevich Khitrovo (1834–1903) – figure in the national cooperation. To the 120th anniversary of the death of V.N. Khitrovo.” *Orthodox Palestine collection. Dedicated to the 120th anniversary of the death of Vasily Nikolaevich Khitrovo*, no. 121 (2023): 57–66 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. “V.N. Khitrovo – osnovatel' IPPO [Khitrovo is the founder of the IOPS].” *Khitrovo V.N. Pravoslavie v Sviatoi Zemle* [Orthodoxy in the Holy Land]. Vol. 1, 5–48. Moscow: IPPO; St. Petersburg: Oleg Obyshko Publ., 2011 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. “Vasilii Nikolaevich Khitrovo – osnovatel' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva [Vasily Nikolaevich Khitrovo – founder of the Imperial Orthodox Palestinian Society].” In *Khitrovo, V.N. K Zhivotvoryashchemu Grobu Gospodnyu. Rasskaz starogo palomnika* [To the Life-Giving Sepulcher of the Lord. The story of an old pilgrim], 5–59. Moscow: Pilgrimage Center of the Moscow Patriarchate Publ., 2003 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. Iz istorii rukovodstva Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: chetyre sekretaria (M.P. Stepanov – V.N. Khitrovo – A.P. Belyayev – A.A. Dmitriyevskiy) [From the history of the leadership of the Imperial Orthodox Palestinian Society: four secretaries (M.P. Stepanov – V.N. Khitrovo – A.P. Belyayev – A.A. Dmitriyevskiy)].” In *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* [Orthodox Palestine collection], issue. 102, 6–35. Moscow: Pilgrimage Center of the Moscow Patriarchate Publ., 2005 (in Russian).
- Lisovoy, N.N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v.* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2006 (in Russian)

- Oshanina, E.N. *Opis' arkhiva Khitrovo. F. 480. (1613 – nach. XX v.). Mashinopis'*. [Description of Khitrovo archive. F. 480. (1613 – early XX century). Typescript]. Moscow: State Library of the USSR. IN AND. Lenina Publ., 1973 (in Russian).
- Tsys, V.V., and Tsys, O.P. “Loparev i Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo [H.M. Loparev and the Imperial Orthodox Palestinian Society].” In *Materialy IV Loparevskikh chtenii, Khanty-Mansiysk, 24 oktiabrya 2013 g.* [Materials of the IV Loparev Readings, Khanty-Mansiysk, October 24, 2013], 16–29. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ, 2013 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Галина Владимировна Аксенова, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России, Институт истории и политики Московского педагогического университета; 115571, Россия, Москва, проспект Вернадского, 88; ведущий научный сотрудник кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; axenova-gv@rudn.ru

Galina V. Aksenova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, Institute of History and Politics of Moscow Pedagogical State University; 88, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 115571, Russia; Leading Researcher of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia; axenova-gv@rudn.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-441-455>

EDN: ZVYLPL

Научная статья / Research article

Борис Синани: 246 дней из жизни офицера – участника революционных событий 1917 г. в России

Виктор Лазаревич Хейфец , Лазарь Соломонович Хейфец

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Государственный университет аэрокосмического приборостроения,

Санкт-Петербург, Россия

Институт Латинской Америки РАН, Москва, Россия

 jeifets@gmail.com

Аннотация: На примере судьбы русского офицера Бориса Семеновича Синани в исследовании реконструируются события первых дней Февральской революции, отдельные аспекты работы «военного штаба революции» – Военной комиссии, причины создания и характер функционирования Союза офицеров-республиканцев Народной армии. Выявляются сложности взаимоотношений Временного комитета государственной думы и Советов рабочих и солдатских депутатов, раскрывается отношение русского офицерства к революционным переменам в стране. Авторы отмечают, что фамилия Синани была взята в качестве псевдонима Георгием Борисовичем Скаловым – другим участником революции и Гражданской войны, и этот выбор сыграл трагическую роль в судьбе последнего. Исследование основано на анализе документов Союза социалистов народной армии, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, мемуарной литературы и их сопоставлении с опубликованными научными работами. Авторы реконструировали основные линии взаимодействия и противоречий офицерских группировок во время Великой российской революции.

Ключевые слова: военная антропология, историческая биография, Февральская революция, офицерство, Русская императорская армия, Петроград

Для цитирования: Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Борис Синани: 246 дней из жизни офицера – участника революционных событий 1917 г. в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 441–455. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-441-455>

Boris Sinani: 246 Days in the Life of a Participant in Revolutionary Events in Russia in 1917

Viktor Jeifets , Lazar Jeifets

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Saint Petersburg University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia

Institute of Latin American Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 jeifets@gmail.com

Abstract: From the example of Russian officer Boris Semenovich Sinani's fate, the authors have attempted to reconstruct the events of the first days of the February Revolution, including certain aspects of the work of the “military headquarters of the revolution” – the Military Commission, as well as the reasons for the creation and nature of the functioning of the Union of Republican Officers of the People's Army. Through their research, the authors have revealed the complexity of the relationship

© Хейфец В.Л., Хейфец Л.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

between the Provisional Committee of the State Duma and the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, as well as the attitude of the Russian officers to the revolutionary changes in the country. The authors note that the name Sinani was taken as a pseudonym by Georgy Borisovich Skalov, another participant in the revolution and the Civil War, and this choice played a tragic role in the fate of the latter. The study is based on the analysis of the documents of the Union of Socialists of the People's Army stored in the State Archive of the Russian Federation, memoirs, and their comparison with published scientific works. The authors have also attempted to reconstruct the main lines of interaction and contradictions between officer groups during the Great October Socialist Revolution.

Keywords: military anthropology, historical biography, February Revolution, officers, Russian Imperial Army, Petrograd

For citation: Jeifets, Viktor, and Jeifets, Lazar. "Boris Sinani: 246 Days in the Life of a Participant in Revolutionary Events in Russia in 1917." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 441–455 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-441-455>

Введение

События Великой российской революции тщательно изучены в отечественной историографии. Советские историки при описании первых дней революции явно преувеличивали роль большевиков в ущерб анализу деятельности других политических сил¹. Значительное внимание уделено также фигурам первого плана, поднявшимся к власти на гребне революционной волны, а именно лидерам Государственной думы, Временного правительства, Советов рабочих и солдатских депутатов. В то время как на периферии исследований осталась роль участников первых дней революции или «офицеров 27 февраля», обеспечивших переход власти к Временному комитету Государственной думы (ВКГД), а затем и Временному правительству. Исключения составляют монография А.Б. Николаева (в которой показана хроника первых дней революции, включая создание и начало деятельности созданной совместными усилиями Думы и Советов Военной комиссии)² и работа В.Л. Кожевина, посвященная роли офицерства в событиях Февральской революции³. Но и в этих исследованиях не получил освещения такой важный аспект проблемы, как история создания Союза офицеров-республиканцев Народной армии как военно-политической силы, призванной закрепить революционные завоевания и поддержать Временное правительство и Советы. Авторы статьи ставят целью ликвидировать данный пробел через обращение к истории «маленького человека» (в данном случае – офицера) в условиях политических трансформаций, вызванных Русской революцией.

В исследовании используется комплекс методов, принятых в исторической науке: документальный и системный анализ, позволяющие реконструировать основные линии взаимодействия и противоречий группировок офицеров во время Великой российской революции. Эти методы способствовали критическому рассмотрению источниковой базы исследования, в которую вошли документы Союза офицеров-республиканцев Народной армии, позволяющие при соединении с информацией из газеты Союза «Народная армия» и мемуаров участников Февральской революции выяснить основные этапы и особенности становления организации, увидеть суть политических отношений в период двоевластия, показать ранее практически не рассмотренные в историографии аспекты истории революции.

¹ Минц И.И. *Свержение самодержавия // История Великого Октября*. М., 1977. Т. 1; Старцев В.И. 27 февраля 1917. М., 1984; Burdzhakov E.N. *Russia's Second Revolution. The February 1917 Uprising in Petrograd*. Indiana University Press, 1987.

² Николаев А.Б. *Думская революция 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т.* СПб., 2017.

³ Кожевин В.Л. *Российское офицерство и Февральский революционный взрыв*. Омск, 2011.

Псевдоним – Синани. Русская рулетка Георгия Скалова

Переплетение человеческих судеб в истории бывает настолько причудливым, что может показаться выдумкой. Яркий тому пример – биография Владимира Ульянова-Ленина. Можно ли было представить, что Юзеф Пилсудский, приговоренный к смерти на процессе Второй Народной воли вместе с Александром Ульяновым, но помилованный Александром III, возглавит независимое Польское государство и армию, победившую в советско-польской войне? Не менее причудливым выглядит столкновение в 1917 г. сыновей директора Симбирской гимназии Ф.М. Керенского и директора народных училищ губернии И.Н. Ульянова – премьера Временного правительства Александра Керенского и сменившего его во главе российского государства Владимира Ленина. Они не могли быть друзьями – слишком велика была разница в возрасте, но то, что знали друг о друге в детстве, бесспорно.

Сочетание фамилий «Скалов-Синани» прочно вошло в литературу⁴. И если специалисты по истории взаимоотношений Коминтерна и китайской революции, латиноамериканского коммунистического движения после публикации подробной биографии Георгия Борисовича Скалова⁵ привыкли к тому, что Синани – это псевдоним, то в книгах и статьях о революции 1917 г. можно столкнуться с путаницей, когда объединяют фамилии двух активных ее деятелей, приписывая Георгию Скалову деяния Бориса Синани⁶.

Советские советники, командированные в Китай в 1920-е гг., руководствовались разными соображениями, выбирая псевдоним. Иногда это делалось под влиянием настроения. Главный военный советник В.К. Блюхер, например, предложил сочетание имен жены и детей: Зой Всеволодович Галин⁷. Журналисты и разведчики потом пытались понять, кто такой генерал Галин.

Но почему в «русскую рулетку» с выбором псевдонима сыграл направленный в Китай руководитель Хивинской революции, участник подавления Кронштадтского мятежа Г.Б. Скалов? Потом этот псевдоним поставят ему в вину, считая, что выбор, родившийся из латинского названия страны, подтолкнул его и на бездумное перенесение китайских практик на Латинскую Америку⁸. При разбирательстве его персонального дела товарищи по партии долго не могли разобраться, где кончается Скалов и начинается Синани. А на процессе по «кремлевскому делу» (1935 г.) Скалову-Синани пришлось ответить за «прегрешения» (подлинные или мифические) обоих. Нам представляется более вероятным иное объяснение: роковую роль в выборе сыграли воспоминания о событиях 1917 г., когда он бескомпромиссно защищал Временное правительство и Учредительное Собрание.

Меньшевики Синани и Скалов, занимавшиеся военной работой, не могли не пересекаться в условиях ликвидации кризисов, случавшихся в эти бурные месяцы. Так, 4 июля Бюро ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов расширило число своих членов за счет товарищей (в том числе Г.Б. Скалова), «пользующихся полным доверием» ВЦИК, но не входивших в его состав (среди которых был Б.С. Синани). Им было поручено «принять все меры» как к «ликвидации Июльского выступления, так и к оказанию сопротивления сплочению рядов служителей

⁴ Коваль Б.И. Трагическая героиня XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса. М., 2005. С. 139–153.

⁵ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Красный карандаш судьбы. Две жизни Георгия Борисовича Скалова // Латинская Америка. 1998. № 4. С. 84–92.

⁶ Тарасов К. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. – март 1918 г.). СПб., 2017. С. 211.

⁷ Великанов Н. Измена маршалов. М., 2008. С. 36.

⁸ Коваль Б.И. Революционный опыт XX века. М., 1987. С. 197.

контрреволюции»⁹. Оба они были близки к «революционному Олимпу», но не поднимались на его вершину. Но если выпускник 2-й казанской школы прапорщиков дворянин Г.Б. Скалов вошел в революцию после избрания в полковой комитет и Петросовет, то караим Б.С. Синани¹⁰, «молодой, коротко остриженный и гладко выбритый, словно артист, прапорщик со смуглыми горячими глазами», являлся революционером «первого часа».

Формирование штаба революции в Таврическом дворце

Прапорщик Борис Семенович Синани относился к поколению «офицеров 27 февраля», представители которого в самые критические моменты оказывались в центре бурных событий 1917 г. как защитники завоеваний Февраля.

27 февраля в 41-й и 42-й комнатах Таврического дворца собрались антимонархически настроенные и опьяненные воздухом свободы прапорщики, поручики, штабс-капитаны, которые вместе с членами Совета рабочих и солдатских депутатов и Государственной думы взяли на себя ответственность за судьбы революции, решая повседневные дела, от которых в те смутные времена зависело очень много. Как писал участник февральских событий меньшевик Николай Суханов, это была попытка Временного Исполкома Советов создать «военный штаб революции» из вызванных по телефону «нескольких офицеров, известных за демократов»¹¹. Эсер С.Д. Мстиславский называл инициатором создания комиссии Н.Д. Соколова:

...собрались делегаты от восставших полков, надо организовываться, надо действовать. <...> Молодые, радостно возбужденные лица... <...> Среди явившихся во дворец офицеров – «местных», здешних нет ни одного: все – фронтовики, прибывшие в Петербург в отпуск или командировку. Поэтому связи с полками у них нет. Тем не менее, при их помощи, формирования начинают как будто налаживаться¹².

Оба участника событий сходятся в одном – в Таврическом работал «военный штаб революции», сыгравший чрезвычайно важную роль в первые дни Февраля.

Обязанности председателя Военной комиссии Временного Комитета Государственной думы (ВК ГД) принял на себя член Исполкома Петросовета, старший лейтенант флота эсер Василий Филипповский. Меньшевик Борис Синани с 28 февраля по 1 марта исполнял обязанности заведующего автомобильным отделом. Важно было не название должности, а то, что и как делалось, как это влияло на ход событий, к каким результатам приводило. 28 февраля Б.С. Синани направился в казарму Преображенского полка и добился присоединения его Запасного батальона к восставшим 27-го февраля волынцам¹³.

Характер и условия работы Комитета описываются в нескольких источниках. Н.Н. Суханов увидел в комнате 41 следующую картину:

та же толпа, та же духота и еще большая, казалось, неразбериха. <...> Все невыносимо устали, а большинство уже перестало чего-либо добиваться. Только активнейшей группе, с самого

⁹ Корниловские дни. Бюллетени Вр. Военн. Комитета при Ц. Исп. Ком. С.Р. и С.Д. с 28 авг. по 4 сент. 1917 г. Составленные и отредактированные В.А. Колеровым, с предисловием Б.С. Синани. [Петербург], 1917. С. 3–4.

¹⁰ Родился в 1886 г. // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. URL: <http://socialist.memo.ru/lists/slovník/118.htm> (дата обращения: 08.03.2022).

¹¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 76–77.

¹² Мстиславский С.Д. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. М., 1922.

¹³ Николаев А.Б. Государственная Дума в февральской революции: очерки истории. Частный издатель П.А. Трибунский, 2002. С. 283; Поляков С.А. Офицеры лейб-гвардии Семеновского полка в российских социально-политических условиях 1917 – сентября 1918 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Орловский государственный университет, 2015. С. 55.

начала вступившей в работу, сознание взятой на себя роли взвинтило нервы на все ближайшие дни. <...> Ее огромное моральное (курсив наш. – В.Х., Л.Х.) значение было бесспорно, и субъективно эти работники, несомненно оказались на высоте¹⁴.

Другой свидетель этих событий В.И. Чарнолуский так характеризует действия Военной комиссии:

Как приходилось работать на этих постах, можно судить хотя бы по примеру т. Синани... Работа его была непрерывная и страшно напряженная, он выполнял ее без смены в течение целых суток и когда пришли его сменить – он едва смог сойти со стула¹⁵.

Без «технической работы», о которой несколько снисходительно упоминает Н.Н. Суханов, не было бы успеха. Они выдавали пропуска, организовывали охрану винных складов, направляли действия воинских частей, примкнувших к революции. Именно это позволило организовать вооруженные силы революции в Петрограде и закрепить завоевания ее первых часов.

«Офицеры 27 февраля» привели многих из этих частей к Таврическому дворцу, но почти никто из них на своих постах не остался. Думских вождей активность «штаба революции» не устраивала. Они не могли позволить неизвестным доселе прапорщикам взять на себя инициативу¹⁶. С.Д. Мстиславский вспоминал, как явившийся в 42-ю комнату М.В. Родзянко,

...пренебрежительно скользя глазами по прапорщичьим, преимущественно, погонам «штаба», объявил о принятии Временным Комитетом Государственной Думы ответственности за «восстановление порядка в городе» и назначении комендантом Петрограда члена ГД, полковника Энгельгардта. <...> Резко вмешался Соколов: «Надо предоставить тем, кто работает здесь с первой минуты восстания – самим решить – кто, чем и кем будет командовать... Тут нужны не «назначенцы» от «Высокого Собрания», а революционеры. <...> Совершенно недопустимо, чтобы Петроградский Совет, являющийся в настоящее время единственной действительной силой <...> оказался совершенно отстраненным от им же созданного и его задачи осуществляющего штаба». <...> Но Родзянко, досадливо и по-прежнему пренебрежительно морщась, грузно стукнул ладонью по столу: «Нет уж, господа, если вы нас заставили впутаться в это дело, так уж потрудитесь слушаться»¹⁷.

Думские назначенцы решительно взялись за обуздание революционной волны. Мстиславский вспоминает:

Я вышел в коридор. У стенки, в раздумье, стоял один из товарищей, с первых часов бывший в штабе восстания: он ведал у нас автомобильной частью. (Речь идет о Б.С. Синани. – В.Х., Л.Х.) – «Вы что тут делаете?». – «А что мне делать? Уволен вчистую <...>. Дернуло меня домой сбежать днем: всего на час. Станул, застал уже всю эту компанию (он мотнул головой в сторону 41) в сборе. И за моим столом сидит, вижу, какой-то тип подфабранный, подверченный, кургузый... черт его знает... Смотрю – перед ним и книга моя нарядов, и все вообще дела. Я ему: «разрешите-ка присесть». А он «по какому, собственно, поводу»? <...> «А по такому, отвечаю, что это ведь автомобильный отдел?» «Автомобильный». «Ну, а автомобильным отделом ведаю я, вот и папки мои...» «Ах, говорит, так это ваши папки. Очень, очень хорошо. Позвольте выразить вам искреннюю признательность «Военной Комиссии». И руку, руку сует, анафема. А потом – уже другим тоном: «в дальнейших услугах ваших мы уже не нуждаемся... «А где остальные наши?» – «Аллах их ведает. Филипповский и еще двое-трое – в Совете, с десятком у них, при машинках приспособились, козыряют. Остальных, надо думать, разогнали... Не ко двору». Военная Комиссия ГД переехала на второй этаж Таврического, видимо, желая «даже территориально отмежеваться от всякой преемственности с «мятежным штабом»: комнаты 41 и 42, даже оканцелярные, слишком напоминали о февральских ночах¹⁸.

¹⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции... С. 101.

¹⁵ Чарнолуский В.И. Десять лет назад (Воспоминания [в 1927 г.] о первых моментах февральской революции). URL: http://biblio.narod.ru/gurnal/publicat/fevr_17_tharn.htm (дата обращения: 08.03.2022).

¹⁶ Суханов Н.Н. Записки о революции... С. 76–77.

¹⁷ Мстиславский С.Д. Пять дней...

¹⁸ Там же.

Деятельность Союза офицеров-республиканцев народной армии

«Офицеры 27 февраля» не собирались превращаться в винтики бюрократической машины новой власти и ощущали потребность в срочной самоорганизации. Б.С. Синани в докладе 5 марта отмечал: «Враждебные силы <...> постараются нас съесть поодиночке»¹⁹. В зале звучали речи о «Великой и бескровной» революции, которая была «сильна воскресшим духом священного народного восстания», которое брало свое начало «с офицеров-декабристов»²⁰. Они явно ощущали себя Пестелевыми и Рылеевыми, победившими царизм.

Эсер В.Н. Филипповский предложил объединительную идею: социализм, для которого с победой революции

«открывается широкая перспектива... <...> который стоит на старом знамени боевой испытанной партии социалистов-революционеров»²¹.

Б.С. Синани настаивал на организации социалистического союза офицеров, контактирующего исключительно с Исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов. В ответ на недоуменный вопрос: «Что же это мы против Временного правительства?», он, «скромно опустив глаза», успокоил:

Поскольку оно образовано в согласии с Советом, мы... будем его поддерживать. <...> Основным же лозунгом нашим, как и сказал товарищ Филипповский, является социализм!²²

Б.С. Синани категорически возражал против вхождения эсера Александра Керенского в состав Временного правительства:

Буржуазную революцию должно проводить только однородное буржуазное правительство. Мы же, социалисты, рискуем лишь запачкать и руки, и репутацию, если будем²³.

Мнения делегатов разделились. А.И. Тарасов-Родионов – единственный в рядах «офицеров 27 февраля» большевик говорил о том, что социалисты-офицеры уже борются за социализм в рядах своих партий, а внепартийный социализм – «химера». Он предложил революционному офицерству организоваться ради демократической республики²⁴. Несмотря на возражения В.Н. Филипповского и Б.С. Синани, большинство проголосовало за учреждение Союза офицеров-республиканцев Народной армии (далее – Союз, СОРНА), отказавшись от слова «социализм» в названии. «Членами-учредителями» объявлялись «офицеры революции 27-го февраля»²⁵.

Своей целью Союз провозглашал установление демократической республики: «свободным и властным должен прозвучать голос предстоящего Учредительного Собрания»²⁶, а непосредственными задачами – защиту свобод от всяческих покушений, организацию армии на демократических началах. В качестве ближайших мер для их реализации называлось создание народной гвардии, примирительных камер в частях для разбора недоразумений между офицерами и солдатами, выпуск собственной газеты и др.²⁷

Основатели Союза особо подчеркивали свою твердую веру в успех, основывавшуюся на совместной с солдатами работе, доверии товарищей-солдат ко всем начинаниям СОРНА, осуществляющимся в «братском единении с Советом Рабочих

¹⁹ Тарасов-Родионов А.И. Тяжелые шаги. Февраль. Роман-хроника. М. – Л., 1928.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. С. 328–329.

²⁴ Там же. С. 375–378.

²⁵ Задачи Союза офицеров-республиканцев // Народная армия. 1917. 7 марта. № 1. С. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Постановление Общего Собрания. Хроника Союза офицеров-республиканцев Народной Армии // Народная армия...

и Солдатских Депутатов»²⁸. Одним из первых шагов Союза являлось учреждение газеты «Народная армия», название которой связывало его работу с традициями одноименной газеты, выходявшей в период революции 1905–1907 гг.

Председателем Союза и его представителем в Исполкоме Петросовета был избран эсер В.Н. Филипповский, товарищами председателя – беспартийные подпоручик А.А. Скобейко, К.Ф. Греков и поручик Петров, эсер подполковник С.Д. Мстиславский²⁹, меньшевик поручик М.С. Лоцинский, близкий к эсерам прапорщик Б. Любарский, большевик поручик А.И. Тарасов-Родионов. Секретарем СОРНА стал Б.С. Синани, считавший основным стержнем для единения вопрос о войне³⁰. Президиум постановил просить его организовать делопроизводство, разработать проекты штатного расписания и организации «примирительных камер»³¹. Среди задач, повседневно решавшихся Б.С. Синани, были и рутинные дела, и судьбоносные: он командировался на собрание офицеров армии и флота, рассылает приветственные телеграммы, докладывает о сведениях, «опорочивающих Полковника Перетц, коменданта Таврического дворца», предпринимает усилия для того, чтобы помешать расстрелу сербских офицеров в Салониках, готовит статьи «по текущему вопросу» в газету Союза и т. д.³² Отношение к большевикам у Б.С. Синани, как и у большинства членов Союза, было бескомпромиссно негативное. В полемике с А.И. Тарасовым-Родионовым, он, оценивая апрельские тезисы В.И. Ленина, сказал:

...идут сумасшедшие предложения о разгроме собственной партии, о перемене ее программы и даже названия <...> И о создании еще какого-то нового революционного интернационала, направленного и против «шовинистов», и против центра? Каково?³³

Союз социалистов народной армии

В результате идеологических противоречий от Союза, по оценке Б.С. Синани, «отлетели оба крыла», далее «плыть [предстояло. – В.Х., Л.Х.] одним центром»³⁴. Позднее организация была переименована в Союз социалистов народной армии (далее – ССНА), его Президиум переместился в «Асторию», где размещалась военная гостиница высшего офицерского состава³⁵.

Союз не избежал ни внутривнутриполитической борьбы, ни личностных конфликтов, до поры до времени проходивших в цивилизованной форме. Выступая на заседании Президиума 16 марта, А.А. Скобейко отметил перегруженность Президиума и отдельных членов работой «до изнеможения». Признав работу В.Н. Филипповского и Б.С. Синани в первые дни революции не поддающейся ни учету, ни оценке («Малейшая их ошибка могла бы повлечь за собой неисчислимые беды...»), он обвинил руководителей Союза в том, что они «не раскрывают дверей своих желающим работать». Атаку на вождей поддержал М.С. Лоцинский, обвинивший Б.С. Синани во лжи, но затем скорректировавший свое резкое заявление, сказав, что

освещение фактов в рапорте неправильно. Все обижают СИНАНИ, он же никого, все виноваты перед СИНАНИ, он же воплощенная безгрешность³⁶.

²⁸ Постановление Общего Собрания. Хроника Союза офицеров-республиканцев Народной Армии // Народная армия...

²⁹ Сергей Дмитриевич Мстиславский был единственным среди «офицеров 27 февраля», имевшим опыт участия в революции.

³⁰ Тарасов-Родионов А.И. Тяжелые шаги... С. 425–426.

³¹ Союз офицеров-республиканцев Народной армии. Протоколы заседаний Президиума Союза офицеров-республиканцев Народной армии и редакционной комиссии // ГАРФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 4.

³² Там же. Л. 9 а, 25.

³³ Тарасов-Родионов А.И. Тяжелые шаги... С. 584–585.

³⁴ Там же. С. 379, 493.

³⁵ Голос солдата. 1917. 4 июня (в публикации – «т. Синанин»).

³⁶ Союз офицеров-республиканцев... Л. 19, 19а.

Президиум нашел конфликт «недоразумением», признав, что переобременение работой М.С. Лощинского и Б.С. Синани способствовало «возбуждению состояния их»³⁷. Однако стиль работы Президиума не изменился. Несмотря на создание отделов Союза в нескольких городах³⁸, превратиться в общероссийскую организацию, которая могла бы влиять на ситуацию в армии, Союз социалистов народной армии не сумел. Пропаганда деятельности Союза велась с помощью его собственной газеты и различных мероприятий, проходивших в столице. Одно из них проходило в Марининском театре, где 26 марта состоялся концерт, на котором присутствовали представители Исполкомов Петросовета, ВКГД, частей петроградского гарнизона, Земгора, дипломаты Франции, США и Сербии³⁹.

Союз работал на общественных началах, но рассчитывал на субсидии от Временного правительства. При этом В.Н. Филипповский был уверен в том, что Союз «непосредственно контролирует правительство»⁴⁰, что было явной иллюзией, хотя его лидеры активно участвовали в политической жизни. Они согласовывали свои действия с Исполкомом Петросовета, делегировав с этой целью в его состав В.Н. Филипповского, К.Ф. Грекова, А.И. Тарасова-Родионова и Б. Любарского⁴¹.

Во Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов и делегатов фронта (апрель – май) участвовали В.Н. Филипповский, Б.С. Синани (член президиума секции по оргвопросам) и С.Д. Мстиславский (председатель Военной Секции)⁴². По оценке Б.С. Синани, совещание достигло консенсуса по вопросу о войне:

Фронт, разумеется, не бросать, все на борьбу, <...> до полнейшего издыхания, но ради защиты завоеванных нами свобод»⁴³.

При этом он видел серьезную угрозу, исходившую из ставки в Могилеве:

Там поголовно все офицерство <...> говорит, что питерский Совет «рачьих и собачьих» депутатов будет весь перестрелян»⁴⁴.

Выявить «политическую физиономию офицерства, призванного к реорганизации армии на демократических началах»⁴⁵, попытался Всероссийский съезд офицерских делегатов армии и флота (8–27 мая 1917 г.), в котором участвовала группа делегатов, близких по духу ССНА. На предварительном совещании они договорились защищать «интересы русской демократии», «объединяющейся во Всероссийский Совет Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов», и всемерно поддерживать Временное правительство, опирающееся на

русскую революционную демократию, организованную в Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, обеспечивающую ему всю полноту власти, необходимую для <...> возможности довести страну до Учредительного Собрания⁴⁶.

³⁷ Союз офицеров-республиканцев... Л. 19, 19а.

³⁸ Народная армия. 1917. 22 марта.

³⁹ Народная армия. 1917. 29 марта.

⁴⁰ Тарасов-Родионов А.И. Тяжелые шаги... С. 425.

⁴¹ Народная армия. 1917. 22 марта.

⁴² Народная армия. 1917. 10 апреля.

⁴³ Тарасов-Родионов А.И. Тяжелые шаги... С. 426.

⁴⁴ Там же. С. 441.

⁴⁵ Синани Б.С. Всероссийский съезд офицерских делегатов (Впечатления) // Народная армия. 1917. 15 мая.

⁴⁶ Всероссийский съезд офицерских депутатов // Народная армия. 1917. 15 мая.

Член Исполкома Петроградского Совета офицерских депутатов корнет И.С. Сакс произнес «прочувственное слово о Союзе и его учредителях» и представил участникам собрания Б.С. Синани, введенного как представителя ССНА в Президиум съезда (хотя не являлся его делегатом)⁴⁷.

Характеризуя атмосферу съезда, Б.С. Синани писал:

Жадно прислушиваешься в кулуарах к отдельным фразам, отдельным мнениям участников съезда и по ним пытаешься отгадать, что даст этот съезд, из кого состоит это собрание, куда направят свои силы они, разъехавшись отсюда, из Петрограда; хочется заглянуть в душу их и узнать: братья ль солдата здесь собрались, близкие ль, родные по духу ему, или дети царизма, впитавшие в душу свою за годы долгие службы, веления ей и теперь не нашедшие новых путей⁴⁸.

Если между центристами и левыми на съезде он не видел «резкого разделения», то между ними и правыми стояла «непроницаемая стена». Выявить расстановку сил Б.С. Синани пытался через восприятие делегатами таких проблем, как взаимоотношения Временного правительства и Советов; судьба Учредительного Собрания; отношение к войне; реорганизация армии на демократических началах и ее боеспособность; рабочий вопрос.

По оценке Синани, обвинительный акт правых против Советов был сформулирован капитаном К.С. Хитрово и прапорщиком Е.А. Ефимовским – «Двоевластие», «Разрушение армии», «Приказ № 1», «Подрыв авторитета и престижа офицера, отделенного Советом рабочих и солдатских депутатов от солдат»⁴⁹. Защищая на съезде Советы, Б.С. Синани приводил следующие аргументы: вокруг Советов группировались солдаты, без которых «армию построить нельзя», из этой же среды вышли министры-социалисты⁵⁰. Участник событий первых часов революции, он решительно выступил против делегатов, принижавших роль Советов. «Умышленные или неумышленные» упреки в двоевластии со ссылкой на Приказ № 1 он счел небрежностью, основанной на построении своих убеждений «вдали от жизни»⁵¹. Б.С. Синани обратил внимание делегатов на то, что Приказ № 1 был издан Советом рабочих и солдатских депутатов до образования Временного правительства. Определяя состояние власти в тот момент, он подчеркнул:

Государственная Дума пала, как пал Николай II. Государственная Дума осуществляла народную волю? Нет, она осуществляла волю только некоторых классов и того же Николая II. Значит здесь умышленно сделана перестановка хронологических дат: сначала Временное Правительство, а потом приказ № 1, тогда как наоборот, приказ № 1, а потом Временное правительство⁵².

Отвергая упрек в стремлении разрушить дисциплину царской армии, брошенный Совету, он процитировал этот судьбоносный документ, требовавший от солдат подчиняться на фронте всем распоряжениям офицеров.

Причину недовольства части офицерства Б.С. Синани усматривал в пункте 3 Приказа, предусматривавшем подчинение воинских частей в политических выступлениях своим комитетам, и заявил:

Если бы офицер захотел вывести для подавления восстания войска, то солдаты отказались бы идти. И те, кто не стремится к этому, не должны возмущаться этим пунктом приказа⁵³.

⁴⁷ Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда Офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде. С 8 по 27 мая 1917 года. Петроград, 1917. С. 488; Всероссийский съезд офицерских депутатов // Народная армия. 1917. 15 мая.

⁴⁸ Синани Б.С. Всероссийский съезд офицерских делегатов...

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда... С. 184.

⁵¹ Синани Б.С. Всероссийский съезд офицерских делегатов...

⁵² Там же. С. 184–185

⁵³ Там же. С. 186.

Данная декларация вызвала аплодисменты одной части зала и голоса с мест: «Довольно, довольно». В итоге оратор отказался от слова «для продолжения правильного хода занятий»⁵⁴.

Снова в центре дискуссии Б.С. Синани оказался при обсуждении вопроса о причинах, характере и целях войны. Его бурную реакцию вызвала речь прапорщика Е.А. Ефимовского, объявившего себя социалистом, «но через много лет, а не сейчас», выявившего «роковые противоречия» «зоологического германского империализма» и «стремления народов и государств к определению своих действительных задач и действительных интересов»⁵⁵. Военный чиновник саркастически подчеркнул:

Я не так давно кончил университет, я пробыл в нем 7 лет и <...> должен был идти на фронт, мне некогда было заниматься так тщательно, продолжительно и серьезно изучением вопроса государственного международного права, чтобы считать себя здесь перед вами вправе выступать с целым рядом лекций и трактатов⁵⁶.

ССНА в лабиринте двоевластия

Руководители Союза социалистов народной армии мучительно искали путь в лабиринте политического хаоса двоевластия. В связи с конфликтом на даче П.П. Дурново Б.С. Синани сформулировал позицию невмешательства, которую некоторые расценили как бездеятельность, но Президиум признал действия своего секретаря правильными и отверг предложение о создании Союзом собственной вооруженной силы, а затем принял предложенную Б.Н. Синани резолюцию, запрещающую членам Союза «принимать участие в подавлении вооруженной силой выступления отдельных политических партий, пока этими не проявлено насилие»⁵⁷.

В октябре 1917 г. в предисловии к сборнику документов Временного Военного Комитета Б.Н. Синани продемонстрировал свой взгляд на подоплеку бурных летних событий:

В тяжелые дни 1 июля, когда, оружием бряцая, толпы безумцев шли к Дворцу Революции свидетельствовать силу революционного пролетариата, готовую опорой быть для власти Советов, росло сплочение рядов врагов революции, чертивших злые замыслы государственного переворота и утверждения своего владычества под прикрытием планов подавления восстания <...> Демократия должна была напрягать все силы свои, чтобы на занятой позиции быть готовой к отражению нападений с обоих флангов⁵⁸.

Позднее вожди ССНА отступили от этой позиции, войдя в созданный для противостояния мятежу генерала Корнилова Военно-революционный комитет. Председателем ВРК стал В.Н. Филипповский. В состав Комитета вошли Б.Н. Синани, Ю.О. Мартов, Л.Б. Каменев, Д.Б. Рязанов, В.И. Невский, М.И. Либер, Ш.З. Элиава, П.Е. Лазимир и другие. Н.Н. Суханов отмечал, что в комитете

правый советский блок в лице своих звезд первой величины продолжал действовать по преимуществу в сфере «высокой политики», на паркетах Зимнего дворца», «известные имена были левые», и несмотря на то, что они были в меньшинстве, «в Военно-революционном комитете гегемония принадлежала большевикам»⁵⁹ (курсив Н.Н. Суханова. – В.Х., Л.Х.).

С этой оценкой трудно не согласиться, поскольку деятельность большевиков усилила их политическое влияние и сотрудничество с ними лидеров Союза объективно способствовала этому процессу⁶⁰.

⁵⁴ Синани Б.С. Всероссийский съезд офицерских делегатов... С. 186.

⁵⁵ Там же. С. 361–366.

⁵⁶ Там же. С. 380.

⁵⁷ Союз офицеров-республиканцев Народной армии. Протоколы... Л. 22, 24, 24 об.

⁵⁸ Корниловские дни... С. 3

⁵⁹ Суханов Н.Н. Записки о революции... С. 113.

⁶⁰ Там же.

Во время мятежа Б.С. Синани входил в Бюро Временного военного комитета ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов⁶¹. Для Синани это не было штабной работой, он находился в эпицентре противостояния с корниловщиной – в составе делегации ВЦИК ездил в Область войска Донского и от ее имени выступил на заседании Казачьего подотдела с докладом о поддержке Временного правительства фронтовым казачеством⁶².

В сентябре 1917 г. Б.Н. Синани участвовал в работе Всероссийского демократического совещания, созванного

для создания сильной революционной власти, способной объединить всю революционную Россию для отпора внешним врагам и для подавления всяких покушений на завоеванную свободу⁶³.

1582 делегата, представлявших практически все политические силы России, не смогли найти выход из кризиса. Б.С. Синани был избран кандидатом в члены Всероссийского Демократического Совета (Предпарламента) от фронтовой группы⁶⁴.

Как известно, отношения Временного правительства и Предпарламента не сложились. 24 октября А.Ф. Керенский потребовал от Совета Республики «всей меры доверия и содействия» в противостоянии большевистскому восстанию. Однако Предпарламент предложил обратиться к союзникам с требованием начать переговоры о всеобщем мире; передать все помещичьи земли до окончательного решения аграрного вопроса в ведение местных земских комитетов; ускорить созыв Учредительного Собрания⁶⁵. Премьер отверг «наставления и указания» в момент, требовавший действий, и заявил, что правительство «само справится с восстанием»⁶⁶. На следующий день, 25 октября, Мариинский дворец был захвачен большевиками и Предпарламент канул в Лету.

После Октября 1917 г.

На мгновение, причем в самом прямом смысле этого слова, противостояние Февраля и Октября вознесло Б.С. Синани на вершину бурных событий 1917 г. 26 октября он вошел в состав Всероссийского Комитета Спасения Родины и Революции (КСРР), объявившего большевистскую власть незаконной⁶⁷. 29 октября за подписью «командующего войсками» КСРР Синани частям Петроградского гарнизона был разослан приказ

не выполнять никаких распоряжений Революционного большевистского комитета, разоружать, арестовывать комиссаров революционного [комитета], разоружать шайки⁶⁸.

В тот же день был опубликован бюллетень № 1 «К населению и войскам Петрограда», информировавший об освобождении войсками КСРР юнкерских училищ и казачьих частей, занятии Михайловского манежа и телефонной станции, броневых и орудийный автомобилей, сосредоточении сил для занятия Петропавловской крепости и Смольного института – «последних убежищ большевиков». Декларация предлагала оказывать «всемерную поддержку комиссарам и офицерам,

⁶¹ Голос солдата. 1917. 12 августа.

⁶² Голос солдата. 1917. 4 сентября.

⁶³ Известия. 1917. 3 сентября.

⁶⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1799. Оп. 1. Д. 2, 7, 10, 22, 24, 26, 32.

⁶⁵ *Rabinovich A. The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd.* W.W. Norton, 1976. P. 281–282.

⁶⁶ «Летопись революции». Берлин; Пг.; М., 1923. Кн. 1. С. 172–175.

⁶⁷ Рабочая газета. 1917. 29 октября.

⁶⁸ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 342.

исполняющим боевые приказы командующего армией спасения родины и революции», арестовывать всех комиссаров ВРК. Под этим документом стояли подписи Председателя Совета Республики Н.Д. Авксентьева, Председателя КСРР А.Р. Гоца, члена военной комиссии ЦК партии эсеров М. Броуна и Б.С. Синани (уже как комиссара КСРР при командующем армии Г.П. Полковникове)⁶⁹. Под другим опубликованным вариантом обращения к должности комиссара было добавлено: «член военного отдела комитета спасения родины и революции»⁷⁰. Причины такого разнотечения очевидны. В создававшемся в спешке Комитете явно не было строгой субординации и Синани мог взять на себя командные функции, которые уступил Полковникову, до 25 октября командовавшему Петроградским военным округом.

Однако, уже 30 октября, после разгрома юнкерского восстания, петроградские газеты опубликовали заявления, дезавуировавшие это обращение – от имени Комитета и от лиц, подписи которых под ним стоят, категорически заявлялось, что такого воззвания не публиковали. Заявил об этом в письме в редакцию «Новой жизни» и Б.С. Синани⁷¹.

В причинах столь быстрого и резкого отмежевания от авторства в воззвании пытался разобраться известный советский исследователь Д.Л. Голиков, который пришел к выводу, что собственноручных подписей А.Р. Гоца и Н.Д. Авксентьева на подлиннике воззвания не было. Но в этом нет ничего удивительного: когда счет шел на минуты, кто бы стал бегать по зданию Городской думы, где базировался комитет, чтобы получить эти подписи? В Комитете были разные группы, со своим видением форм и методов борьбы с «узурпаторами», и они вполне могли действовать автономно друг от друга, но используя при этом авторитет коллег, имевших иную точку зрения⁷².

Члены Комитета, в той или иной форме, были причастны к восстанию юнкеров. Наблюдавший за событиями в Городской думе Джон Рид констатировал:

Все аппараты Смольного были выключены, но дума и Комитет спасения находились в постоянной телефонной связи со всеми юнкерскими училищами, а также с Керенским в Царском Селе⁷³.

В занятом юнкерами Инженерном училище проходило очередное заседание КСРР с участием командующего петроградским военным округом. Но при сообщении о подходе красногвардейцев и матросов все присутствующие, за исключением вооруженных юнкеров оставили училище. При задержании красногвардейцами в ночь на 29 октября назначенного КСРР комиссаром Владимирского училища А.А. Брудерера при нем были обнаружены документы, свидетельствовавшие о назначении Комитетом «особых комиссаров в юнкерские училища в связи с предстоящими боевыми задачами»⁷⁴.

Невозможно достоверно указать, где находился 29 октября Б.С. Синани, и в полной мере определить мотивы его заявления. Не исключено, что он не смог вынести груза моральной ответственности за гибель юнкеров, которых толкнули на авантюру. Публикация в «Новой жизни» стала последним упоминанием о Синани, исчезнувшим из публичной жизни. То, что известно о 245-ти днях его жизни в 1917 г.,

⁶⁹ Киевская мысль. 1917. 30 октября.

⁷⁰ Новая жизнь. 1917. 30 октября.

⁷¹ Единство. 1917. 31 октября.

⁷² Голиков Д.Л. Кто был организатором юнкерского восстания в октябре 1917 года // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 202–205.

⁷³ Reed J. Ten Days that Shook the World. New York, 1919. P. 203.

⁷⁴ Новая жизнь. 1917. 30 октября.

подсказывает, что человек с таким темпераментом не мог стоять в стороне от бурных событий, происходивших в стране. Пример Георгия Скалова, успешного половецать и против, и за большевиков, подсказывает, что можно предположить любой поворот и в судьбе Синани. Но это так и остается загадкой.

В 1924 г. под редакцией Б.С. Синани появился сборник документов⁷⁵, регулировавших торговлю табаком. Известно, также что в 1926 г. в Москве, в Старопименовском переулке жил защитник (по-видимому, адвокат. – В.Х., Л.С.) с таким же именем⁷⁶. 6 декабря 1930 г. размеренную жизнь члена Табачного комитета при Экономическом Совете при СНК РСФСР прервал арест по делу «Союзного бюро РСДРП(м)» и обвинение в создании контрреволюционной организации из «осколков прежних меньшевистских организаций», наладившей связи с заграничным меньшевистским центром и II Интернационалом и создавшей блок с «Промпартией» и «Трудовой Крестьянской партией» в целях восстановления капитализма в СССР. К ответственности были привлечены 122 человека, но на открытый процесс вывели только 14 признавшихся в предъявленных обвинениях. Остальные вину свою не признали и предстали перед «тройками» и Коллегией ОГПУ⁷⁷. 30 мая 1931 г. Б.С. Синани был приговорен к десяти годам исправительно-трудовых лагерей за принадлежность в «Союзному бюро РСДРП(м)»⁷⁸. Приговор по его делу был отменен только в 1990 г.⁷⁹

Выводы

«Революция пожирает своих детей», – сказал перед казнью деятель Великой французской революции Жорж Дантон. Доподлинно неизвестно, что говорили, кричали или думали перед уходом из жизни многие участники Великой русской революции. Февраль вознес Бориса Синани и Георгия Скалова на самый гребень революционной волны. Вчерашние прапорщики стали вершителями судеб страны. Революция показала, какие имеются силы, какой мощный резерв для управления страной присутствует там, где его не пытались или боялись искать правящие элиты. И Синани, и Скалов последовательно защищали в октябрьские дни идеалы Февральской революции, так как они сами их понимали, и их точка зрения отражала мнение значительной части молодых революционно настроенных офицеров. Октябрь снова круто изменил их жизни и развел обоих по разные стороны баррикады. Но судьба революционера в России переменчива, снова сделала их жизни похожими, когда «карающий меч революции» опустился на «офицера 27 февраля», лидера Союза офицеров-республиканцев Бориса Синани и на члена первого «эсеро-меньшевистского» ВЦИК,

⁷⁵ Акцизный сбор с табачных, махорочных и гильзовых изделий: Собрание узаконений, распоряжений, разъяснений и инструкций в систематизированном виде / Сост. Б.С. Синани; Всерос. табачный синдикат. [М.], 1924.

⁷⁶ Неподалеку, на Тверской улице, жил Георгий Скалов, и оба персонажа вполне могли сталкиваться в центре столицы. Но это предположение уже из области альтернативной истории. См.: <http://www.apartment.ru/Article/487100001.html> (дата обращения: 08.03.2022).

⁷⁷ Уйманов В.Н. Процесс «Союзного Бюро Меншевиков» и судьба меньшевика М.А. Валерианова-Броунштейна // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 76–82.

⁷⁸ Письмо Центрального архива ФСБ РФ №10/А-2381 от 06.07.2000 директору НИЦ «Мемориал» В.В. Иофе // Электронный архив Фонда Иофе. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 1. URL: <https://arch2.iofe.center/person/380> (дата обращения: 08.03.2022).

⁷⁹ Георгий Скалов-Синани был осужден и приговорен на процессе по «Кремлевскому делу» 1935 г. как «руководитель белогвардейской офицерской террористической организации» к десяти годам лишения свободы, но через пять лет был расстрелян по приговору «тройки». Фигуранты этого дела были реабилитированы в 1957–1958 гг.

перешедшего на сторону большевиков, Георгия Скалова. Обе эти биографии, увы, неполны, но выяснение деталей их деятельности в 1917 г. позволило существенно заполнить лакуну в историографии Великой русской революции и роли офицерства в событиях 1917 г.

Поступила в редакцию / Submitted: 18.05.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.11.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.06.2023

References

- Burdzhalov, E.N. *Russia's Second Revolution. The February 1917 Uprising in Petrograd*. Indiana University Press, 1987 (in Russian).
- Velikanov, N. *Izmena marshalov* [Marshals' treason]. Moscow: Izdatel'skii dom Algoritm Publ., 2008 (in Russian).
- Golinkov, D.L. "Kto byl organizatorom iunkerskogo vosstaniia v oktyabre 1917 goda [Who was the organizer of the Junker uprising in October 1917]." *Voprosy istorii*, 3 (1966): 202–205 (in Russian).
- Koval', B.I. *Revoliutsionnyi opyt XX veka* [Revolutionary experience of the XX century]. Moscow: Mysl' Publ., 1987 (in Russian).
- Koval', B.I. *Tragicheskaia geroika XX veka. Sud'ba Luisa Karlosa Prestesa* [Tragic heroism of the XX century. The fate of Luis Carlos Prestes]. Moscow: Nauka Publ., 2005 (in Russian).
- Kozhev, V.L. *Rossiiskoie ofitserstvo i Fevral'skii revoliutsionnyi vzryv* [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk: OmGu Publ., 2011 (in Russian).
- Mints, I.I. *Sverzheniie samoderzhaviia* [The overthrow of the autocracy], vol. 1 of *Istoriia Velikogo Okriabria* [History of the Great October Revolution]. Moscow: Nauka Publ., 1977 (in Russian).
- Mstislavsky, S. *Piat' dnei. Nachalo i konets Fevral'skoi revoliutsii* [Five days. Beginning and end of the February Revolution]. Berlin; Petersburg; Moscow: Ozdatel'stvo Z.I. Grzhebina Publ., 1922 (in Russian).
- Nikolaev, A.B. *Gosudarstvennaia Duma v fevral'skoi revoliutsii: ocherki istorii* [The State Duma in the February Revolution: Essays on History]. Private editor: P. A. Tribunskii Publ., 2002 (in Russian).
- Nikolaev, A.B. *Dumskaia revoliutsiia 27 fevralia – 3 marta 1917 goda* [Duma revolution February 27 – March 3, 1917], 2 vols. St. Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2017 (in Russian).
- Polyakov, S. A. "Officers of the Life Guards of the Semenovskiy Regiment in the Russian Socio-Political Conditions of 1917 – September 1918," PhD diss., Oryol University, 2015 (in Russian).
- Rabinovich, A. *The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd*. W.W. Norton, 1976.
- Reed, J. *Ten Days that Shook the World*. New York: Boni & Liveright, 1919.
- Startsev, V.I. *27 fevralia 1917* [February 27, 1917]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1967 (in Russian).
- Suhanov, N.N. *Zapiski o revoliutsii* [Notes on the Revolution], vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1991 (in Russian).
- Tarasov, K. *Soldatskii bol'shevizm. Voennaia organizatsiia bol'shevikov i levoradikal'noe dvizhenie v petrogradskom garnizone (fevral' 1917 g. – mart 1918 g.)* [Soldier Bolshevism. Military organization of the Bolsheviks and the radical left movement in the Petrograd garrison (February 1917 – March 1918)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v St. Peterburge Publ., 2017 (in Russian).
- Tarasov-Rodionov, A. *Tiazhelye shagi. Fevral'. Roman-khronika* [Heavy steps. February. Chronicle novel]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1928 (in Russian).
- Uimanov, V.N. Process 'Soiuznogo Biuro Men'shevikov' i sud'ba men'shevika M.A. Valerianova-Bronshsteina [The process of the 'Union Bureau of the Mensheviks' and the fate of the Menshevik M.A. Valerianov-Brownstein]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 355 (2012): 76–82 (in Russian).
- Jeifets, V.L., and Jeifets, L.S. "Krasnyi karandash sud'by. Dve zhizni Georgiya Borisovicha Skalova [Red pencil of fate. Two lives of Georgy Borisovich Skalov]." *Latinskaia Amerika*, 4 (1998): 84–92 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Виктор Лазаревич Хейфец, д-р истор. наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; профессор кафедры международного предпринимательства, Государственный университет аэрокосмического приборостроения, Россия, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А; ведущий научный сотрудник, Центр политических исследований, Институт Латинской Америки РАН, Россия, 115035, Москва, ул. Большая Ордынка, д. 21/16; jeifets@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7197-7105>

Лазарь Соломонович Хейфец, д-р истор. наук, профессор кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; Государственный университет аэрокосмического приборостроения, Россия, 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67, лит. А; @gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>

Viktor L. Kheifets, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia; Professor of the Department of International Entrepreneurship, Petersburg University of Aerospace Instrumentation; Lit. A, 67, St. Petersburg, 190000, Russia; Leading Researcher at the Center for Political Researchers, Institute of Latin America of RAS, 21/16, Bolshaya Ordynka St, Moscow, 115035, Russia; jeifets@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7197-7105>

Lazar S. Kheifets, Dr. Habil. Hist., Professor of the American Studies Department, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya Naberezhnaya, St. Petersburg, 199034, Russia; Petersburg University of Aerospace Instrumentation, Lit. A, 67, St. Petersburg, 190000, Russia; Institute of Latin America of RAS, 21/16, Bolshaya Ordynka St, Moscow, 115035, Russia; jeifets@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-456-469>
EDN: WEKFKI

Научная статья / Research article

Раннесоветская региональная история в судьбах соотечественников на примере биографии Г.К. Ожигова

Сергей Львович Бехтерев ^a✉, Людмила Николаевна Бехтерева ^b

^a Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН,
Ижевск, Россия

✉ sergbehterev@yandex.ru

Аннотация: Реконструируется раннесоветский период жизни Григория Кондратьевича Ожигова (Ожегова) (1878–1935) – выходца из вятской крестьянской семьи, рабочего Ижевских оборонных заводов, эсера-боевика, члена ВЦИК первого созыва, находившегося на партийной работе в Прибалтике и Финляндии. В научный оборот вводятся новые источники, проанализированные в контексте теории социальной адаптации, антропологического подхода и историко-биографического метода. Наибольший интерес представляют материалы Революционного гражданского Совета г. Ижевска (1918 г.), советских комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1930-е гг.), автобиографии и воспоминания самого Г.К. Ожигова. Комплексный характер носят отложившиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики документы фонда личного происхождения семьи Ожиговых. Исследование биографии Ожигова, оказавшегося в числе наиболее революционно настроенных граждан, на конкретном эмпирическом материале объясняет причины поддержки именно леворадикального социального проекта в Удмуртии, к началу новейшего времени представлявшей крупнейший аграрно-промышленный регион России и во многом сохранившей традиционный жизненный уклад.

Ключевые слова: социальная адаптация, советское общество, советская власть, Октябрьская революция, эго-документы

Для цитирования: Бехтерев С.Л., Бехтерева Л.Н. Раннесоветская региональная история в судьбах соотечественников на примере биографии Г.К. Ожигова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 456–469. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-456-469>

Early Soviet Regional History in the Fates of Compatriots Through the Example of G.K. Ozhigov's Biography

Sergei Bekhterev ^a✉, Lyudmila Bekhtereva ^b

^a Udmurt State University Izhevsk, Russia

^b Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia

✉ sergbehterev@yandex.ru

Abstract: The early Soviet period in the life of Grigory Kondratievich Ozhigov (Ozhegov) (1878–1935) is reconstructed within the author's paper. A native of a Vyatka peasant family, a worker at the Izhevsk defense factories, a Socialist-Revolutionary militant, as well as a member of the All-

Russian Central Executive Committee of the first convocation, who was at party work in the Baltic States and Finland, Orzhigov had a varied career. The authors through their work have introduced into scientific use new sources analyzed in the context of the theory of social adaptation, through anthropological approach as well as historical-biographical methodology. Of greatest interest are the materials of the: Revolutionary Civil Council of Izhevsk (1918), Soviet commissions on the affairs of former Red Guards and Red partisans (the 1930s), and the autobiography and memoirs of G.K. Orzhigov himself. The documents of the private origin fund of the Orzhigov family are stored in the Central State Archive of the Udmurt Republic, and are of a complex nature. The study of the biography of Orzhigov, who had turned out to be among the most revolutionary-minded citizens, as shown in other empirical material, does explain why he supported the left-wing radical societal project in Udmurtia. A region by the beginning of modern times which has been the largest agrarian and industrial region of Russia, while largely preserving its traditional way of life.

Keywords: social adaptation, Soviet society, Soviet power, Bolshevik Revolution, ego-documents

For citation: Bekhterev, Sergei, and Bekhtereva, Lyudmila. "Early Soviet Regional History in the Fates of Compatriots Through the Example of G.K. Orzhigov's Biography." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 456–469 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-456-469>

Введение

С конца XX столетия устойчивым вниманием в мировой историографии пользуется проблема формирования человека раннесоветской эпохи. Об этом свидетельствуют многочисленные научные публикации¹ и исследовательские проекты². Между тем говорить о завершении процесса изучения феномена «homo soveticus», безусловно, рано. Выявление новых документов продолжается, а соответственно продолжается и добавление новых знаний при составлении целостного портрета человека советской формации.

После утверждения власти большевистского правительства в начавшемся социалистическом эксперименте участвовали как не имевшие опыта политической практики граждане, так и члены многонациональной российской революционной когорты. Одним из них стал Григорий Кондратьевич Ожигов (Ожегов), видный представитель эсеровского движения, в начале 1920-х гг. окончательно связавший свою судьбу с коммунистическим выбором. Жизнь и деятельность выходца из вятской крестьянской семьи не ограничивается рамками Уральского региона. Начав революционную биографию в боевых отрядах А.М. Лбова, чье имя стало нарицательным, в 1917 г. Г.К. Ожигов достиг высокого статуса члена ВЦИК первого созыва, по его заданию находился на партийной работе в воинских частях Русской армии, дислоцировавшихся в Прибалтике и Финляндии, а в дальнейшем сражался с денкинцами и махновцами на Донбассе и Левобережной Украине. Несмотря на то, что Григорий Кондратьевич провел последние годы в Ижевске, его продолжали связывать деловые и личные отношения с Ленинградом, где он повышал квалификацию в отделении Центрального института труда, профильным Сестрорецким оружейным заводом имени С.П. Воскова. Кроме того, Ожигов оставил многочис-

¹ *Зиновьев А.А.* Homo советикус. Пара беллум. М., 1991; *Геллер М.* Машина и винтики: История формирования советского человека. М., 1994; *Фицпатрик Ш.* 1) Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001; 2) Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011; Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг.: монография: в 2 ч. Екатеринбург, 2019. Ч. 2; *Поршнева О.С.* «Новый человек» как феномен советского проекта индустриального развития (1920 – нач. 30-х гг.) // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2019. С. 231–240; *Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra: монография / под ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русиной.* Екатеринбург, 2021.

² Грант РФФИ, проект № 17-21-07002-ОГН (2018). *Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.*; Грант РФФИ, проект № 20-19-00139 (2020) «Человек советский»: за и против / Homo soveticus: pro et contra.

ленные свидетельства о жизни и быте советских граждан в известных ему республиках, губерниях и областях Советского Союза.

Целью исследования является реконструкция раннесоветского периода жизни Григория Кондратьевича Ожигова, которая осуществляется на основе теории социальной адаптации, антропологического подхода и историко-биографического метода. Подробный анализ биографии советского функционера «среднего звена» дает наглядное представление о становлении нового социума, месте и исканиях себя «маленьким человеком» в условиях государственных и общественных катаклизмов. Предлагаемое исследование продолжает традицию публикаций в рамках «персональной истории» рядом ведущих научных журналов: «Новейшая история России», «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России», «Вестник Томского государственного университета», «Омский научный вестник» и др.³ Также для устранения противоречий относительно партийной принадлежности, обстоятельств участия Г.К. Ожигова в Ижевско-Воткинском учредительском восстании, последующей общественной и хозяйственной деятельности, выявленных в работе уральских историков⁴, к исследованию привлечены впервые вводимые в научный оборот разнообразные источники, отложившиеся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР) и Государственном архиве общественно-политической истории – Филиале ЦГА УР. Среди них – неопубликованные материалы Революционного гражданского Совета г. Ижевска (1918 г.), Ижевского уездного исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1921–1929 гг.), советских комиссий по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1930-е гг.), Удмуртского обкома КПСС, комитетов РКП(б) г. Ижевска, городских районов и Ижевского района, детализирующие партийно-политическую деятельность Г.К. Ожигова (протокол собрания Ижевской организации эсеров-максималистов от 19 декабря 1918 г., подписка Г.К. Ожигова о «неведении» антисоветской агитации от 25 сентября 1919 г., личный листок члена РКП(б) от 1 июля 1921 г., личная карточка члена РКП(б) Г.К. Ожигова, подвергшегося партийной проверке в 1925 г., и др.), а также автобиографии и воспоминания самого Григория Кондратьевича. Наибольший интерес представляют документы фонда личного происхождения семьи Ожиговых, содержащие подлинник трудового списка (книжки), паспорт и удостоверения личности Г.К. Ожигова, мандат о командировании члена продовольственной комиссии Харьковского окружного комиссариата по военным делам Г.К. Ожигова в г. Александровск и прилегающие уезды для закупки продовольствия, документы о работе Г.К. Ожигова на Валамазском стекольном и химическом заводе, Ижевском оружейном и сталелитейном заводе, о его учебе на курсах инструкторов производства Центрального института труда, карточки и удостоверения члена советских и общественных организаций, письма Г.К. Ожигова к членам семьи и др. Таким образом, источниковая база носит комплексный характер и позволяет осуществить достоверную реконструкцию жизненного пути Г.К. Ожигова.

³ Гуларян А.Б. Братья Краснощeki: опыт историко-биографического исследования // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4. № 1. С. 31–37. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-1-31-37>; Бурнашева Н.И., Игнатъева В.Б. М.К. Аммосов: из плеяды национальных лидеров раннесоветской эпохи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 63–77. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-63-77>; Измозик В.С., Рабинович А.Е. Н.Н. Глебов-Путиловский – рабочий-вожак в годы Великой российской революции 1917–1922 годов // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 381–397. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.207>; Бехтерева С.Л., Бехтерева Л.Н. «Миша», «Молот», «Беленький»: биография М.Ф. Шитова в контексте событий российской истории первой трети XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 94–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/457/12>

⁴ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992.

Пролетарская революция в судьбе Г.К. Ожигова

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде открыла возможности для самореализации широким слоям населения. Среди них был Григорий Кондратьевич Ожигов, родившийся 30 сентября (12 октября) 1878 г. в с. Больше-Рыбаково Глазовского уезда Вятской губернии. Начав революционную деятельность в рядах сложившейся в Ижевске в 1905 г. социал-демократической организации, молодой рабочий оружейного завода, «с детства имевший боевую натуру», увлекся терроризмом и примкнул к эсерам, находился в отрядах А.М. Лбова. В период «затишья» он принимал участие в выборах Государственной думы второго – четвертого созывов и к февралю 1917 г. был уже хорошо известен имперской жандармерии. Фотографии «Маляра» (партийная кличка Г.К. Ожигова) имелись в каждом ее отделении. Поэтому не случайно летом 1917 г. ижевские рабочие избрали его членом ВЦИК первого созыва.

Не вполне ясными по причине малочисленности источников представляются место и роль Г.К. Ожигова в политической жизни с октября 1917 г. по 7 августа 1918 г., начала крупнейшего в России Ижевско-Воткинского восстания. Еще с осени 1917 г. после падения Риги ВЦИК направил его на Урал для дальнейшей партийной работы⁵. Он вернулся в ставший ему родным Ижевск, где его ждали супруга, Антониды Петровна, и пятилетняя дочь Раиса. На основании достоверных источников можно заключить, что Григорий Кондратьевич до января 1918 г. являлся членом исполкома Ижевского Совета, а затем – Председателем следственной комиссии при Революционном трибунале. Он стал одним из признанных лидеров созданной в результате раскола в эсеровских рядах Ижевской организации Всероссийского союза социалистов-революционеров максималистов (ВССРМ). Достаточно отметить, что к весне 1918 г. местная организация, насчитывавшая к этому времени до 1 тыс. чел., стала самой крупной в стране, а ее работа считалась образцовой для остальных левонароднических групп. Тем не менее, сказывалась и его прежняя симпатия к коммунистам. Поэтому Ожигов, очевидно, участвовал в разоружении красногвардейцев, поддержавших антибольшевистский мятеж максималистов в Ижевске в апреле 1918 г., по поручению местного комитета РКП(б) организовал выпуск газеты левого толка (впоследствии – «Ижевская правда»), работал в Ижевском ревкоме и Чрезвычайной комиссии⁶. Несмотря на загруженность, приходилось заботиться и о семье – в этом году родилась вторая дочь, Тамара.

По мере развертывания Гражданской войны на территории Прикамья обострилась межпартийная борьба. С объявлением 2 августа 1918 г. Вятской губернии на военном положении в подконтрольных левосоциалистическим организациям населенных пунктах образовывались военно-революционные штабы (ВРШ) как чрезвычайные органы пролетарской диктатуры. 6 августа был создан Ижевский ВРШ, в который вошли 3 коммуниста и 2 максималиста: Ф.Ф. Кокоулин и К.В. Посаженикова. Возглавил его большевик С.И. Холмогоров⁷. Прикомандированный к ВРШ максималист Г.К. Ожигов дежурил при штабе и в райкоме РКП(б), отвечал за караульную службу и вооружение добровольцев. Накануне восстания он был назначен заведующим оружием Военного отдела, вывез сюда большую часть винтовок и кин-

⁵ Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 16.

⁶ Государственный архив общественно-политической истории – филиал государственного казенного учреждения «Центральный государственный архив Удмуртской Республики» (далее – ГАОПИ). Ф. 4936. Оп. 2. Д. 42. Л. 221; ЦГА УР. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 2, 8, 16.

⁷ Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. С. 65.

жалов с заводского склада, арестовывал членов Союза фронтовиков – ударной силы повстанцев⁸.

С поражением учредителей Г.К. Ожигов, как опытный производственник, вновь был принят на работу в замочную мастерскую установщиком на обойму, восстанавливал пострадавшие мастерские оружейного завода⁹, за что премировался кожаным костюмом и каракулевой шапкой¹⁰. В то же время он состоял в аппарате Ижевского революционного гражданского совета, с марта 1919 г. являлся членом правления Ижевского рабочего потребительского общества¹¹.

Не прекращал Григорий Кондратьевич и политическую деятельность. 19 декабря под его председательством состоялось очередное собрание Ижевской организации ВССРМ, продолжавшей легальное существование под контролем Революционного гражданского совета – органа штаба II Красной армии, на котором был заслушан доклад делегатов IV конференции Союза, прошедшей в Москве в начале месяца¹². В резолюции, предложенной членом Центрального совета ВССРМ Ф.Ф. Кокоулиным, отмечалось, что

согласно принятого устава 4-й Всероссийской конференции Союза С.Р. Максimalистов, местная организация <...> находит нужным произвести реорганизацию членов Союза посредством самой тщательной «филтровки», дабы очиститься от нежелательных элементов¹³.

Для проверки членов назначалась контрольно-следственная комиссия из семи «старых безупречных товарищей», включая Г.К. Ожигова¹⁴.

По мере развития политического процесса происходило размежевание в рядах эсеров-максималистов. Вскоре после IV конференции ВССРМ, провозгласившей право отвечать насилием на насилие большевиков, сложились две левонароднические группы. «Старые» максималисты во главе с А.А. Звериним и Г.А. Нестроевым утверждали, что революция идет к упадку, а большевики отходят от нее. Члены ВЦИК – максималисты Ф.Ю. Светлов и А.И. Бердников и их сторонники считали, что революция развивается и с коммунистами необходимо установить отношения взаимного доверия, уважения и равенства, пытались сдерживать проявления крайнего боевизма. На V (апрель 1919 г.) конференции ВССРМ победило течение Зверина-Нестроева. Однако на местах, в том числе Ижевске, максималисты продолжали сотрудничать с коммунистами.

В начале 1919 г. в личной жизни Г.К. Ожигова произошло знаменательное событие. Его новой избранницей стала полька Станислава Адамовна Ясинская, родившаяся в 1900 г. в Варшаве, работавшая с ноября 1918 г. масленницей на Ижевской городской электростанции¹⁵. Очевидно, в отличие от первой законной супруги Станислава Адамовна оказалась более восприимчива к новациям, порожденным пролетарской революцией, хотя и считалась беспартийной. Однако брак с С.А. Ясинской Г.К. Ожигов зарегистрировал в Ижевском городском загсе лишь 15 сентября 1934 г., незадолго до своей кончины¹⁶.

В марте 1919 г. с началом наступления Русской армии адмирала А.В. Колчака Удмуртия вновь оказалась в полосе боевых действий враждовавших правительств.

⁸ ЦГА УР. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 2, 8, 16, 18.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.

¹¹ ГАОПИ. Ф. 4936. Оп. 2. Д. 42. Л. 221.

¹² *Бехтерев С.Л.* Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 106–107.

¹³ ЦГА УР. Ф. Р-390. Оп. 1. Д. 12. Л. 9–10.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.

¹⁶ Там же. Д. 31. Л. 1.

Ижевский завод пришлось спешно эвакуировать, и Г.К. Ожигов выехал в Москву. В апреле 1919 г. ЦК РКП(б) формировал две группы: одну – для работы на Украине в районе Харькова, другую – в тылу генерала А.И. Деникина. С санкции ВЦИК Центральным советом ВССРМ Ожигов как политический комиссар среднего звена направлялся в г. Харьков в распоряжение Военно-Окружного комиссариата (управления) и Оружейно-орудийных мастерских. Семья последовала за ним. На основании мандата № 794/61800 от 1 июня 1919 г. за подписью Наркомвоена Украины В.И. Межлаука Григорий Кондратьевич командировался для закупки продовольствия и фуража «как по вольным, так и твердым ценам» в район Екатеринослава (ныне – Днепропетровск), Александровска (ныне – Запорожье) и Никополя, «каковой был наводнен бандитами всех мастей»¹⁷.

В Никополе Г.К. Ожигов с товарищем Шаповаленко заготовил три вагона муки и пять платформ фуража. Однако с занятием города войсками А.И. Деникина им пришлось бежать в Александровск, где удалось приобрести еще четыре вагона муки. В связи с продолжавшимся наступлением Вооруженных сил на Юге России семья Г.К. Ожигова из Харькова эвакуировалась в Москву. Сам город 24 июня был также захвачен деникинцами. Находясь в полосе боевых действий 14-й Красной армии, действовавшей на Донбассе и Левобережной Украине, Григорий Кондратьевич остался в Александровске и ничего не знал о судьбе близких родственников. Оттуда он явился с мандатом В.И. Межлаука в г. Екатеринослав в штаб К.Е. Ворошилова. Через его адъютанта он узнал, что город отрезан Н.И. Махно вверх по Днепру, стоявшему со своими силами в местечках Пятихатка и Верхднепровск. Со штабом Ворошилова, располагавшим двумя миноносками и одним пароходом, им удалось прорваться на Киев. Добравшись до Кременчуга, Г.К. Ожигов попросил отпустить его в Харьков для выручки семьи. Его просьбу удовлетворили. В Полтаве секретарь собеса, «наш паренек» А. Клестов сообщил, что семья уже в безопасности. Ожигов также выехал в Москву, где перенес тиф и после выздоровления отбыл в Ижевск для восстановления завода¹⁸.

Лето – осень 1919 г. также были насыщены различными событиями в экономической, социальной, политической жизни Ижевска и Удмуртии, в которых Г.К. Ожигов принял деятельное участие. Как опытный оружейник, он ремонтировал обоймочные станки-автоматы, необходимые для военного производства. Занимала его и партийная работа. В августе – сентябре 1919 г. отношения между большевиками и эсерами-максималистами вновь обострились на почве продолжения политики продрозверстки. В Ижевске и его окрестностях последние призвали бойкотировать «выкачку хлеба». 19 сентября были произведены аресты. 47 активных максималистов препровождались в Казань в распоряжение губернской ЧК. Хотя Г.К. Ожигова в их числе не оказалось, но с него, как и с некоторых других партийных товарищей, взяли подписку следующего содержания:

Я, ниже подписавшийся Григорий Кондратьевич Ожигов, гражданин Российской Федеративной Советской Социалистической Республики, даю подписку Ижевскому исполнительному комитету в том, что не буду в пределах РСФСР вести никакую агитацию против декретов и законоположений Рабоче-Крестьянского правительства, а также не буду препятствовать при проведении этих декретов и законоположений в жизнь. Обязуюсь также из пределов г. Ижевска без разрешения существующей власти никуда не уезжать как в города, так и в близлежащие деревни. В чем и подписуюсь, гражданин Григорий Ожигов. 25 сентября 1919 г., г. Ижевск Вятской губернии¹⁹.

¹⁷ ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁸ Там же. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 2, 15, 16.

¹⁹ Там же. Ф. Р-26. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

События августа – сентября 1919 г., их исход завершили переворот в политических взглядах Г.К. Ожигова, окончательно связавшего свою судьбу с коммунистами. В «Ижевской правде» 25 июня 1920 г. было опубликовано обращение ЦК РКП(б) «Всем организациям РКП(б)», в котором говорилось, что максималисты принимаются в ряды коммунистов и их партийный стаж исчисляется с учетом пребывания в ВССРМ, но не ранее 7 ноября 1917 г. В связи с этим в своих анкетах Григорий Кондратьевич стал указывать пребывание в рядах РКП(б) с 1917 г. Это позволило ему занимать хотя и не такие высокие, как прежде, но значительные хозяйственные, партийные, общественные посты, пользоваться определенными льготами и преимуществами. Нужно было содержать многодетную семью, четыре члена которой находились на его иждивении. Да и пошатнувшееся в годы революционной молодости здоровье давало о себе знать. Ожигов страдал туберкулезом легких, склерозом головного мозга и другими заболеваниями²⁰.

Окончание Гражданской войны и последний, «мирный» период в жизни Г.К. Ожигова

В Удмуртии Гражданская война завершилась в основном летом 1919 г. с вытеснением за ее пределы колчаковцев. Переход к относительно мирному, восстановительному периоду осуществлялся в условиях тяжелейшего социального и экономического кризиса, вызванного, как известно, боевыми действиями противоборствовавших сторон, а также политикой «военного коммунизма».

В это время Григорий Кондратьевич – активный участник кооперативного движения. 14 марта 1920 г. общим собранием уполномоченных он был избран членом Правления Ижевского единого потребительского общества, а затем – его председателем; с 6 августа 1920 г. с образованием Прикамского губернского союза фабрично-заводских потребительских обществ (Губсоюз) являлся членом его правления²¹. Постановлением правления Губсоюза он был назначен председателем коллегии Ижевского районного отделения²². В сентябре 1920 г. Ижевский уездный комитет РКП(б) перевел Ожигова помощником заведующего Центропечатью, а 5 марта 1921 г. – помощником заведующего производством магазинно-коробочной мастерской. Одновременно Григорий Кондратьевич являлся членом секции инженеров, комиссий производственной пропаганды и усовершенствования изобретений при Ижевском заводууправлении. «Работник заводского производства – кооператор. Дисциплинирован», – давал ему характеристику партийный инструктор в июле 1921 г. С образованием Вотской автономной области (ВАО) Постановлением обкома РКП(б) 1 сентября 1921 г. он был назначен заведующим (временно уполномоченным) Валамазским и Сергиевским стекольными заводами Областного совета народного хозяйства²³, 17 марта 1923 г. – заведующим хозяйственно-материальной частью областного отдела народного образования, 11 мая – агентом отдела снабжения Ижевских заводов, 10 сентября того же года – помощником заведующего производством поделочной мастерской Ижевских заводов²⁴.

Все эти годы рядом с Григорием Кондратьевичем находилась супруга, С.А. Ожигова, помогая и поддерживая его во всех начинаниях. С июня 1919 г. она работала в столовой и канцелярии Ижевского городского потребительского общества, в июле откомандирована в г. Сарапул в распоряжение секции Губсоюза, в начале 1920-х гг.

²⁰ ЦГА УР. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 2, 7, 16.

²¹ Там же. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 6. Л. 1, 2.

²² ГАОПИ. Ф. 4936. Оп. 2. Д. 42. Л. 221; ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

²³ Там же. Л. 220–221; ЦГА УР. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 16.

²⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 12. Л. 1; Д. 2. Л. 5; Д. 157. Л. 1–1 об.

трудилась на Валамазском стекольном заводе, затем до 1957 г. – в Ижевском индустриальном техникуме²⁵.

Насыщенным знаменательными событиями в жизни Григория Кондратьевича оказался 1924 г. По распоряжению директора Ижевских заводов И.А. Невструева и по согласованию с заводским районным комитетом РКП(б) 8 января он был утвержден заведующим мастерской школы фабрично-заводского ученичества. 13 октября он и А.И. Петров выехали в Ленинград, где в качестве курсантов четвертого набора прошли обучение по программе подготовки инструкторов производства по слесарному делу. Как явствует из удостоверения за № 323, выданного Ленинградским отделением Центрального института труда (ЦИТ) 29 ноября по окончании учебы, Г.К. Ожигов

при поверочных испытаниях показал весьма удовлетворительное знакомство с пройденным курсом, в силу чего ЛОЦИТом ему предоставлено право инструктировать в школах фабзавуча применение методов ЦИТ²⁶.

Совместной выпускной квалификационной работой ижевских курсантов стал проект лекального производства, содержащий в себе элементы операций, рихтовку после колки и педагогическую инструкцию. За время командировки Ожигов выполнял поручение правления Ижевских заводов по ознакомлению с организацией учебной работы в школе фабзавуча профильного Сестрорецкого завода имени С.П. Воскова²⁷. В этом же году семья пополнилась еще одним членом – родился сын Юрий, названный, очевидно, в память о первенце, скончавшемся в сентябре 1921 г. в младенческом возрасте.

По возвращении из Ленинграда в Ижевск Г.К. Ожигов продолжил работу в школе ФЗУ и некоторое время являлся ее заведующим. Григорий Кондратьевич интересовался техническими новшествами, читал статьи журнала «Установка рабочей силы» (печатный орган ЦИТа)²⁸. Впоследствии, в августе 1925 г. по запросу председателя Воткинского заводского комитета ВСРМ Ожигова как высококлассного специалиста планировалось перевести на административную должность на Воткинский железодельный завод для скорейшего восстановления предприятия. Однако по состоянию здоровья сделать это не удалось, и 26 октября 1925 г. он был назначен нормировщиком в оружейно-инструментальный отдел местных заводов²⁹.

С 1 марта 1926 г. Григорий Кондратьевич работал нормировщиком в оружейном отделе, с 23 апреля – мастером по окончательной сборке охотничьих ружей, с 1 июля 1926 г. – членом ревизионной группы канцелярии управления заводов, с 29 июля 1927 г. – контрольным техником отдела экономики труда, с 16 декабря того же года – заведующим утилизационным депо отдела складского хозяйства Ижевских заводов³⁰. 18 сентября 1929 г. врачебно-контрольной комиссией он был признан инвалидом 2 группы³¹ и 1 октября выбыл со службы в связи с уходом на пенсию³².

Однако отдохнул Григорий Кондратьевич всего несколько месяцев. Уже с 1 марта 1930 г. он занял должность инспектора при директоре Ижевских заводов³³. 2 августа Г.К. Ожигов на почве «душевного расстройства», вызванного обострением бо-

²⁵ ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 62. Л. 1, 9, 11.

²⁶ Там же. Д. 14. Л. 2.

²⁷ Там же. Л. 1, 2, 4.

²⁸ Там же. Д. 159. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 15. Л. 1; Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 16.

³⁰ Там же. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Д. 158. Л. 1–1 об.

³¹ Там же. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 16.

³² Там же. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

³³ Там же. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 3, 17.

лезней, в припадке гнева совершил покушение на убийство своей супруги и случайным выстрелом из револьвера смертельно ранил 11-летнюю девочку. В то время партия, как правило, не оставляла без внимания подобные проступки своих членов. Поэтому 4 августа контрольная комиссия областной организации ВКП(б) приняла решение находившегося под следствием по статье 136 Уголовного кодекса РСФСР Г.К. Ожигова «из партии исключить»³⁴. Григорий Кондратьевич был признан виновным и осужден на четыре года с отбыванием наказания в Ижевском исправительном рабочем доме с 10 сентября 1930 г. По постановлению Наблюдательной комиссии № 3 от 6 мая 1931 г. в связи с амнистией по ВАО его освободили со снятием судимости. Свою вину он пытался загладить добросовестной работой, до 1 июля 1932 г. трудился техником по выполнению заказов отдела сбыта Ижевских заводов. Последнее место его службы – инспектор-контролер отдела проверки исполнения при заводууправлении. В характеристике начальника группы Горбунова отмечалось, что Г.К. Ожигов

за короткий промежуток времени зарекомендовал себя как всесторонне знающий производство работник, обладающий качествами умелого подхода к разрешению и выяснению вопросов, дачей правильных определений по выправлению узких мест и примерной исполнительностью всех поручений директора заводов и его помощников³⁵.

15 июля 1932 г., как «активно проявивший себя в социалистическом соревновании по повышению производительности труда», Ижевским районным комитетом Всероссийского союза работников металлургической промышленности он был награжден Грамотой с присвоением почетного звания «Ударника третьего года пятилетки – строителя социализма», премирован сапогами и 150 руб.³⁶

Несмотря на трудные жизненные условия и неоднократные советы старшей дочери Раисы перебраться в Ленинград, Григорий Кондратьевич связал свои оставшиеся годы с Ижевском. Вот одно из ее писем от 25 апреля 1932 г.:

Ленинград. Детское Село. Здравствуй, папа, тетя (С.А. Ожигова. – С.Б., Л.Б.) и Юрчик (сын Г.К. Ожигова. – С.Б., Л.Б.). Живу, учусь. Дела идут хорошо. Жить здесь гораздо легче, все есть. Может быть, ты <...> переедешь сюда <...> Я удивляюсь, почему вы до сих пор живете в Ижевске³⁷.

В другом письме за 1934 г. она предлагала:

Папа, устройся как-нибудь здесь и возьми командировку. Командированным сразу дают квартиры, ведь сейчас в Ленинграде много комнат³⁸.

Г.К. Ожигов продолжил общественную работу. Обладая широким кругозором, постоянно занимаясь самообразованием, являясь членом культурно-просветительной комиссии парткома 2-го городского района Ижевска, он выступал с лекциями по аграрному вопросу и профессиональному движению, актуальным темам текущего момента, сотрудничал с газетой «Ижевская правда»³⁹. Имея обостренное чувство справедливости, он не мог пройти мимо фактов нахождения в рядах партии лиц с сомнительным, на его взгляд, прошлым. Так, в 1924 г. по собственной инициативе он обратился во Владимирский отдел ОГПУ с информацией о якобы антисоветской деятельности его товарища по ВССРМ М.Ф. Шитова, в то время управляющего

³⁴ ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 24. Л. 7, 10, 13.

³⁵ Там же. Д. 9. Л. 14.

³⁶ Там же. Л. 14; Д. 27. Л. 1.

³⁷ Там же. Д. 163. Л. 1.

³⁸ Там же. Д. 16. Л. 1, 2, 5.

³⁹ ГАОПИ. Ф. 4936. Оп. 2. Д. 42. Л. 221.

Ковровским пулеметным заводом. По его сведениям, Шитов в августе – ноябре 1918 г. сотрудничал с учредителями, продолжал заведовать Центральной городской библиотекой, писал передовые статьи в повстанческой газете «Народовластие», призывал жертвовать на нужды Добровольческой армии, сам внес для нее 50 руб. Также он сообщил о двоюродном брате Шитова, в 1915–1916 гг. ученике Григория Кондратьевича по магазинно-коробочной мастерской, ставшем поручиком Народной армии Комитета членов Учредительного собрания и издававшимся над ним в период заключения у повстанцев⁴⁰. Как бывшему максималисту, в 1925 г. самому Ожигову пришлось пройти партийную проверку, окончившуюся для него благополучно⁴¹.

Григорий Кондратьевич участвовал в работе советских, партийных, профсоюзных органов. В 1923 г., например, Ижевской организацией ВСРМ он был избран делегатом III областного съезда профсоюзов ВАО с правом решающего голоса⁴², участвовал во фракционных заседаниях ВКП(б) VII съезда Советов ВАО⁴³, являлся депутатом Ижевского совета 12-го созыва⁴⁴. 10 февраля 1925 г. Ожигов вступил в Общество друзей обороны и авиационно-химического строительства РСФСР, 1 октября 1930 г. – Международную организацию помощи борцам революции⁴⁵. До 2 августа 1931 г. он работал на общественных началах следователем в Областной контрольной комиссии ВКП(б), 25 ноября того же года вновь вступил кандидатом в члены ВКП(б) с двухгодичным испытательным сроком. Первичная организация при отделе снабжения Ижевских заводов ходатайствовала о восстановлении его партийного стажа с 1917 г.⁴⁶

С 1 июля 1933 г. Г.К. Ожигов окончательно вышел на пенсию «по причине расшатанного здоровья» и решением Областной комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан при Удмуртском исполкоме, «принимая во внимание революционную деятельность с 1905 г. и участие в 1918 г. в борьбе против фронтовиков», утвержден в соответствующих правах на получение дополнительных льгот⁴⁷. Комиссия направляла его представителем для переосвидетельствования пенсионеров и инвалидов-красных партизан⁴⁸, доверяла проверку всей оперативной деятельности магазина № 15, обслуживавшего ветеранов войны в г. Ижевске⁴⁹.

Григорий Кондратьевич неоднократно выезжал поправлять свое здоровье на юг страны, как правило, за счет Ижевского районного заводского комитета ВСРМ и оставил много ярких зарисовок о жизни, быте и нравах советских граждан, проходивших санаторно-курортное лечение. Первая его оздоровительная поездка состоялась в июле 1924 г., когда он отдыхал в санатории «Гелиос», г. Евпатория⁵⁰. Несколько раз он посещал курорты Пятигорска: первый – в августе – сентябре 1925 г. – санаторий «Пролетарий»⁵¹, откуда прислал фотографию фонтана в городском саду с сопроводительной надписью:

⁴⁰ ГАОПИ. Ф. 16. Оп. 9. Д. 452. Л. 7.

⁴¹ Там же. Оп. 3. Д. 20049. Л. 95 об.

⁴² ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

⁴³ Там же. Д. 155. Л. 5.

⁴⁴ Там же. Д. 18. Л. 11–12.

⁴⁵ Там же. Д. 25. Л. 1, 11.

⁴⁶ Там же. Д. 24. Л. 10; Д. 156. Л. 2.

⁴⁷ Там же. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 490. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 30. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 48. Л. 1–2.

⁵¹ Там же. Д. 50. Л. 1.

На добрую память о Пятигорске, где мучительно бьется мое сердце о вас, мои дорогие! По карточке можно судить, какие красивые уголки имеются в городе. Снявшиеся товарищи – ижевцы – справа Брюхов, слева – Колобов⁵².

Второй раз – с 16 мая по 30 июня 1927 г.⁵³

Много впечатлений дала ему поездка в г. Железноводск в июле – августе 1929 г. Так, в письме от 2 августа Григорий Кондратьевич писал:

Здравствуй, дорогие Тасик (С.А. Ожигова) и Юрчик (сын Г.К. Ожигова) <...> У меня подвело все брюхо, кормят почти одной водой, разведенной с толченой картошкой, и картофельный кисель. И ходить на минеральный источник пить три раза в день воду будет две версты и все в гору, прямо не хватает сил, развлечений почти никаких. Сидим все время с товарищем Ханом, читаем книги и газеты. 1 августа был громадный митинг протеста против капиталистов, мечтающих втянуть нас в войну, на котором присутствовала жена Ленина, выступал член Правительства г. Бухарин, секретарь Украины г. Любченко, <...> иностранные коммунисты, которые лечатся здесь: член Польского сейма, американский представитель рабочих, китайский коммунист, болгарский коммунист и много других. Они рассказали, как угнетает рабочих ихняя буржуазия, особенно поляк, который Пилсудского только и называл собакой, пусть дескать только попробует с вами воевать, как мы их тогда разобьем с тылу, так говорят рабочие и крестьяне всех стран, впечатление от митинга самое хорошее.

Ну куда ничего особенного нет, знакомых тоже нет, как-нибудь проживу <...> В двух первых письмах послал по открытке, одна – вид Железноводска, а другая – здание минеральных и грязевых ванн, построенное эмиром Бухарским, а также имеется его дворец, в котором сейчас тоже санаторий. В воскресенье думаю с т. Ханом съездить в Пятигорск, познакомить его с местностью ради скуки⁵⁴.

В этом письме Ожигов проявляет определенную заботу о домочадцах:

Теперь насчет того, что ты хотела меня встретить в Москве <...> если только прокатиться, нет никакого удовольствия, в вагонах пыль, духота <...> билеты приходится брать прямо до Ижевска, так дешевле, а если только до Москвы, то много дороже и трудно даже достать. Много ездит народу и очереди громаднейшие. Ну, всего хорошего, привет всем! Всем! Всем! Твой Гриша⁵⁵.

В другом письме от 11 августа он сообщает жене, что «сегодня купил тебе вязаную серую шерстяную шаль, только редка, но большая. В квадрате будет метр»⁵⁶.

Запомнилось Г.К. Ожигову и пребывание в марте – апреле 1933 г. в Кисловодске в санаториях «Красный октябрь» и «Красные камни». Характеризуя местную погоду, он писал 4 марта:

Здесь все время идет снег и дождь. Хоть из палаты не выходи, только <...> на нарзанные ванны. А в палате такой мороз, что и на улице. Сидим в пальтах и шапках и клянем на чем стоит свет плохую погоду. А когда ложусь спать, то обязательно поминаю Тебя, потому что некому согреть ноги⁵⁷.

Содержательно письмо от 18 марта:

Теперь о товарищах. Этот Т... оказался дрянь мужик, самохвал – все Я, Я <...> А еще двое ижевских опять больно темные, даже говорить с ними не о чем, словом, кампания неважная. На курорте прибывшие все больше старички, женщин только две.

⁵² ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

⁵³ Там же. Д. 166. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Д. 37. Л. 3–4.

⁵⁵ Там же. Л. 1–4.

⁵⁶ Там же. Л. 8.

⁵⁷ Там же. Д. 162. Л. 1–2.

Далее Ожигов повествует о жизни местного населения:

От города курорт далеко и на горе. Трамваев нет, а ходить трудно. В первый день ходил на базар, верст пять. Народу хотя много, а все дорого, например, мука кукурузная 200 руб. пуд, а ржаной совсем нет. Пшеничная – 500 руб., но редко. Брюки стоят 150 руб. Такие у нас купишь за 70 руб. Даже чуваки стоят 30 и 40 руб., бурки на мою ногу – 100 руб. Словом, жизнь страшно дорога <...> И как живут здесь люди, нужно удивляться. Оплата за труд низкая и много безработных <...> Я видел художника, который писал большой плакат на полотне лучше нашего. Пишет за 25 руб. <...> говорит, что же делать, если кушать нечего⁵⁸.

В письме от 21 марта он сообщал о случившемся с ним происшествии:

Днем ходим в город в пиджаках и жарко, а ночью и вечером приходится одевать шубу, холодно, холодно особенно спать <...> Кормят недурно. Ездил на базар в Пятигорск, купил черные бурки галифе за 60 руб. У меня в столовой украли шапку, я заявил врачу и он поднял всех на ноги. Искали два дня, а я <...> купил шляпу табачного цвета за 22 руб. И вот сегодня мою шапку подбросили под вешалку. Вор струсил. Вчера ходил на вечер карачаевцев смотреть горские песни и пляски, а позавчера ходил на балет⁵⁹.

Санаторно-курортное лечение поддерживало жизненные силы Г.К. Ожигова, но кардинально улучшить его здоровье не могло. 8 января 1935 г. он скончался после тяжелой продолжительной болезни. Станислава Адамовна пережила супруга почти на 50 лет и скончалась в Ижевске 23 июня 1987 г.

Выводы

Жизненный финал Г.К. Ожигова, перенесшего тяготы и лишения эпохи революционных потрясений, оказался вполне закономерным и даже успешным, а его преждевременная смерть, как можно предположить, избавила семью от политических репрессий, поскольку эсеровское прошлое героя, несмотря на успешно пройденные ранее чистки, вряд ли осталось бы без внимания властей в годы политических репрессий. В целом личная жизнь Ожигова и выявленные авторами новые страницы его политической биографии свидетельствуют о том, что наряду со многими своими земляками, принявшими революционные идеи, он оставил о себе в народе добрую память. В 1958 г. в газетной публикации под заголовком «Это имя не забудется» ее авторы, тогда еще студенты Удмуртского государственного педагогического института (с 1972 г. – Удмуртский государственный университет) А.А. Титов⁶⁰ и М. Семенов, которые смогли пообщаться с родными (в то время были живы еще супруга Станислава Адамовна и сын Юрий) и соратниками Г.К. Ожигова, так написали о своем герое: «Где бы ни работал Григорий Кондратьевич, везде о нем шла слава умного руководителя, хорошего товарища и советчика. Ожигов был большим любителем и поклонником искусства, певцом и художником, разносторонне развитым человеком. При его активном содействии Илья Ходырев⁶¹, ныне известный в Удмуртии художник, после окончания школы ФЗУ вместе с двумя товарищами был направлен на учебу в Ленинградский художественный институт. Всю свою жизнь Григорий Кондратьевич боролся за счастье народа»⁶².

Изучение биографии Г.К. Ожигова в контексте «персональной истории» позволяет рассматривать раннесоветский эксперимент через призму его непосредственных участников в различных регионах России, к началу новейшего времени

⁵⁸ ЦГА УР. Ф. Р-1735. Оп. 1. Д. 162. Л. 11–13.

⁵⁹ Там же. Л. 18–19.

⁶⁰ Титов Александр Алексеевич (1938–1976) – удмуртский поэт, журналист.

⁶¹ Ходырев Илья Михайлович (1907–1991) – театральный художник, живописец, график, заслуженный деятель искусств УАССР.

⁶² Титов А., Семенов М. Это имя не забудется // Комсомолец Удмуртии. 1958. 3 сентября. № 106.

характеризовавшихся особенностями экономического, этнического, социокультурного развития. Жизненный путь, пройденный Ожиговым, позволяет ответить на вопрос – как и каким образом происходили модернизационные изменения в Удмуртии, представлявшей в первые десятилетия XX в. крупнейший аграрно-промышленный край страны, во многом сохранявший традиционные ценности; в силу каких причин наибольшую популярность из идейно-политических альтернатив получил именно леворадикальный социальный проект, одним из результатов которого стало формирование человека «нового типа», руководствовавшегося в своей практической деятельности «революционной совестью и пролетарским правосознанием».

Поступила в редакцию / Submitted: 04.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 29.11.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.05.2023

References

- Bekhterev, S.L. *Esero-maksimalistское dvizhenie v Udmurtii* [Esero-maximalist movement in Udmurtia]. Izhevsk: UPIAL Publ., 1997 (in Russian).
- Bekhterev, S.L., and Bekhtereva, L.N. “‘Misha,’ ‘Molot,’ ‘Belenky’: The Biography of Mikhail Shitov in the context of the events of the Russian History of the first third of the 20th century.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, no. 457, (2020): 94–100, <https://doi.org/10.17223/15617793/457/12> (in Russian).
- Burnasheva, N.I., and Ignatieva, V.B. “M.K. Ammosov: A Prominent National Leader of the Early Soviet Period.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 1 (2020): 63–67, <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-1-63-77> (in Russian).
- Dmitriev, P.N., and Kulikov, K.I. *Miatezh v Izhevsko-Votkinskom raione* [Mutiny in the Izhevsk-Votkinsk region]. Izhevsk: Udmurtiia Publ., 1992 (in Russian).
- Fitzpatrick, Sh. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30–ye gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 1930s: city]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001 (in Russian).
- Fitzpatrick, Sh. *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii dvadtsatogo veka* [Tear off the masks! Identity and imposture in twentieth-century Russia Princeton]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Geller, M. *Mashina i vintiki: Istoriia formirovaniia sovetskogo cheloveka* [Machine and Cogs: The History of the Formation of the Soviet Man]. Moscow: MIK Publ., 1994 (in Russian).
- Gularyan, A.B. “Krasnoshcheks’ brothers: experience of the historical and biographic research.” *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity* 4, no. 1 (2019): 31–37, <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2019-4-1-31-37> (in Russian).
- Izmozik, V.S. and Rabinovich, A.E. “Nikolai Glebov-Putilovskii. Worker and Leader during the Russian Revolution of 1917.” *Modern History of Russia* 10, no. 2 (2020): 381–397, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.207> (in Russian).
- Matveeva, Yu.V., ed. *Homo soveticus: pro et contra*. Yekaterinburg: Ural university Publ., 2021 (in Russian).
- Mazur, L.N., ed. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg.* [Early soviet society as a social project, 1917–1930s], in 2 parts. Yekaterinburg: Ural university Publ., 2018–2019 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “‘Novyi chelovek’ kak fenomen sovetskogo proekta industrial'nogo razvitiia (1920 – nach. 30-kh gg.) [‘New man’ as a phenomenon of the soviet industrial project in the 1920s and early 1930s].” *Industrial'noe razvitiie regiona i mira: istoriia i sovremennost': Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Ekaterinburg, 19–20 oktiabria 2018 goda* [Industrial development of the region and the world: history and modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Yekaterinburg, October 19–20, 2018], 231–240. Yekaterinburg: UMTs UPI Publ., 2019 (in Russian).
- Romanovsky, N.V., ed. *Pochemu pobedili bol'sheviki: Otvet fal'sifikatoram istorii Velikogo Oktyabrya* [Why the Bolsheviks won: Answer to the falsifiers of the history of the Great October Revolution]. Moscow: Mysl' Publ., 1987 (in Russian).

Titov, A., and Semenov, M. “Eto imia ne zabudetsia [This name will not be forgotten].” *Komsomolets of Udmurtia*, September 3, 1958 (in Russian).

Zinoviev, A.A. *Gomo sovetikus; para bellum* [Homo Sovieticus; couple bellum]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1991 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Сергей Львович Бехтерев, д-р истор. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Удмуртский государственный университет; 426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1; sergbehterev@yandex.ru

Sergei L. Bekhterev, Dr. Habil. Hist., PhD in History, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Udmurt State University; 1, Universitetskaya St, Izhevsk, 426034, Russia; sergbehterev@yandex.ru

Людмила Николаевна Бехтерева, д-р истор. наук, главный научный сотрудник, заместитель директора, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН; 426067, Россия, Ижевск, ул. Татьяны Барамзиной, 34; behterevaLN@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5078-4152>

Lyudmila N. Bekhtereva, Dr. Habil. Hist., Chief Researcher, Deputy Director, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 34, Tatyana Baramzina St, Izhevsk, 426067, Russia; behterevaLN@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5078-4152>

СТАТЬИ
ARTICLES

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-470-483>
EDN: VDBQPI

Научная статья / Research article

Защитные практики в истории России: начало формирования «культуры отмены» или редкое событие прошлого?

Николай Алексеевич Могилевский

Алексей Владимирович Скиженок , Татьяна Васильевна Черникова
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

 francealex8@gmail.com

Аннотация: Дана трактовка сложного понятия «культура отмены», предложено в исторической ретроспективе использовать термин «защитная практика». Подчеркивая, что в целом примеров таких защитных практик в отечественной истории было немного, авторы анализируют два наиболее ранних из них. Первый относится к концу XVII в., когда разгорелся конфликт религиозно-политических группировок «латинствующих» и «грекофилов». В разрешении конфликта активную роль играл патриарх Иоаким, недвусмысленно занявший сторону «грекофилов». В итоге сочинения «латинствующих еретиков» были фактически запрещены, а сами они либо казнены, либо осуждены поместным собором Русской церкви. В XVIII в. проявления защитной практики стали еще более редкими, однако уже в самом конце столетия, при императоре Павле I, высшая власть снова вспомнила об этом приеме. Павел I, опасаясь распространения революционной «заразы», поставил себе целью запретить в России распространение «французских мод», отдельных слов, а также сочинений французских авторов (или тех, кто сочувственно отзывался о событиях Французской революции). Однако все эти меры не дали никакого эффекта и были в итоге отменены уже при Александре I. В итоге авторы приходят к выводу, что на начальном этапе Нового времени и даже в XVIII в. культура отмены не находила распространения в российской жизни, являясь скорее исключением, чем общественно-политической практикой.

Ключевые слова: патриарх Иоаким, братья Лихуды, Сильвестр Медведев, российская цензура, инакомыслие

Благодарности и финансирование: Исследование было подготовлено в рамках исследовательского проекта КМУ XII МГИМО МИД России.

Для цитирования: Могилевский Н.А., Скиженок А.В., Черникова Т.В. Защитные практики в истории России: начало формирования «культуры отмены» или редкое событие прошлого? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 470–483. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-470-483>

Defensive Social Practices in the History of Russia: the Early Formation of “Cancel Culture” or a Rare Event of the Past?

Nikolay Mogilevskiy , Alexey Skizhenok , Tatiana Chernikova

MGIMO University, Moscow, Russia

 francealex8@gmail.com

Abstract: While the concept of “cancel culture” is already a given in contemporary culture; through this article, the authors propose to illustrate a comparable concept/term “defensive practice” in a broader historical retrospective. The authors emphasize that in general there were relative few exam-

ples of such “defensive practices” in Russian history, but analyzes the two earliest of them. The first is at the end of the XVII century, when a conflict broke out between the religious and political groups of “Latinisers” and “Graecophils.” Patriarch Joachim played an active role in resolving the conflict by unequivocally taking the side of the “Graecophils.” As a result, the writings of “latinising heretics” were banned, and they were either executed or condemned by the local council of the Russian Church. In the XVIII century manifestations of comparable defensive practice became even rarer, but already at the very end of the century, under Emperor Paul I, the highest authorities again re-used this technique. Fearing the spread of revolutionary “contagion,” Paul I set the goal of banning the spread of “French fashions” in Russia, individual French words, as well as writings by French authors (or those who sympathized with the events of the French Revolution). However, all these measures had no effect and were eventually ended under Alexander I. As a result, the authors come to the conclusion that at the initial stage of the Modern era and even in the XVIII century, practices comparable to modern cancel culture were not widespread in Russian life, and were an exception rather than socio-political practice.

Keywords: Patriarch Joachim, Likhud brothers, Sylvester Medvedev, Russian censorship, dissent

Acknowledgements and Funding: The study was prepared as part of the research project of CMU XII MGIMO Univesity.

For citation: Mogilevskiy, Nikolay, Skizhenok, Alexey, and Chernikova, Tatiana. “Defensive Social Practices in the History of Russia: the Early Formation of “Cancel Culture” or a Rare Event of the Past?” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 470–483 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-470-483>

Введение

На Западе «культурой отмены» (от англ. *cancel culture*) называют практику осуждения публичных фигур за высказывания или действия, которые часть общества сочла аморальными или оскорбительными. Это общественная кампания, в ходе которой человека резко критикуют в СМИ и социальных сетях, с ним отказываются иметь дело, иногда лишают работы. Само собой – это явление наших дней, потому попытки найти ему параллели и аналогии в историческом материале.

Между тем в историческом контексте «культурой отмены» можно назвать попытку власти ограничить проникновение в страну тех или иных идей/явлений/людей. Иными словами, «культурой отмены» в исторической ретроспективе может считаться «культура ограничения» или «защитная практика».

В российской истории, вопреки представлениям о ее консервативности, примеров таких «защитных практик» не так много. Если в отечественной истории общественных отношений существовали тенденции, которые можно считать общими для трех последних столетий, то они были сформированы в XVII в., который по праву может считаться временем формирования основ последующей российской внутренней и внешней политики.

Бытует устойчивое представление о том, что русское общество допетровской России отличалось нетерпимостью по отношению к иностранцам, иноверцам и прочим представителям иных идентичностей. Однако это было далеко не так. Со времен Ивана III и даже ранее иностранцы регулярно появлялись на русской службе. В Московской Руси конца XV–XVII вв. инициатором найма иноземца всегда выступала государственная власть. Общество не оказывало этому сопротивления. При Василии III в Москве возникла первая Немецкая слобода – «Налейки», а при Иване IV в столице их было уже несколько. Один из служилых немцев, поступивший на русскую службу в конце XVI в., Конрад Буссов в своем сочинении о русской Смуте отметил, что в царствование Бориса Годунова в 1600–1601 гг. разрешено было построить в Старой Немецкой слободе на Яузе еще одну лютеранскую кирху Св. Михаила¹.

Дьяк Посольского приказа В.Я. Щелкалов пишет по этому поводу:

¹ Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. М., 1961. С. 85–86.

Государево милосердие ко всяким людям и к иноземцам, что царское величество по своему царскому милосердому обычаю жалует всех людей и всяких иноземцев, все ныне люди во благоденственном житье живут и Богу хвалу воздают, что Бог дал такова великого государя царя храброго и милостивого и праведного всему народу крестьянскому, да и чужеземцев всяких царское величество жалует².

В целом на протяжении всего XVII в. не существовало оснований для формирования «культуры отмены» или особых «защитных практик» внутри русского общества: иностранцы, носители иного культурного самосознания, не проникали внутрь общественных отношений, да и находились в России по воле государства.

Конфликт «латинствующих» и «грекофилов» в конце XVII в.

Раскол Русской православной церкви, возникший в результате церковной реформы патриарха Никона 1650-х гг., нельзя считать первым прецедентом «культуры отмены» или «защитной практики» в русском обществе. Дело в том, что «защитная практика» предполагает остракизм незначительного меньшинства в соответствии с позицией подавляющего большинства, тогда как в расколе проявилось противостояние практически равных друг другу частей общества – старообрядцев и никониан – каждая из которых воспринимала свою точку зрения как абсолютную религиозную истину. В этих условиях раскол стал состоянием российского общества на несколько десятилетий, отделявших момент проведения реформ патриархом Никоном от преобразований Петра I, включившего старообрядцев и никониан – Русскую православную церковь – в структуру новых отношений с обществом и властью³.

Одним из примеров формирования ненулевого конфликтного потенциала внутри российского общества и достаточно редким проявлением «защитных мер» как консолидированного общественного ответа на инакомыслие можно считать конфликт, разразившийся между царевной Софьей, ее прогрессивным окружением, и старомосковскими консервативными религиозными кругами, которые возглавлял патриарх Иоаким, предстоятель Русской церкви тех лет.

Патриарх Иоаким, центральная фигура русского консервативного направления мысли второй половины XVII в., выступил за скорейшее воцарение малолетнего Петра I сразу после смерти царя Федора Алексеевича. На собрании придворных и высших чинов, случившимся во дворце после смерти Федора Алексеевича, патриарх поддержал воцарение 10-летнего царевича Петра в обход его старшего единокровного брата 16-летнего царевича Ивана. По сути, именно авторитет патриарха возвел Петра на царство в апреле 1682 г. и обеспечил победу «партии Нарышкиных».

Как известно, после этих событий в мае 1682 г. сторонниками «партии Милославских» во главе с царевной Софьей был спровоцирован стрелецкий бунт, окончившийся воцарением второго самодержца – «старшего царя» Ивана V и началом регентства Софьи.

Вступив таким образом в открытое противостояние с патриархом Иоакимом, занимавшим консервативные позиции по всем вопросам церковной и общественной жизни, царевна Софья вынужденно прибегла к поддержке внутрицерковной оппозиции патриарху – тех, кого на языке церковного обихода именовали «папешниками» и «латинствующими». При царском дворе образовались две религиозно-политические группировки: «латинствующая» во главе с Сильвестром (Медведевым) и «грекофилами», возглавляемые самим патриархом⁴. Сторонники Сильвестра были весьма ло-

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАЛИ). Ф. 64. Д. 16. Л. 15.

³ Подробнее о характере раскола см.: *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: духовные движения XVII века. М., 1995.

⁴ *Гаврилов А.В.* Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872; *Смирнов П.А.* Иоаким, патриарх Московский. М., 1885; *Барсуков И.П.* Всероссийский патриарх Иоаким (Савелов). СПб., 1890.

ьяльны к усилению дипломатических и военно-политических контактов с западными странами, в то время как «грекофилы» осуждали подобные устремления.

Широко известно, что внутренние церковные конфликты, ереси и расколы существовали во все времена. И выделять факт осуждения ереси на соборе в качестве особой «защитной практики» общества в целом не является целесообразным, так как богословские дискуссии, как правило, остаются предметом споров внутри Церкви. Однако в данном случае богословский спор вышел далеко за рамки церковной дискуссии и стал предметом внутриполитического разбирательства.

Патриарх Иоаким был активным противником прозападных нововведений в России и для общественно значимого удара по «латинствующим» группам влияния при дворе прибег к проверенному временем способу борьбы с условными «западниками» – обратился за помощью к восточным патриархам. Для борьбы с «партией латинствующих» Московский патриарх пригласил двух ученых греков, монахов братьев Лихудов, рекомендованных Иерусалимским патриархом Досифеем. Рассчитывая на то, что его обращение к восточным патриархам вызовет тот же резонанс, что и во времена патриарха Никона – с тех пор участие греческих богословов в церковных вопросах воспринималось в России особенно живо и остро – патриарх Иоаким, вероятно, думал этим привлечь к данной проблеме внимание «московской общественности».

Пригласив греческих богословов в Москву, Патриарх Иоаким поручил им опровергнуть сочинения «латинствующих еретиков». Теперь ему приходилось неустанно бороться с западным влиянием на русскую аристократию, приказных и служилых людей, распространявшимся, по его мнению, либо западноевропейскими специалистами на русской службе протестантского или реже католического вероисповедания, либо польскими иезуитами, в качестве священников сопровождавших дипломатические миссии Речи Посполитой, либо скрытыми униатами, выходцами из Малороссии и Западной Руси. Расчет патриарха был верен – сторонники католического богословия не преминули воспользоваться возможностью проявить свои познания, полученные на скамьях иезуитских коллегий – тем более, что риторика там была обязательным предметом.

Сильвестр Медведев написал книгу под названием «Манна», в которой использовал аргументы католического учения о Таинствах церкви. Лихуды отвечали на это сочинение опровержением, которое названо «Акось, или врачевание, противополагаемое ядовитым угрызениям змиевым». В Москве открылась жаркая полемика по поводу богословских расхождений Сильвестра (Медведева) и Лихудов. Медведев и его сторонники пустили в ход сочинение киевского игумена Феодосия (Сафоновича) «Выклад о церкви святой» и от себя написали «Тетрадь на Иоанникия и Софрония Лихудов», а монах Евфимий Святогорец, сторонник Лихудов, написал в ответ Медведеву «От святых отец на защищение Восточной Церкви»⁵.

Братья Лихуды отозвались сочинением «Мечец Духовный»⁶, в котором изложили в форме диалогов свой спор, происходивший в Львове с иезуитом Руткою, обо всех различиях между православною и римско-католическою церквами. Прения на богословские темы из монастырской ограды перешли в мирские дома и даже на улицу. Люди, мало понимавшие суть богословских тонкостей, увлеклись этим вопросом: купцы, ремесленники и даже женщины стали спорить о догматических различиях между православием и латинской верой.

⁵ Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1885. Кн. 4. С. XVII.

⁶ Мечец духовный: Памятник рус. духов. письменности XVII в. / Соч. Иоанникия и Софрония Лихудов. Казань, 1866.

В исторической литературе не раз высказывалось предположение, что если бы правительство Софьи и В.В. Голицын устояло в августовские дни 1689 г., следующим Московским патриархом мог бы стать Сильвестр (Медведев). Однако это стало невозможным после того, как посланный царевной Софьей к брату Петру патриарх Иоаким перешел на сторону «партии Нарышкиных». Это окончательно завершило в пользу Петра правительственный кризис августа 1689 г. Софью и ее сторонников отстранили от власти.

В 1689 г. по инициативе патриарха был созван поместный собор, который предал анафеме «хлебопоклонническую ересь», заслушал покаянные исповедания «хлебопоклонных еретиков» Сильвестра Медведева и иерея Саввы Долгого, а также «учительное слово» от лица патриарха.

Постановление собора гласило следующее:

Чтохом покаянное саморучное писание прежде бывшего монаха Сильвестра Медведева, ныне же, за свое его самовольное от святых Восточных церквей и от мерности нашей отступничество, и за его зломудрие о пресуществлении святых Таин, и за лживое утверждение, паче же речи прельщение коварными словесы, чуждаго Латинского обычая, пришедшаго нова в церковь Всероссийскую, <...> имеехом его не точию из монашества изверженна, <...> но и проклята и от христианского спребывания, общения и именованья отлученна⁷.

После соборного осуждения Сильвестр (Медведев) был отправлен в Сыскной приказ, где был предан пыткам и публично казнен посредством четвертования. Его единомышленники были изгнаны из России. Усилиями патриарха Иоакима авторитет царевны Софьи и ее окружения был окончательно подорван их связями с вероотступниками.

Таким образом, ставка царевны Софьи на «латинствующих» внутри церкви стоила ей политического будущего, а многим ее сторонникам даже жизни. Буквально через несколько месяцев после описанных событий Софья была свергнута с регентского престола партией Нарышкиных во главе с молодым Петром I и его матерью.

Таким образом, этот прецедент стал одним из первых случаев использования богословской дискуссии в качестве инструмента внутривластной борьбы с последующей фрагментацией общества, выделения инакомыслящего меньшинства на фоне доминирующего большинства. Это стало основой для осуществления так называемой «защитной практики» или «культуры отмены» против «латинствующих» в обществе и в государстве на основе осуждения ереси хлебопоклонничества. Однако, став мощным толчком к низложению царевны Софьи и элементом комбинации, приведшей к победе клана Нарышкиных, это событие не вошло в политическую культуру или традицию российского общества, не оказало заметного влияния на распространение подобных «защитных практик» в истории России.

В XVIII в. проявления «защитной практики» стали еще более редкими, поскольку политика Петра I и его преемников открывала новую страницу в истории российского общества, создала новые институты социальной жизни, сформировала новую историческую повестку. В условиях постоянной переменчивости и подвижности общество все время пребывало в состоянии формирования собственной

⁷ Соборное постановление о разрешении от церковного отлучения Симеона Медведева. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией Т. 5. 1676–1700. С. 337. (Перевод соборного постановления на современный русский язык: «Прочли покаянное собственноручное письмо от бывшего монаха Сильвестра Медведева, ныне отлученного от Восточной церкви за самовольное отступничество и злонамеренное распространение еретического учения о пресуществлении святых Таин и распространении чуждого нам латинского обычая, ныне проникшего в церковь Всероссийскую... определить его не только быть лишенным монашеского чина, но и отлученным от церкви и преданным анафеме». – *Н.М., А.С., Т.Ч.*)

идентичности и не могло сегментировать внутреннюю жизнь по принципу «свое-чужое», подвергая инородные элементы порицанию и отторжению. Первой «защитной практикой» после многих десятилетий бурного реформационного процесса стало время правления Павла I.

Павел I и попытки «отменить» Французскую революцию

Еще в XVII в. в российском политикуме сформировалась устойчивая идея противодействия любому антимонархическому, революционному движению, защиты самодержавия как безусловной ценности. Еще 1 июня 1649 г. царь Алексей Михайлович принял решение выдворить из России всех английских купцов и прочих подданных Британии. Решение было обусловлено революцией в Англии и казнью короля Карла:

Вы всю землю вашу учинили большое злое дело, Государя своего Карлуса короля убили до смерти⁸.

Тем более острой должна была быть реакция конца XVIII в., когда социально-политическое развитие России значительно приблизило ее внутриполитическое положение к положению тех стран, в которых происходили революции, и эта угроза теперь могла восприниматься российским двором как потенциально существенная для России.

Взятие Бастилии и начало революции в Париже в июле 1789 г. всполошили всю тогдашнюю Европу. И хотя в первое время массовых казней сторонников Бурбонов не производилось, европейские монархи смотрели на парижские события с гневом и ужасом. Не стал исключением и русский двор. Но если Екатерина II в первое время к революционным событиям относилась спокойно и даже слегка злорадствовала над Бурбонами (которых считала неспособными правителями⁹), то ее сын и наследник Павел был вне себя от ужаса и ярости. Однажды Павел Петрович читал газеты в кабинете императрицы и выходил из себя:

– Что они все там толкуют! – воскликнул он. – Я тотчас все бы прекратил пушками.

Екатерина ответила сыну: «Vous êtes une bête féroce¹⁰, или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями?»¹¹.

Разумное возражение императрицы спокойствия Павлу не принесло – он опасался, что «до истечения двух лет вся Европа... будет перевернута вверх дном»¹².

Став императором в 1796 г., Павел поставил своей целью «отменить» революцию. И раз уж этого нельзя было сделать в самой Франции, то необходимо было создать надежный заслон идеям, модам и даже словам из Франции на их пути в Россию. Принятые ради достижения этой цели меры можно условно разделить на три блока: борьбу с людьми (ограничение на въезд в Российскую империю), борьбу с символами (одежда) и борьбу с идеями (книжная цензура).

Самым простым способом «отменить» влияние Французской революции на страну было ввести строгий контроль на границах для иностранцев, ехавших в Россию. В екатерининское время многие жители западноевропейских стран охотно приезжали в Петербург и Москву, нанимаясь на службу в государственные струк-

⁸ Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2007. С. 176.

⁹ См.: Эйдельман Н. Я. Мгновенье славы настает...: год 1789-й. Л., 1989. С. 116–118.

¹⁰ Вы кровожадный зверь (франц.).

¹¹ Шильдер Н.К. Император Павел I. М., 2009. С. 182–183.

¹² Эйдельман Н.Я. Грань веков. Секретная династия. М., 2008. С. 53.

туры или к частным лицам. Немало среди них было и уроженцев Франции. Их число существенно выросло после событий 14 июля 1789 г., когда напуганные сторонники свергнутого короля Людовика XVI бросились за помощью и защитой к европейским монархам, в частности, к Екатерине II. Та им охотно помогала, демонстративно милостиво принимая при дворе. Однако после вступления на трон ее сына ситуация поменялась. Павел I, по словам близкого к нему Ф.В. Ростопчина, «всюду видит ветви революции. Он всюду находит якобинцев»¹³. Неудивительно, что вскоре после воцарения, 28 июля 1798 г., он издал именной указ генерал-лейтенанту Х.И. фон Бенкендорфу, рижскому военному губернатору, гласивший:

Развратные правила и буйственное воспаление рассудка, поправшие закон Божий и повиновение установленным властям, рассеянные в некоторой части Европы, обратили внимание наше...

Поэтому все иностранцы, прибывающие в Россию по торговым делам, должны были «всенепременно» иметь у себя «рекомендательные или поручительные письма от торговых домов того самого города или государства, где они жительствуют, к кому-либо из наших подданных», без этих бумаг въезд иностранцам был воспрещен. Российские консулы должны были давать разрешения на въезд

не сомнительным людям без отлагательства, отписывая, кто именно, откуда, в которое место державы нашей и зачем следует, и к кому адресован, и в то же время о сем проезжем и обо всем уведомлять нас, донося о тракте, чрез который иностранцы ехать намерены¹⁴.

Выстроив «внешний» рубеж обороны и надеясь заранее отсечь тех иностранцев, которые могли быть потенциальными переносчиками «революционной заразы», Павел I обратил пристальное внимание на уже проникшие в страну семена «якобинства». К удивлению и даже ужасу жителей столицы и других крупных городов, император энергично взялся за наведение порядка в одежде. И лишь на первый взгляд эта борьба с костюмом кажется странной или сумасбродной. Дело в том, что символическое сознание было особенно присуще Средневековью, в котором любой материальный артефакт (цветок, дерево, цвет шарфа) имел, помимо прямой функции, еще и существенную символическую составляющую¹⁵. Рыцарская культура, столь горячим поклонником которой был Павел I, была насквозь проникнута символизмом. Стоит ли удивляться, что российский император, серьезно полагавший себя последним «рыцарем Европы» (многие современники в голос отмечали удивительное сочетание в Павле жестокости и рыцарства¹⁶) придавал такое большое значение символам и, соответственно, борьбе с ними.

Как известно, при Екатерине II петербургский двор был одним из самых роскошных и утонченных в Европе, не уступая в этом и парижскому. В Петербурге дамы высшего света (а с ними и мужчины) пристально следили за последними модными веяниями из Парижа, стремясь ни в чем не отставать от тамошних щеголих. Павел I всю эту «вольницу» повелел прекратить, словно бы веря, что от фасона шляпы или платья зависит стабильность державы. Уже в декабре 1797 г. военный губернатор Санкт-Петербурга получил от императора указание

о строгом и неупустительном наблюдении дабы штатские чины, и приказные служители, и все отставные отнюдь не носили жилетов, курток, панталонов, толстых галстуков и никаких фра-

¹³ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Павел I. С. 183.

¹⁴ Гено А. Павел I. Собрание анекдотов и отзывов, характеристик, указов и проч. СПб., 1901. С. 161–162.

¹⁵ См.: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984; Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.

¹⁶ См.: Эйдельман Н.Я. Грань веков. Секретная династия. С. 75.

ков, и других платьев, и других платьев кроме мундиров по высочайше апробованным (то есть одобренным. – Н.М., А.С., Т.Ч.) образцам¹⁷.

При этом «кафтаны немецкие не запрещаются»¹⁸. Эта мера может показаться абсурдной и нелепой, но это лишь на первый взгляд. Жилеты, панталоны и фраки были не просто несколько фривольной гражданской одеждой, раздражавшей привыкшего к унифицированной и стандартизированной военной (или чиновничьей) форме императора. Все вышеприведенные элементы костюма устойчиво ассоциировались (причем не только у Павла I) с революционерами-парижанами. Запрет ношения фраков являлся попыткой российского самодержца поставить барьер распространению опасной «революционной заразы» не только в умах, но в одежде. Если даже такие неявные элементы «революционного костюма» подвергались запретам, то что уж говорить о куда более заметных деталях? В скором времени последовали новые запрещения: «не носить башмаков с лентами, а иметь оные с пряжками»; «не увертывать шею безмерно платками, галстуками или косынками»; «воспрещается ношение синих женских сюртуков с красными воротниками и белой юбкою» и т. п.¹⁹

Непривыкшие к таким строгостям подданные Павла I поначалу растерялись, не очень понимая, насколько серьезно император собирается бороться с панталонами и башмаками с лентами. Оказалось, что вполне серьезно. Один из указов императора гласил:

Усмотрели мы развратные поступки Литовской губернии бржетского городничего Пирха, который, забыв все обязанности служения, противу узаконений наших публично ходил в круглой шляпе, во фраке и сею неблагопристойною одеждою ясно изображал развратное свое поведение...²⁰

Кара была незамедлительной и суровой: несчастный городничий был «выкинут со службы»²¹. От невнимательности к элементам костюма (случайной или сознательной) страдали не только чиновники средней руки в далеких от столицы городах. Князь И.М. Долгоруков, завсегда гатчинского кружка, принимавший участие в домашних дворцовых спектаклях тогда еще наследника престола Павла Петровича, полностью отрезал себе все карьерные пути такой же фривольной манерой одеваться. Будучи пензенским вице-губернатором (1791–1796 гг.), Долгоруков следил за событиями в Париже и,

как энтузиаст, пленялся софизмами гг. философов и равнодушен был к их успехам. Тогда во Франции брошены титулы, наряды, ордена. Я, находя это очень покойным, перенял моду не чесаться и не пудриться: отличительная наружная черта республиканца в Париже. По ней судил меня слишком бегло князь Куракин и утвердился в тех мыслях, что я якобинец, как будто бы помада и пудра или цвет шапки делают человека и образуют его характер». А.Б. Куракин, один из ближайших доверенных лиц цесаревича, рассказал об этом Павлу, тот «был напуган уже потоком революции, это внушение подействовало на него, и он убедился, что я преопасный гражданин и, как говорилось тогда, «un républicain engagé»²². Довольно было такого несчастного впечатления, чтобы погубить меня со временем совершенно. <...> Павел, взойдя на престол, тотчас выключил меня из службы, в которую я с большим трудом вступил после опять, но все царствование его был гоним и обижаем собственно им самим»²³.

¹⁷ Указы и распоряжения, состоявшиеся в царствование Павла I // Русская старина. 1871. Т. 3. Вып. 5. С. 639.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Гено А. Павел I. Собрание анекдотов... С. 235–238.

²⁰ Там же. С. 230.

²¹ Там же.

²² Ярый республиканец (франц.).

²³ Там же. С. 170.

Элементы одежды были важным символом ненавистного Павлу I «якобинского» (революционного) духа. Но куда более ярким и, главное, явным его выразителем были слова и термины. «Пушки не могут воевать с идеями», резко бросила императрица Екатерина II своему наследнику. Сменив мать на престоле, Павел I решил словно бы проверить этот тезис на прочность. Он объявил войну и Французской республике, и словам, которые с ней ассоциировались. Попытка запретить «революционную лексику» была оформлена распоряжением императора «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими». В частности, вместо слов «общество» следовало в донесениях на высочайшее имя писать «собрание», слово «гражданин» превратилось в «купца или мещанина», «стража» (попавшее по непонятным причинам в этот список) была заменена на «караул» и т. д.²⁴ В борьбе с галлицизмами (истинными и мнимыми) император вновь дошел до абсурда: из-за запрета слова «караул» шеф гренадерского полка Лобанов приказал священнику петь на заутрене «На божественном карауле богоглаголивый Аввакум...» (вместо «На божественной страже...»)²⁵. Можно согласиться с мнением Н.Я. Эйдельмана, что

смешные запреты слов «клуб», «совет», «представители» – это не просто борьба с якобинской терминологией, а «запрет революции»²⁶.

Подозрительные иностранцы, фраки и панталоны, даже слова «собрание» и «гражданин» можно назвать лишь прелюдией к главной мере по «отмене» Французской революции. Основной удар по позициям «якобинцев» Павел I готовил в области слова печатного при помощи цензуры. К сожалению, мы очень мало знаем о юношеских годах Павла Петровича, когда он рос и воспитывался. Свидетельств и источников дошло немного. Но среди сохранившихся историй о молодом Павле есть такая:

Еще мальчиком цесаревич Павел Петрович сказал 22 декабря 1764 года Порошину²⁷: «Куда как книг-то много, ежели все взять сколько ни есть их; а все-таки пишут да пишут»²⁸.

С кончиною Екатерины II отношения правительства к литературе не только не изменились к лучшему, но сделались еще суровее. Екатерина, пережившая все фазисы французской революции, казнь Людовика XVI и предшествовавшее ей убийство Густава III шведского, еще имела некоторое основание ограждать Россию от наплыва новых идей, враждебных самодержавию и не менее того духу народному²⁹.

Новый император стал подозревать, что именно через книги быстрее и вернее всего «якобинские идеи» попадают в границы вверенной ему державы. Этот канал следовало перекрыть. Важность, которую император придавал цензуре, подчеркивалась тем, что большинство дел по запрету тех или иных сочинений в России рассматривалось в особом Совете, в состав которого входили министры 7-ми департаментов (или министерств), а также вице-канцлеры. Из подсчетов М.В. Ключкова следует, что рассмотрение книг происходило на заседаниях Совета в общем с 25 июня 1797 г. до 18 апреля 1800 г. По годам цифры выглядят следующим образом: в 1797 г. – на 22-х заседаниях (из общего количества за год – 52); в 1798 г. – тоже на 22-х

²⁴ Распоряжение императора Павла об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими // Русская старина. 1872. Т. 6. Вып. 7. С. 98.

²⁵ Гено А. Павел I. Собрание анекдотов... С. 111.

²⁶ Эйдельман Н. Я. Грань веков. Секретная династия. С. 71.

²⁷ С. А. Порошин – публицист, мемуарист, один из воспитателей Павла I.

²⁸ Шильдер Н. К. Император Павел I. С. 322.

²⁹ Каратыгин П. П. Цензура времен императора Павла I. 1796–1801 // Исторический вестник. 1885. Т. 22. № 10. С. 152.

(из 28-ми), в 1799 г. – на 20-ти заседаниях (из 20-ти) и в 1800 г. – на 5-ти (из 16-ти), а всего цензурные дела обсуждались на 59-ти заседаниях (из общего количества 133 за павловское время), причем иногда рассмотрение книг и чтение рапортов цензуры занимало целиком заседание Совета, но больше всего цензурные дела были только частью, так сказать, повестки Совета³⁰. При этом

в Совет поступали книги, уже просмотренные цензурой и признанные ею «недозволенными» или же «сомнительными», так что в этом случае Совет играл роль как бы главного цензурного комитета. Совет в большинстве случаев соглашался с цензурой, и книги, представленные ему, запрещал; впрочем, окончательное решение предоставлялось высочайшей власти³¹.

«Высочайшая власть» поступала с книгами и теми, кто их выписывал, максимально сурово. Например, из 25-ти книг, представленных рижской цензурой на Совет, все были запрещены, а резолюция Павла I на их счет гласила: «Книги сжечь, а хозяев, отыскав, поступить с ними по законам за выписку оных»³². Иными словами, Совет, превратившись в верховный цензурный орган, разрешал сомнения нижестоящих структур, на которые и выпала основная задача по борьбе с «тлетворным влиянием».

Взглянем на «рядовых бойцов» цензурного фронта. Еще в 1797 г. для просмотра книг, привозимых из-за границы, были назначены особые цензора при таможах, в обеих столицах, в Риге и в Радзивилове³³. Действовали цензоры в страшной спешке. Например, на рижской таможне «даже не успевали своевременно прочитывать все поступающие в таможню книги»³⁴. Но при этом, по официальным документам, в течение двух лет (1797–1799) всех книг было конфисковано 639, из которых 552 – только при одной рижской таможне³⁵. Никаких критериев, по которым следовало бы отличать «вредные» сочинения от неопасных, само собой, не существовало. Цензоры действовали, ориентируясь на свой вкус, общее понимание предмета и представление о том, что от них ждут в Петербурге. Стоит ли удивляться, что часто их «самодеятельность» приводила к забавным и одновременно нелепым запретам: стараниями «знаменитого обскуранта» Ф.О. Туманского на рижской таможне были обречены на сожжение такие произведения, как «Путешествие Гулливера» Свифта, «Дитя любви» (драма Коцебу), книга для детей «Часы досуга», «Нравственные рассказы Августа Лафонтена»³⁶. При этом выглядит удивительным разрешение (хоть и с некоторыми оговорками) сочинения Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре»³⁷. Причудлива была судьба сочинений другого французского Просветителя, Вольтера, которого можно смело назвать одним из главных идейных вдохновителей Французской революции. Вряд ли Павел I читал труды бывшего корреспондента своей матушки, однако имя его точно знал и относился с ненавистью и подозрением. Каково же было удивление цензоров, когда сочинения великого насмешника Вольтера в России сперва решили не запрещать к ввозу. По довольно, в общем, разумной причине:

Так как до сего времени сочинения Вольтера были ввозимы в Россию в великом множестве экземпляров и находятся во всех книжных магазинах и библиотеках, то преграждением дальнейшего ввоза их не будет достигнута цель³⁸.

³⁰ Клочков М. В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 175.

³¹ Там же.

³² Цензура в России при императоре Павле. 1797–1799 (далее – Цензура в России...) // Русская старина. 1875. Т. 14. Вып. 11. С. 462.

³³ Ныне – г. Радзивилов, Украина.

³⁴ Цензура в России... С. 455.

³⁵ Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I... С. 153.

³⁶ Там же. С. 153–154.

³⁷ Цензура в России... С. 458.

³⁸ Там же. С. 457.

Однако в итоге желание оградить русскую публику от новых книг Вольтера перевесило – их ввоз в страну был запрещен³⁹.

Доставалось не только французским просветителям. Цензоры беспощадно преследовали любые трактовки событий во Франции с выражением симпатии к революционерам (или с критикой Людовика XVI и его курса). Так, книга «Энциклопедический магазин» была запрещена в России за «описание причин французской революции, с обвинением короля страдальца и многих его министров по нынешнему вкусу», а также за «выражения, токмо нынешним французам (то есть сторонникам революции. – *Н.М., А.С., Т.Ч.*) свойственные»⁴⁰. Примерно по тем же сообщениям был запрещен журнал «Минерва» на немецком языке: за «рассуждение в пользу Франции и в обиду монархических войск» и «воззв в пользу нынешнего (то есть республиканского. – *Н.М., А.С., Т.Ч.*) правления Франции». Цензор резюмировал:

Подобные воззвы суть ныне средства к распространению вольнодумства и развращению народов⁴¹.

На притеснения цензуры пенял и выдающийся писатель Н.М. Карамзин. В письме И.И. Дмитриеву он жаловался:

Цензура, как черный медведь, стоит на дороге; к самым безделицам придирается. Я перевел несколько речей из Демосфена... но цензоры говорят, что Демосфен был республиканец, и что таких авторов переводить не должно, и Цицерона тоже, и Саллюстия также... grand Dieu⁴²! Что же выйдет из моего Пантеона?⁴³

Если претензии цензоров к вышеперечисленным сочинениям еще можно хоть как-то рационально объяснить, то в чем состояли придирки, например, к книге «Часы досуга», в самом названии которой явно выражена цель издания? У нас есть возможность понять это: цензура возмутилась тем, что автор статьи о бое быков назвал его

подлым и бесчеловечным, а он был назначен королем и происходил в его присутствии, что не иначе как до двора королевского относится⁴⁴.

Справедливости ради стоит заметить, что «Часы досуга» были все же пропущены цензурой⁴⁵. Такая суматошная, ничем не регламентированная работа цензуры не обходилась, разумеется, без абсурда. Однажды супруга Павла I, Мария Федоровна, выписала себе из-за границы книги. Таможня, не получив предписания об исключении императрицы из общего правила, задержала адресованные ей книги. В итоге помогла только личная жалоба царственному супругу⁴⁶.

Однако Павлу I все время казалось, что принимаемых мер недостаточно. Еще в 1798 г. российский император не только «отменял» французскую революцию в своей стране, но и боролся с ней в Европе – Россия в тот год вступила в антифранцузскую коалицию, открывшую военные действия на море и на суше. Желая не только сокрушать врага на поле боя, но и не дать ему никаких шансов в противостоянии идеологическом, 7 марта 1799 г. Павел I повелел

³⁹ Цензура в России... С. 457.

⁴⁰ Там же. С. 456–457.

⁴¹ Там же. С. 457.

⁴² Великий Боже (*франц.*).

⁴³ Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Павел I. С. 322.

⁴⁴ *Каратыгин П. П.* Цензура времен императора Павла I... С. 154.

⁴⁵ Цензура в России... С. 464.

⁴⁶ *Гено А.* Павел I. Собрание анекдотов... С. 174.

чтобы впредь все книги, коих время помечено каким-нибудь годом Французской республики были запрещаемы⁴⁷.

Цензоры вздохнули облегченно – для них наконец наступила ясность в вопросе о том, какие сочинения допускать нельзя. При этом из-за указа 7 марта в России был запрещен выпуск 13 французских книг, большей частью научного содержания, то есть совершенно невинных и политически никак не окрашенных⁴⁸.

Борьба с книгами и подозрительными иностранцами ложилась тяжелым бременем не только на таможенную и цензурную. В нее в полной мере были включены и исполнительные власти «внутренних губерний». Типичным в этом случае можно назвать предписание казанского губернатора местному городничему:

Сильнейше наблюдать дабы отнюдь не было никаких сочинений, кои могли бы или нарушать общее благосостояние, или же наносить и самый тому вред⁴⁹.

Виновных же в их распространении «взять под караул», а «сочинения таковые и самые от них последствия истреблять и не допускать распространиться им ни до какой степени». Кроме того, городничему было строго предписано

обращать внимание свое и на всех иностранцев, въезжающих в империю, дабы о состоянии своем имели они законные удостоверения и не покушались бы рассеивать каких-либо разглашений или сочинений своих⁵⁰.

Однако финальная точка в деле «отмены» французской революции была поставлена Павлом I указом от 18 апреля 1800 г. Дословно он гласил:

Так как чрез ввозимые из-за границы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, от отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из-за границы всякого рода книг, на каком бы языке оны ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку⁵¹.

Запрет на ввоз любых книг (и почему-то нот) был логичным финальным актом драмы под названием «Отмена французской революции».

Был ли он эффективным в той мере, в какой хотелось российскому императору? Сомнительно. Екатерина II была права: «пушки» (в данном случае, цензурные препоны) в самом деле не могут «воевать с идеями». Это прекрасно понимал сын Павла I и внук Екатерины II – Александр I. Едва вступив на престол, он именным указом Сенату от 31 марта 1801 г., повелел:

Простирая попечения наши на пользу верноподданных наших и желая доставить им все возможные способы к распространению полезных наук и художеств, повелеваем учиненное указом 18 апреля 1800 года запрещение на впуск из-за границы всякого рода книг и музыки отменить⁵².

Борьба за «отмену» французской революции окончилась.

Как можно оценить попытки Павла I при помощи цензурных и иных ограничений поставить заслон на пути распространения идей французской революции? Как было показано выше, несмотря на строгость мер и жестокое преследование провинившихся, власти не удалось изолировать российское общество от происшедшего во Франции. Эту цель в общем стоит признать утопической. Бросается

⁴⁷ Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I... С. 154–155.

⁴⁸ Цензура в России... С. 467.

⁴⁹ Указы и распоряжения, состоявшиеся в царствование Павла I. С. 634.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. № 19387.

⁵² Там же. № 19807.

в глаза и другой аспект: борьба Павла I с революцией происходила уже в тот момент, когда в самой Франции у власти давно не было ультрареволюционеро-якобинцев. Выходило, что

Павел I ужасался революции задним числом; он с яростью попирает остатки якобинизма, принимал эхо за живой голос, тень за живое существо, внешность за внутренность⁵³.

Важно заметить, что «отмена революции» означала для Павла I не только запрет революционных книг или мод, а отмену *вообще всего французского*. Совершенно очевидно, что, взяв на себя непосильную задачу, император не смог ее исполнить, даже обладая всеми ресурсами огромного государства. Одна из первых в русской истории попыток «отмены» (в смысле запрета, то есть «защитной практики») провалилась.

Выводы

Таким образом, рассмотрев «защитные практики» в русской истории XVII–XVIII вв. как церковные, так и светские, можно сделать вывод, что при некотором внешнем сходстве со стратегиями «культуры отмены» (запрет того или иного явления и порицание тех, кто это явление поддерживает и распространяет), на лицо явные отличия. «Защитные практики» XVII–XVIII вв. были вызваны прежде всего соображениями политическими, представляли собой способы борьбы прежде всего с политическим инакомыслием, опасным для власти (церковной или светской). Если то или иное лицо не поддерживало «вредные идеи», то «защитная практика» более не представляла для него опасности. Иными словами, борьба шла не с конкретными людьми, не с национальными культурами, а с отдельными явлениями. И носила она не последовательный, а ситуативный характер.

Поступила в редакцию / Submitted: 29.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 18.05.2023

References

- Barsukov, I.P. *Vserossiiskii patriarkh Ioakim (Savelov)* [All-Russian Patriarch Joachim (Savelov)]. St. Petersburg: O-vo Liubitelei dukhovnogo prosveshcheniia Publ., 1891 (in Russian).
- Bussov, K. *Moskovskaia khronika 1584–1613 gg.* [Moscow Chronicle 1584–1613]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1961 (in Russian).
- Eidelman, N.Ia. *Gran' vekov. Sekretnaia dinastiia* [Edge of the ages. Secret dynasty]. Moscow: Vagrius Publ., 2008 (in Russian).
- Gavrilov, A.V. *Literaturnye trudy patriarkha Ioakima* [Literary works of Patriarch Joachim]. St. Petersburg: Strannik Publ., 1872 (in Russian).
- Geno, A., Tomich. *Pavel I. Sobranie anekdotov i otzyvov, kharakteristik, ukazov i proch* [Pavel I. Collection of anecdotes and reviews, characteristics, decrees, etc.]. St. Petersburg: Sinodal'naia tipografiia Publ., 1901 (in Russian).
- Golubtsov, A.P. *Preniia o vere, vyzvannye delom korolevicha Val'demara i tsarevny Iriny Mikhailovny* [The Debate on Faith Caused by the Case of Prince Valdemar and Princess Irina Mikhailovna]. Moscow: Tip. A.I. Snegirevoi Publ., 1891 (in Russian).
- Karatygin, P.P. "Tsenzura vremen imperatora Pavla I. 1796–1801 [Censorship under Emperor Paul I. 1796–1801]." *Istoricheskii vestnik* 22, no. 10 (1885): 151–160 (in Russian).
- Klochkov, M.V. *Ocherki pravitel'stvennoi deiatel'nosti vremeni Pavla I* [Essays on government activities of the time of Paul I]. Petrograd: Senatskaia tipografiia Publ., 1916 (in Russian).
- Preobrazhenskii, A.A., Morozova L.E., and Demidova, N.F. *Pervye Romanovy na rossiiskom prestole* [The first Romanovs on the Russian throne]. Moscow: IRI Publ., 2007 (in Russian).

⁵³ Каратыгин П.П. Цензура времен императора Павла I... С. 153.

- Shilder, N.K. *Imperator Pavel I* [Emperor Pavel I]. Moscow: Veche Publ., 2009 (in Russian).
- Shliapkin, I.A. *Sv. Dimitrii Rostovskii i ego vremia (1651–1709 g.)* [St. Demetrius of Rostov and his time (1651–1709)]. St. Petersburg: A. Transhel' Publ., 1891 (in Russian).
- Smirnov, P.A. *Ioakim, patriarkh Moskovskii* [Joachim, Patriarch of Moscow]. Moscow: L.F. Snegireva Publ., 1885 (in Russian).
- Zenkovskii, S.A. *Russkoe staroobriadchestvo: Dukhovnye dvizheniia XVII veka* [Russian Old Believers: Spiritual movements of the 17th century]. Moscow: Tserkov' Publ., 1995 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Николай Алексеевич Могилевский, канд. истор. наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76; n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-6256>

Nikolay A. Mogilevskiy, Dr. Habil. Hist., PhD in History, Ass. Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3186-6256>

Алексей Владимирович Скиженок, канд. истор. наук, старший преподаватель кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76; francealex8@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0624-6258>

Alexey V. Skizhenok, PhD in History, Senior Lecturer of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; francealex8@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0624-6258>

Татьяна Васильевна Черникова, д-р истор. наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76; tchernikova1961@mail.ru

Tatiana V. Chernikova, Dr. Habil. Hist., Professor of the Department of World and Domestic History, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University); 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia; tchernikova1961@mail.ru

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-484-495>
EDN: VRFAGW

Научная статья / Research article

Реорганизация дипломатических представительств Российской империи в Северо-Восточном Китае в начале XX века: по материалам АВПРИ

Елена Олеговна Старовойтова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

 e.starovoytova@spbu.ru

Аннотация: Рассмотрены ранее малоизученные аспекты деятельности российских дипломатических представительств в Китае конца XIX – начала XX в. с целью установить особенности повседневной жизни консульских учреждений Российской империи в Китае. Исследование строится на основе копий ответов служащих российских консульских учреждений в Маньчжурии на вопросы анкеты, составленной специальной Комиссией по реорганизации заграничной службы при МИД в 1907 г. Данные документы хранятся в Архиве внешней политики Российской империи МИД РФ и впервые вводятся в научный оборот. Выясняется, что помимо тяжелых условий жизни в непривычном климате чиновники МИД в Китае сталкивались с большим количеством бытовых сложностей, недостатком рабочих материалов и финансирования. Разногласия по поводу разграничения консульских округов, а соответственно, и полномочий дипломатов приводили к несогласованности деятельности российских консулов в Китае. Тем не менее, несмотря на трудности, российские дипломаты на местах при любых обстоятельствах оставались верны долгу своей службы и делали все возможное в интересах собственного государства, стремясь в то же время наладить дружественные и равноправные отношения с китайской стороной.

Ключевые слова: А.П. Извольский, история российской дипломатии, заграничная служба, Нючжуан, российско-китайские отношения

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-28-00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX – начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное измерения»). <https://rscf.ru/project/22-28-00858/>

Для цитирования: Старовойтова Е.О. Реорганизация дипломатических представительств Российской империи в Северо-Восточном Китае в начале XX века: по материалам АВПРИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 484–495. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-484-495>

Reorganization of Diplomatic missions of the Russian Empire in North-East China During the Early XX Century: based on Materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire

Elena Starovoytova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

 e.starovoytova@spbu.ru

Abstract: In their article, author considers previously little-studied aspects of the activities of Russian diplomatic missions in China in the late XIX – early XX century in order to explore the features of the daily life of the consular offices of the Russian Empire in China. The study is based on the copies of the answers of the Russian consular office employees in Manchuria to the questionnaire

© Старовойтова Е.О., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

compiled by a special Commission for the Reorganization of the Foreign Service under the Ministry of Foreign Affairs in 1907. These documents are stored in the Foreign Policy Archive of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, and have been introduced used publicly for scientific use for the first time here. From the available material, it is apparent that in addition to the difficult living conditions in unusual climate, Foreign Ministry officials in China faced a large number of domestic difficulties, a lack of working materials, and funding. Disagreements over the delimitation of consular districts and the powers of diplomats led to inconsistency in the activities of Russian consuls in China. Nevertheless, despite the difficulties, under any circumstances Russian diplomats remained committed to their duty and did their best in the interests of their state, at the same time striving to establish friendly and equal relations with their Chinese counter-parts.

Keywords: A.P. Izvolsky, history of Russian diplomacy, foreign service, Niuzhuang, Russian-Chinese relations

Acknowledgements and Funding: This research was funded by the Russian Science Foundation project no. 22-28-00858 “Russian diplomats in China (second half of the XIX – early XX Centuries): political and socio-cultural dimensions,” <https://rscf.ru/en/project/22-28-00858/>

For citation: Starovoytova, Elena. “Reorganization of Diplomatic missions of the Russian Empire in North-East China During the Early XX Century: Based on Materials from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 484–495 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-484-495>

Введение

Деятельность отечественных дипломатов-китаеведов конца XIX – начала XX в. является примером межцивилизационного диалога, выявление различных аспектов которого позволяет понять и объяснить многие явления как в российско-китайских межгосударственных отношениях, так и в области внутреннего развития социумов обоих государств¹. В этой связи освещение «белых пятен» в истории деятельности российских дипломатических представительств в Китае сегодня является крайне актуальным.

Существует достаточное количество научных трудов по истории российской дипломатии в Китае рубежа XIX–XX вв. Исследователи определили круг обязанностей российских консулов и их полномочий². Общепризнанным является утверждение, что успехи России в регионе были во многом обусловлены деятельностью отечественных дипломатов, зачастую профессиональных китаеведов, которые в своей работе руководствовались, прежде всего, национальными интересами, в то же время стремясь поддерживать равноправные и взаимовыгодные отношения с китайской стороной, а также сохранять баланс сил в отношениях с другими государствами³.

В основном же исследования посвящены судьбам отдельных дипломатов, служивших в Китае в различные периоды. Среди них прежде всего работы Дж. Ленсена, А.Н. Хохлова, Н.А. Самойлова, Е.И. Нестеровой, А.М. Харитоновой⁴. Исследо-

¹ Самойлов Н.А. Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2006. № 4. С. 121.

² См.: Сизова А.А. Политическое измерение деятельности консульской службы России в Западном Китае во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 1 (13). С. 103–107.

³ См.: Наземцева Е.Н. «Закат» имперской и «восход» советской дипломатии в провинции Синьцзян: консульства бывшей Российской империи и «советские консулы» в 1917–1920 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 5. С. 143–158. <https://doi.org/10.31857/S013128120021109-0>.

⁴ Lensen G.A. Russian diplomatic and consular officials in East Asia: A handbook of the representatives of tsarist Russia and the provisional government in China, Japan and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet representatives in Japan from 1925 to 1968; compiled on the basis of Russian, Japanese, and Chinese sources with a historical introduction. Токуо, 1968; Хохлов А.Н. 1) Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цицикарского протокола 1911 г. // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42.

вания В.Г. Шароновой посвящены деятельности российского императорского консульства в Нючжуане⁵.

Настоящая статья посвящена рассмотрению ранее малоизученные аспекты деятельности российских дипломатических представительств в Китае конца XIX – начала XX в. с целью установить особенности повседневной жизни консульских учреждений Российской империи в Китае.

На рубеже XIX–XX вв. Дальний Восток стал местом столкновения геополитических интересов Российской империи, западных держав и активно модернизирующейся Японии. В 1896 г. Россия и империя Цин заключили в Москве секретный союзный договор, а также контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД, а в 1898 г. стороны подписали конвенцию об аренде Россией портов Порт-Артур и Дальний на Ляодунском полуострове⁶. Эти соглашения существенно расширили присутствие России в регионе, но в то же время насторожили ее соперников. После поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. с целью защиты интересов собственных подданных в регионе Российская империя открыла на Северо-Востоке Китая восемь консульских представительств – в городах: Айгунь, Гири (Цзилинь), Куанчэнцзы (Чанчунь), Мукден (Шэньян), Нючжуан (Инкоу), Хайлар, Харбин и Цицикар.

После революции 1905–1907 гг. государственное устройство Российской империи подверглось определенному реформированию. С 1906 г. в стране постепенно начал формироваться новый центр принятия решений по вопросам внешней политики. Важную роль в этих процессах играл тогдашний министр иностранных дел Российской империи А.П. Извольский (1856–1919), который стремился изменить взаимоотношения царской власти и министерства, с тем чтобы последнее обладало большей автономией при принятии решений. С целью реформирования в 1907 г. при МИД была создана специальная Комиссия по реорганизации заграничной службы (далее – Комиссия) во главе с товарищем министра К.А. Губастовым (1845–1919). В состав Комиссии входили 23 постоянных члена, среди которых были представители Совета и директора департаментов МИД, советники, делопроизводители. На заседания также приглашались лица с докладами⁷. В 1910 г. начался очередной этап

№ 2. С. 259–275; 2) Дмитрий Дмитриевич Покотилов // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 36–54; 3) *Куньинист Д.Д. Покотилов в начале дипломатической карьеры // Общество и государство в Китае. 2011. Т. 41. № 1. С. 155–168 и др.; Самойлов Н.А. 1) Реформы в цинском Китае начала XX в. глазами российских дипломатических представителей (по документам из фондов РГИА) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 6. С. 175–188; 2) Иван Яковлевич Коростовец – российский дипломат и знаток Китая // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 3. С. 596–609 и др.; Нестерова Е.И. Российский генеральный консул в Тяньцзине Петр Генрихович Тидеман: жизнь в Китае до и после эмиграции // Восточные ветви российской диаспоры. Т. 5. Из прошлого в настоящее. М., 2022. С. 424–441; Харитонова А.М. 1) Дипломат П.К. Рудановский (1871–1904): биографические сведения и китайские книги из его коллекции // Россия – Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XV Международной научно-практической конференции. Казань, 2022. С. 355–360; 2) Ситуация в Маньчжурии 1902–1904 гг. По донесениям дипломата Г.А. Плансона (1859 – ?) // Современные востоковедческие исследования. 2022. Т. 4. № 4. С. 36–47 и др.*

⁵ Шаронова В.Г. 1) Социокультурная деятельность Российского Императорского консульства в Инкоу (Китай) в период временного русского управления (1900–1904 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 3. С. 396–414; 2) Роль Российского Императорского консульства в Нючжуане (Инкоу) в расширении торгово-экономических отношений между Россией и Китаем с 1906 по 1909 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 1. С. 135–150.

⁶ Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. Составители П.Е. Скачков и В.С. Мясников. М., 1958. С. 73–78.

⁷ См.: Министерство иностранных дел России в 1856–1917 гг. – Летопись дипломатической службы // Историко-документальный департамент МИД России. URL: https://idd.mid.ru/letopis-diplomaticeskoy-sluzby/-/asset_publisher/5H3VC9AbCsvL/content/ministerstvo-inostrannyh-del-rossii-v-1856-1917-gg-?inheritRedirect=false (дата обращения: 28.11.2022).

осуществления реформы, в рамках которого предусматривалась «комплексная модернизация аппарата Министерства: создание в нем единого политического отдела, бюро печати, правового отдела, информационной службы; внедрение системы обязательной ротации чиновников центрального аппарата, дипломатической и консульской служб; выравнивание условий прохождения службы и оплаты труда служащих в министерской и заграничной системах»⁸. Для достижения поставленных целей Комиссия проводила в том числе анкетирование сотрудников своих дипломатических представительств за рубежом, с тем чтобы детально ознакомиться с условиями их труда и быта, а также с предложениями и пожеланиями по совершенствованию несения службы. Так, 14 февраля 1910 г. во все посольства, миссии, генконсульства и консульства Российской империи стали направляться специальные вопросники, касающиеся различных аспектов организации заграничной службы МИД. В Архиве внешней политики Российской империи хранятся разрозненные копии ответов служащих российских консульских учреждений в Маньчжурии на вопросы данной анкеты. В предлагаемой статье через анализ ответов на запрос Комиссии со стороны императорского российского консула в Нючжуане (Инкоу) реконструируется история реорганизации российских дипломатических представительств в Северо-Восточном Китае.

История российского присутствия в Нючжуане

Порт Нючжуан, расположенный на р. Ляохэ, являлся одним из портов, открытых для иностранной торговли согласно Тяньцзиньским трактатам 1858 г., и скоро превратился в центр джоночной торговли в Маньчжурии. Благодаря двусторонним соглашениям с Китаем 1896 и 1898 гг. влияние России в данном регионе существенно возросло. В 1899 г. в Нючжуане было учреждено императорское российское консульство. С 1900 по 1904 гг. Инкоу находился под временным управлением российской администрации, когда российские консулы совмещали свою дипломатическую службу с деятельностью градоначальника. Как отметила В.Г. Шаронова,

временное русское управление в Инкоу имело большое значение для развития российско-китайских отношений <...> Благодаря умелым и своевременным действиям российских консулов, китайский город Инкоу превратился в один из самых чистых портов европейского типа⁹.

В городе имелась телефонная связь, электричество, водопровод. После окончания русско-японской войны город временно находился под японской администрацией и был передан китайским властям 23 ноября 1906 г. Значение города для торговли в регионе только возрастало. По этой причине наряду с российским консульством после 1906 г. в Нючжуане функционировали дипломатические представительства Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, США, Франции. С 1906 г. пост консула Российской империи в Нючжуане занимал видный российский дипломат А.Т. Бельченко (1873–1958), прошедший классический карьерный путь тех лет от драгомана при консульстве до генерального консула в таких разных городах Китая, как Ханькоу, Нючжуан, Фучжоу, Кантон, и не понаслышке знакомый с особенностями китайской жизни. Как раз в начале 1910 г., когда Комиссия начала опросы дипломатических работников за рубежом, А.Т. Бельченко получил новое назначение на пост генерального консула в Фучжоу. Его преемником в Нючжуане стал другой известный российский дипломат-китаевед П.Г. Тидеман (1872–1941), до этого служивший в качестве вице-консула в Чифу, а позже занявший в пост генерального

⁸ Зюнова Т.В. Основные этапы становления российской дипломатической службы // Дипломатическая служба: научно-практический журнал. 2011. №1 (18). С. 111.

⁹ Шаронова В.Г. Социокультурная деятельность... С. 410–411. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.302>

консула в Тяньцзине. Некоторое время, пока шла передача дел от Бельченко к Тидеману, обязанности управляющего консульством исполнял секретарь И.А. Бобровников (1878 – ?), до Нючжуана служивший на той же должности при консульстве в Турфане и генконсульстве в Кашгаре, а затем получивший пост вице-консула при генеральном консульстве в Мукдене. В освещаемых в данной статье материалах АВПРИ содержатся копии ответов на вопросы анкеты Комиссии МИД, датированные 1910–1912 гг. К сожалению, не на всех копиях имеется подпись составителя документа, однако, судя по датам, отвечали на эти вопросы все три упомянутые выше российских дипломата, что придает им отдельную ценность.

Предложения служащих консульства в Нючжуане по совершенствованию работы дипломатических представительств Российской империи в Китае

Один из разделов вопросника Комиссии МИД был, в основном, посвящен бытовой стороне жизни консульских представительств Российской империи за рубежом. В анкете содержались вопросы о том, в какого типа здании помещается канцелярия консульства, сколько платится за наем помещения (требовалось также указать, сколько тратят на аналогичные нужды дипломатические представители других государств), как долго канцелярия размещается в данном помещении, достаточно ли в нем места для посетителей, насколько хорошо обеспечивается сохранность кассы, шифров и архива консульства и т. д. Из ответов консула в Нючжуане следует, что с 19 марта 1907 г. канцелярия императорского русского консульства находилась в одноэтажном казенном здании, расположенном в центре европейской части города. Участок, на котором помещалось консульство, занимал более десятины земли (более 1 га), на нем было расположено два строения – собственно здание консульства, где находились канцелярия и квартира консула, а также дом секретаря. На здании дипломатического представительства не было никаких надписей, но имелся государственный герб Российской империи последнего утвержденного на тот момент образца, над крышей ежедневно понимался консульский флаг. Подробного описания количества и назначения отдельных помещений на участке консул не дал, сославшись на то, что в Департаменте личного состава и хозяйственных дел МИД (далее – Департамент Л.С. и Х.Д.) хранится подробный план и фотографии консульства в Нючжуане. Канцелярия располагалась в лучших комнатах и использовалась в качестве приемного помещения, достаточно просторного для того, чтобы вмещать всех ожидающих, а также открывалась для гостей в случаях, когда при консульстве проходили официальные приемы. Обстановка канцелярии была довольно скромной и состояла из двух портретов императора Николая II и одного портрета императрицы, двух несгораемых шкафов, письменного стола, пишущей машинки «Ундервуд», карты Маньчжурии, плана здания консульства. Кассы и шифры хранились в специальном сейфе, архив помещался непосредственно в канцелярии в отдельном шкафу¹⁰. В целом, эта обстановка была вполне типичной для консульских учреждений Российской империи на Дальнем Востоке.

Помимо некоторых подробностей организации быта собственно консульства Российской империи документальные свидетельства помогают расширить представление о том, как жил город Нючжуан тех лет. Из ответов российских дипломатов мы узнаем, что лучшие квартиры в центральной части города состояли из 4-х – 7-ми комнат. Аренда такого помещения в год обходилась в 1 тыс. руб. (около 1 млн руб.

¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 267. Оп. 558. Д. 2. Л. 77–78 об.

сегодня¹¹), на оплату освещения уходило 1 руб., 60 коп. в месяц на каждую лампочку, фунт керосина стоил 3 руб. 50 коп. Отопительный сезон в Нючжуане составлял шесть месяцев в году. Для этих целей в жилых домах горожане пользовались углем, стоимость которого составляла 25 руб. за каждые 100 кг. Дрова при необходимости обходились в 6 руб. 25 коп. за 100 кг. При жилых домах иностранцев обычно состояла прислуга, чаще всего состоявшая из лиц мужского пола – повара, кучера и лакея. В случае, если прислуга была из числа российских подданных, то месячная плата составляла 50, 40 и 40 руб. соответственно. Китайцы на тех же должностях получали 20, 20 и 18 руб. Для сравнения заработная плата лакея в Петербурге в аналогичный период варьировалась в диапазоне от 10 до 18 руб., горничная получала 8–10 руб., повар – порядка 25 руб.¹² Некоторые дома также нанимали прислугу мужского пола без специальности и нянек-амма из числа подданных Цинской империи, платя им по 16 и 20 руб. ежемесячно. Домовой прислуги при консульстве в Нючжуане не имелось, а дворовая состояла из китайцев – садовника, двух ночных сторожей и одного дворника, содержание которых обходилось порядка 470 руб. в год. Кроме того, всей прислуге выплачивалась ежегодная премия по случаю Китайского нового года, на что уходило еще около 30 руб. Сотрудники консульства сетовали на недостаток прислуги, предлагая увеличить ее состав хотя бы еще одним домашним служителем (старшим боем) и одним привратником¹³. Что касается стоимости основных продуктов питания, то фунт мяса первого сорта стоил 17–20 коп., десяток яиц – 17 коп., фунт пшеничного хлеба первого сорта обходился в 4–5 коп., фунт сахара – 13 коп., фунт чая – 2 руб., а кофе – 80 коп.¹⁴

Из представленного выше краткого обзора видно, что расходы консульских учреждений в Северо-Восточном Китае в начале XX в. были довольно существенными, но меньше, чем, например, в домах иностранных предпринимателей. Тем не менее общим местом в отзывах дипломатических представителей Российской империи в Китае были постоянные жалобы на недостаток финансирования из Петербурга. Указывалось, что вопрос о снабжении российских заграничных учреждений важен не только с точки зрения потребностей службы, но и соответствия последних своему статусу. Так, один из начальников консульства в Нючжуане отмечал:

Среди наших консульских учреждений вообще, в том числе и на Дальнем Востоке, едва ли найдется много таких, канцелярии коих по своему инвентарю, могли бы быть признаны действительно соответствующими достоинству учреждения, представляющего Великую державу¹⁵.

В ответ на очередное циркулярное предписание со стороны Департамент Л.С. и Х.Д. от 3 января 1911 г. по поводу требований к снабжению консульства, в мае того же года из Нючжуана было отправлено сообщение, по всей видимости, составленное И.А. Бобровниковым, согласно которому дипломатическое представительство не имело в наличии необходимых для работы справочных материалов. В документе сказано, что к весне 1911 г. в распоряжении консульства имелась лишь одна небольшая английская карта Центральной Маньчжурии и высказывалось пожелание к приобретению большего числа необходимых для работы справочных материалов и карт, таких как ежегодный справочник по Дальнему Востоку

¹¹ Цены 1913 года в современных рублях // Красное место. URL: <https://www.krasplace.ru/ceny-1913-goda-v-sovremennyx-rublyax> (дата обращения: 05.12.2022).

¹² *Веремко В.А., Жукова А.Е., Самарина Л.А.* Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. СПб., 2021. С. 70–93.

¹³ АВП РИ. Ф. 267. Оп. 558. Д. 2. Л. 169–170.

¹⁴ Там же. Л. 164–165.

¹⁵ Там же. Л. 175.

«Directory and chronicle for China, Japan, Corea, etc.»¹⁶, «Современная политическая организация Китая»¹⁷ Бруннерга и Гагельстрома, адресные и справочные книги «Вся Россия» и «Весь Петербург», карта Российской империи, карта Китая и Дальнего Востока, карта мира. Кроме того, консулам в Китае для своевременного получения информации о происходящих в стране и мире событиях приходилось внимательно следить за прессой разных государств, освещавшей события в регионе. В список «пожеланий» консульства в Нючжуане вошли такие газеты как «Der Ostasiatische Lloyd»¹⁸, «The North China Herald»¹⁹, «The Japan Weekly Mail»²⁰, «The Manchuria Daily News»²¹, а также пять – шесть местных китайских газет. Зачастую агенты МИД в Китае были вынуждены оплачивать подписку на издания из собственных средств, что обходилось в сумму свыше 70 руб. ежегодно²². Помимо справочных изданий, прислуги и прессы консулы указывали на недостаток предметов обстановки в помещениях дипломатического представительства, а именно мебели, систем хранения, осветительных приборов, ковров и пр.:

Обстановка самой канцелярии для учреждения, представляющего Великую державу, – убогая, а для надобностей службы – недостаточная²³.

В документе представлена скрупулезно составленная тогдашним начальником консульства смета всех необходимых к приобретению предметов с указанием цены для каждого на общую сумму 673 руб., 04 коп.²⁴ Управляющий консульством в Нючжуане также просил у Комиссии МИД содействия в вопросе оснащения помещений российского диппредставительства электрическим освещением, которое имелось во всех иностранных дипломатических агентствах города, указывая на то, что проводить его за собственный счет слишком затратно. Примечательно, что ходатайство в адрес Департамента Л.С. и Х.Д. об отпуске средств на устройство при консульстве электрического освещения возбуждалось прежним консулом, А.Т. Бельченко, еще в 1908 г., на что последний просил выделить из казны чуть больше 1 тыс. йен (ок. 1 тыс. руб.), но тогда оно не было удовлетворено²⁵.

Помимо сугубо бытовых вопросов анкетирование МИД касалось, конечно, и особенностей организации работы заграничных представительств империи на местах. Дипломатические агенты России в Китае, будучи зачастую профессиональными востоковедами, имеющими опыт длительного пребывания в различных регионах Цинской империи, в своих ответах высказывались о недостатках организации консульской службы как на Северо-Востоке, так и в Китае в целом. Так, в одном из документов ответчик предложил идею созыва консульских съездов: для Западного Китая – в Кульдже, как центрально расположенном городе, в Урге – для Монголии, в Харбине – для Маньчжурии. По мнению дипломатов, такие съезды имели бы существенное значение для реорганизации консульского судопроизводства на Востоке.

¹⁶ Издавалась на английском языке в Гонконге британским издательством «Daily Press».

¹⁷ Монография была издана 1910 г. при Российской духовной миссии в Пекине.

¹⁸ Немецкая газета, издаваемая в Шанхае ежедневно с 1889 г. Также известна как «德文新報 (Дэвэнь синьбао)». С 1917 г. издавалась еженедельно. В 1936 г. была реорганизована и переименована.

¹⁹ Английская газета, издаваемая в Шанхае еженедельно с 1850 по 1941 г. В 1951 г. переименована в «North China Daily News».

²⁰ Английская газета, издаваемая в Йокогаме еженедельно с 1870 г. С 1918 г. стала частью «The Japan Times», по сей день крупнейшей англоязычной газетой Японии с штаб-квартирой в Токио.

²¹ Японская газета на английском языке, издававшаяся в Дальнем (Дайрэн или Далянь) в 1908–1940 гг.

²² АВП РИ. Ф. 267. Оп. 558. Д. 2. Л. 167–167 об.

²³ Там же. Л. 178.

²⁴ Там же. Л. 178 об.

²⁵ Там же. Л. 175 об.

Замечаниям подверглись и взаимоотношения дипломатических работников в регионе с российскими военнослужащими. Отмечалось, что при консульстве в Нючжуане, в частности, не имелось отдельного консульского конвоя, а к охране были привлечены два солдата пограничной стражи из состава конвоя при генеральном консульстве Российской империи в Мукдене. При этом консул жаловался на то, что в инструкции, которой руководствуются военные при диппредставительствах, не была указана основная, на его взгляд, функция подобных конвоев – полицейская, а также на то, что военные охранники не внемлют распоряжениям консулов-штатских. Дипломат предлагал заменить конвои от воинских частей, типичные для восточных регионов, наемной стражей или лицами, несущими сверхсрочную службу в составе особого корпуса при МИД. Кроме того, он предполагал, что несущие на Востоке службу стражники обязательно должны были быть женаты, а члены их семей должны были бы находиться при них во время командировок, с тем чтобы создавать в Китае особый «контингент лиц русской национальности», особенно в регионах, где большая часть населения исповедует ислам, как, например, в Китайском Туркестане. Автор подчеркивал, что данный вопрос имел «государственное значение»²⁶.

Среди иных замечаний, касающихся несоответствия российских консульств в Китае статусу дипломатических представительств «Великой державы», были высказаны претензии к форме консулов. По мнению управляющего консульством в Нючжуане, парадная форма отечественных дипломатов существенно проигрывает в нарядности форме «конкурентов», в частности японцев. Уничтожение наплечных знаков для всех гражданских чинов являлось, на его взгляд, оправданным решением для чиновников внутри Российской империи, но не подходило для заграничной службы – ведь дипломатические работники обладали правом на воинские почести, такие как прием парада, а кроме того офицеры, служащие в конвоях при консульствах, должны были находиться в подчинении у начальников этих учреждений. Помимо этого, парадная форма российских консулов в Китае не соответствовала требованиям к форме для жарких стран: ей следовало быть белой или красной, а треугольную шляпу стоило заменить пробковым шлемом. Автор подчеркивал, что

вопрос о форменной одежде, несмотря на кажущуюся маловажность для С. Петербурга и стран культурных, имеет огромное значение для стран Восточных²⁷.

Предположительно, эту часть опросника заполнял И.А. Бобровников, так как он был единственный из трех перечисленных выше управляющих консульством в Нючжуане, кто имел опыт работы при консульских учреждениях Российской империи в Западном Китае, пример которого он часто приводил в своих ответах.

Ответы другого опытного дипломата-китаеведа П.Г. Тидемана, датируемые 1912-м г., в большей степени посвящены тем улучшениям, которые можно было бы внести в организацию консульской службы в Китае в целом. В одном из своих донесений в адрес императорской Миссии в Пекине автор указывает на недостаток «постоянных и правильных» сношений между консульскими учреждениями Российской империи, независимо от расстояний, их разделяющих. Тидеман предлагал организовывать регулярные съезды служащих в Китае консулов для обмена информацией и мнениями по текущим вопросам, что в том числе способствовало бы передаче знаний от более опытных чиновников МИД новичкам, а также повышению общего уровня консульской службы. На его взгляд, отсутствие систематического общения между дипломатическими агентами России в Цинской империи приводило к недостатку

²⁶ АВП РИ. Ф. 267. Оп. 558. Д. 2. Л. 149.

²⁷ Там же. Л. 150.

осведомленности консулов о событиях, происходящих в районах, входящих в сферу их непосредственного интереса. Управляющие консульствами часто были вынуждены черпать сведения из прессы, которая подавала новости под определенным углом, выгодным, прежде всего, конкретному издателю, что вело к искажениям. По мнению Тидемана, в интересах страны все консульства должны были быть осведомлены обо всем, что происходило в Китае и могло представлять интерес для России. Подобная инициатива была бы крайне полезна еще и потому, что чиновники МИД, служащие в Китае, часто перемещались по своим обязанностям между различными регионами страны. Тидеман полагал, что взаимные обмены информацией, в частности содержанием донесений в адрес посланника, должны были быть организованы сверху, с тем чтобы не обременять и без того перегруженные бумажной волокитой канцелярии консульских учреждений, а также чтобы процесс этот контролировался единым учреждением, располагающим всеми необходимыми сведениями и достаточно компетентным в выборе материалов для всеобщего ознакомления, подразумевая, конечно же, Миссию в Пекине. При Миссии, на его взгляд, следовало бы готовить сводные «обозрения» из поступающих со всей страны консульских донесений, а также комментарии к ним и руководящие указания для конкретных консулов. Дипломат сетовал, что консульские работники на местах зачастую были плохо осведомлены о состоянии политических отношений Российской империи с Китаем в конкретный момент и получают руководящие направления по политическим вопросам крайне редко, чаще всего в чрезвычайных ситуациях. Он также высказывался о необходимости расширения кругозора у некоторых агентов МИД и «развития в них сознательного и правильного понимания своей роли в общей системе консульского представительства»²⁸. Очевидно, отношения между консулами Российской империи не всегда были абсолютно гладкими, и между ними могли возникать противоречия по тем или иным конкретным вопросам, связанным прежде всего с индивидуальным видением ситуации на местах и пониманием собственного служебного долга. О проблемах в организации сообщения между главами различных консульских округов в Маньчжурии дипломаты, работавшие в Китае, упоминали и до предложений Тидемана. Так, тогдашний посланник в Пекине И.Я. Коростовец (1862–1933) в обращении от июля 1907 г. к секретарю генерального консульства в Мукдене В.К. Никитину сообщал, что

по имеющимся в миссии сведениям, в виду существующей неопределенности границ наших консульских округов в Маньчжурии, при направлении дел, возникает на практике не мало неудобств, как при сношениях наших консульских представителей в названном крае между собой, так и с местной китайской администрацией²⁹.

Отчасти неразбериха была вызвана административной реформой в Маньчжурии, проводимой местной администрацией в эти годы, в результате которой из ведения даотая Инкоу были изъяты ряд округов и уездов, вошедших в непосредственное подчинение Мукденского генерал-губернатора. Эта реформа потребовала соответствующего изменения границ смежных округов генерального консульства в Мукдене и консульства в Нючжуане, что было одобрено Первым департаментом и утверждено МИД Российской империи в 1909 г.³⁰ Однако противоречия, связанные с недостатком общения между дипломатическими работниками в Маньчжурии, в том числе по вопросу разграничения консульских округов, не были исчерпаны, о чем лишний раз свидетельствует тот факт, что в мае 1913 г. Департамент Л.С.

²⁸ АВП РИ. Ф. 267. Оп. 558. Д. 2. Л. 181–183.

²⁹ Там же. Д. 35. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 15–15 об.

и Х.Д. вновь направил в адрес императорских генеральных консульств, консульств и вице-консульств циркуляр, в котором просил в самом непродолжительном времени доставить

подробное описание округа каждого консульского установления, с обозначением границ округа и составляющих его отдельных административных единиц, а равно с точным перечислением всех входящих в консульский округ нештатных консульских постов³¹.

Вопрос о пересмотре границ консульских округов был по-прежнему актуален и в 1915 г. Тогда консул Российской империи в Куанчэнцзы дипломат М.И. Лавров, имевший опыт работы в генеральных консульствах в Харбине и Мукдене, высказывал свои личные соображения на этот счет. Он, в частности, предлагал расширить границы территорий, входящих в ведение генерального консульства в Мукдене с тем, чтобы генеральное консульство в Харбине занималось лишь общими вопросами лиц, имеющих деловые отношения в данном районе (выдача охранных листов и пр.), а также ведением дел политического характера, связанных с деятельностью КВЖД. Он также указывал на то, что из-под полномочий консульства в Гирине следует вывести те округа, которые из-за особенностей своего географического положения близ КВЖД и рек Сунгари и Уссури должны были бы войти в сферу компетенции генерального консульства в Харбине³².

Выводы

Анализ документов внешнеполитического ведомства Российской империи, посвященных вопросам реорганизации консульской службы на северо-востоке Китая в начале XX столетия, позволяет заключить, что организация работы представительств страны за рубежом была далека от совершенства. Помимо тяжелых условий жизни в непривычном климате в стране с абсолютно иной культурой чиновники МИД в Китае сталкивались с большим количеством бытовых сложностей, таких как недостаточная просторность помещений, занимаемых консульствами, отсутствие электричества, плохая оснащенность мебелью. Кроме того, консулы часто указывали на нехватку при вверенных им учреждениях справочников (карт, словарей, адресных книг), необходимых для работы, а также прессы, позволявшей своевременно узнавать о происходивших в Китае и мире событиях. Все эти проблемы были вызваны прежде всего недостатком финансирования из Петербурга, о чем дипломаты часто упоминали в донесениях.

Помимо сугубо бытовых вопросов несовершенство организации консульской службы проявлялось и в недостаточной согласованности деятельности российских консулов в Китае. В частности, это выражалось в разногласиях по поводу разграничения консульских округов, а соответственно и полномочий дипломатов, на что часто указывали современники. Подобная несогласованность могла быть вызвана разными причинами: от межличностных конфликтов до отсталости системы связи в Китае тех лет. Кроме того, как отмечают сегодня многие специалисты, для российской политики в отношении Китая на рубеже XIX–XX вв. была характерна разобщенность между представителями различных ведомств, в результате чего столичные чиновники редко глубоко вникали в суть дальневосточных проблем. Сложности возникали также в периоды реформирования административного устройства китайских земель, что было частым явлением в начале XX в.

³¹ АВП РИ. Ф. 267. Оп. 558. Д. 35. Л. 20.

³² Там же. Л. 28–28 об.

Административные преобразования в Китае продолжились и после поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. Начавшаяся вскоре Синьхайская революция и последовавшая за ней Первая мировая война вряд ли могли способствовать окончательному решению вопроса о четком разграничении консульских округов, как и о совершенствовании работы дипломатических представительств Российской империи в Китае в целом. Революционные события 1917 г. в России не могли не отразиться на положении российских дипломатических работников за рубежом. И хотя большинство из них продолжили выполнять свои функции по защите российских интересов в регионе, положение их постепенно ухудшалось.

Тем не менее можно с уверенностью резюмировать, что несмотря на трудности, с которыми сталкивались служившие в Китае российские дипломаты на местах, они при любых обстоятельствах оставались верны долгу своей службы и делали все возможное в интересах собственного государства, стремясь в то же время наладить дружественные и равноправные отношения с китайской стороной.

Поступила в редакцию / Submitted: 17.01.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 10.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.05.2023

References

- Khodjakov, M.V. “‘Yellow Russia’ of the late XIX – early XX Centuries in the Geopolitical Plans of the Russian Military Elite.” *Modern History of Russia* 8, no. 4 (2018): 880–897, <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.406> (in Russian).
- Lensen, G.A. *Russian diplomatic and consular officials in East Asia: A handbook of the representatives of tsarist Russia and the provisional government in China, Japan and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet representatives in Japan from 1925 to 1968; compiled on the basis of Russian, Japanese, and Chinese sources with a historical introduction*. Tokyo: Peter Brogen, The Voyagers’ Press, 1968.
- Nazementseva, E.N. “‘Fall’ of Imperial and ‘Rise’ of Soviet Policy in Xinjiang Province: Diplomats of the Former Russian Empire and ‘Soviet Consuls’ in 1917–1920.” *Far Eastern Studies*, no. 5 (2022): 143–158, <https://doi.org/10.31857/S013128120021109-0> (in Russian).
- Samoylov, N.A. “Izuchenie istorii sotsiokul'turnogo vzaimodeistviia Rossii i Kitaia: traditsionnye podkhody i novye paradigmy [Studying the History of Sociocultural Interaction between Russia and China: Traditional Approaches and New Paradigms].” *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian and African Studies. Journalism*, no. 4 (2006): 114–121 (in Russian).
- Sharonova, V.G. “The Role of the Russian Imperial Consulate in Nyuzhuang (Yingkou) in Expanding Trade and Economic Relations between Russia and China from 1906 to 1909.” *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 1 (2023): 135–150, <https://doi.org/10.31857/S013128120024371-9> (in Russian).
- Sharonova, V.G. “Socio-cultural Activities of the Russian Imperial Consulate in Yingkou (China) during the Period of Temporary Russian Administration (1900–1904).” *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies* 14, no. 3 (2022): 396–414, <https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.302> (in Russian).
- Sizova, A.A. “Politicheskoe izmerenie deiatel'nosti konsul'skoi sluzhby Rossii v Zastennom Kitae vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Political Dimension of the Activities of the Consular Service of Russia in Walled China in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries].” *Tomsk State University Journal* 13, no. 1 (2011): 103–107 (in Russian).
- Skachkov, P.E., and Myasnikov, V.S., eds. *Russko-kitaiskie otmosheniia 1689–1916. Ofitsial'nie dokumenty* [Sino-Russian relations. Official documents]. Moscow: Isd-vo Vostochnoi literatury Publ., 1958 (in Russian).

- Veremenko, V.A., Zhukova, A.Ye., and Samarina, L.A. *Prisluga v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Servants in the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX centuries]. St. Petersburg: Mediapapir Publ., 2021 (in Russian).
- Zonova, T.V. “Osnovnie etapi stanovleniia rossiiskoi diplomaticheskoi sluzhbi [The main stages in the development of the Russian diplomatic service].” *Diplomatic service* 18, no. 1 (2011): 103–113 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Елена Олеговна Старовойтова, канд. истор. наук, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e.starovoytova@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8283-2238>

Elena O. Starovoytova, PhD in History, Assistant Lecturer of Theory of Social Development of Asian and African Countries Department, St. Petersburg State University; 11, Universitetskaya Naberegnaya, St. Petersburg, 199034, Russia, e.starovoytova@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8283-2238>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-496-509>
EDN: TZPXYS

Научная статья / Research article

Гигиена питания дошкольников в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в.

Валентина Александровна Веременко , Юлия Витальевна Сутула

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия

 v.a.veremenko@yandex.ru

Аннотация: Проведено исследование пропагандировавшихся на рубеже XIX–XX в. в России требований к питанию дошкольников, а также практики их реализации в дворянско-интеллигентских семьях. Источниковая база включает в себя работы гигиенистов и диетологов, отчеты санитарных и педагогических организаций, публицистику, пособия по домоводству и эго-документы. Показано, что идея важности правильного рациона питания детей как способа получения ими необходимого материала для «строительства» организма и поддержания здоровья получила наибольшее понимание в среде интеллигентных столичных жительниц, имевших и возможность, и желание знакомиться с последними научными достижениями в данной области. Авторы делают вывод о готовности родителей применять почерпнутые из руководств идеи, но и крайней сложности реализации этих установок на практике, даже в «ответственных» семьях. Обилие и противоречивость рекомендаций в сочетании со сложностями их выполнения и дополнительными финансовыми и трудовыми затратами вынуждали хозяйку приспосабливать идеи диетологов под имеющиеся возможности и ее собственные представления. В результате в конкретной, даже вполне «ответственной» дворянско-интеллигентской семье могли причудливо сочетаться самые разные, подчас взаимоисключающие практики питания дошкольников.

Ключевые слова: гигиенические нормы, ответственное материнство, детское питание, диететика, история повседневности

Благодарности и финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

Для цитирования: Веременко В.А., Сутула Ю.В. Гигиена питания дошкольников в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 496–509. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-496-509>

Nutritional Hygiene of Preschoolers in Russian Metropolitan Noble Families of the Intelligentsia in the late XIX – early XX Centuries

Valentina Veremenko , Julia Sutula

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia

 v.a.veremenko@yandex.ru

Abstract: Through their article, the authors have conducted research on the suggested requirements for the nutrition of preschoolers which were established at the turn of the XX century in Russia, as well as on their implementation within noble intelligentsia families. The source base of the article in-

cludes the works of hygienists and nutritionists, reports of sanitary and pedagogical organizations, journalism, home economics guidelines, as well as ego documents. It is shown within these text that the idea of the importance of a proper diet for children as a way for them to obtain the necessary vitamins and minerals for the “building” of their body, and maintaining health had the greatest resonance with intelligent metropolitan female residents who had both the opportunity and desire to get acquainted with the latest scientific achievements in this field. The authors provide a conclusion that not only parents’ willingness to apply ideas from the guidelines instrumental in this process, but also guided the extreme difficulty of implementing them in practice, even in “responsible” families. The abundance and inconsistency of the recommendations combined with the difficulties of their implementation and additional financial and labor costs often forced women to adapt the ideas of nutritionists to the available opportunities of the time and their own ideas. As a result, even in “responsible” noble intelligent families, there could be bizarrely combined various, sometimes mutually exclusive, nutritional practices for preschoolers.

Keywords: hygiene standards, responsible motherhood, child nutrition, dietetics, history of everyday life

Acknowledgements and Funding: the research was supported by Russian Science Foundation, project No. 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

For citation: Veremko, Valentina, and Sutula, Julia. “Nutritional Hygiene of Preschoolers in Russian Metropolitan Noble Families of the Intelligentsia in the late XIX – early XX Centuries.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 496–509 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-496-509>

Введение

С 60-х гг. XIX в. сначала в европейских странах, а затем и в России распространилось увлечение естествознанием¹, одним из важнейших направлений которого являлось исследование самого человека, изучение его «здорового и больного тела»². Чуть позднее с развитием гигиены как самостоятельной отрасли науки началась пропаганда ее основ в широких общественных кругах³, а само время (последнюю четверть XIX в.) современники стали называть «временем гигиеническим»⁴.

Главными потребителями новых знаний, активно пытавшимися реализовать все последние идеи гигиенистов в собственных семьях, были образованные городские, прежде всего столичные, жительницы. Основным объектом домашней гигиены должны были стать дети, которые благодаря правильно организованной физической стороне жизни просто обязаны были вырасти и духовно здоровыми⁵. Сама же детская домашняя гигиена была направлена на создание правильно организованного порядка жизни ребенка и ухода за ним, а источником оздоровления и лечения должны были стать естественные природные элементы (воздух, вода, солнце), а также движение⁶. Важнейшее место в гигиене детей разных возрастов отводилось питанию.

Вопросы, связанные с развитием гигиены и санитарии как в России в целом, так и в отдельных ее регионах во второй половине XIX – начале XX в. вызывают в последние годы устойчивый интерес исследователей. Однако наибольшее внимание историки обращают на деятельность столичных и провинциальных городских властей и общественных организаций, направленную на поддержание санитарного благополучия соответствующих территорий (развитие водопроводных и канализационных систем, банно-прачечного комплекса, проведение санитарно-эпидемических

¹ Радецкий И.М. Детское дело (общественная гигиена и педагогика). Одесса, 1894. С. 39.

² М.В. Воспоминания земского врача: рассказ. Варшава, 1896. С. 98.

³ Уваров М.С. Школьная гигиена: крат. курс для учителей нач. уч.-щ. СПб., 1914. С. 5.

⁴ Енько П.Д. Гигиена обыденной жизни. СПб., 1892.

⁵ Амфитеатров Ал. Наши дети // Семья. Еженедельный иллюстрированный журнал. 1892. 6 декабря. № 4. С. 2.

⁶ Каминский В.Б. Друг здоровья. Энциклопедия гигиены и физико-диетического (физиатрического) пользования. Киев, 1906. С. 5–6.

мероприятий)⁷. Значительно меньше исследований посвящено собственно домашней санитарии⁸.

В аналогичном направлении осуществляется в отечественной историографии и анализ состояния детской гигиены в пореформенной России. Прежде всего изучению подвергаются санитарные условия и практики пребывания детей в разнообразных общественных учреждениях: приютах и мастерских, закрытых и открытых школах разного уровня, оздоровительных лагерях и санаториях⁹. Вопросы же организации детского домашнего питания затрагиваются историками в основном в отношении младенцев и школьников при анализе мероприятий по борьбе с детской смертностью, материнских практик или рассмотрении характерных для той или иной социальной группы способов ухода за детьми¹⁰.

В предлагаемой статье характеризуются сложившиеся на рубеже XIX–XX вв. в дворянско-интеллигентских семьях практики домашнего питания детей дошкольного возраста (от года до 6 лет). Изучение данного сюжета способствует созданию более полного представления о факторах, влиявших на изменение питания образо-

⁷ См., напр.: *Барабанова К.С.* Грязь в чистом пространстве бани: омские бани в конце XIX в. // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2022. Т. 1. С. 237–241; *Бурлуцкая (Банникова) Е.В.* Бани как компонент городской повседневности Оренбурга XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 232–246. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13>; *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006; *Митлина Ю.В.* Создание системы торгово-санитарного контроля и предпосылки ее реформирования в Российской империи в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Москвы) // История повседневности. 2021. № 2. С. 33–45. https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_33; *Шерстнева Е.В.* Деятельность санитарных организаций городов России в области водоснабжения и канализации (конец XIX – начала XX веков) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2007. № 4. С. 50–54.

⁸ *Веремченко В.А.* Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в // Вопросы истории. 2022. № 7–2. С. 18–30. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi48>; *Веремченко В.А., Самарина Л.А.* «Домашняя санитария» как вызов: гигиенические практики в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2021. С. 151–157.

⁹ *Белюков Д.А.* Физическое воспитание в российской школе в конце XIX – начале XX в. // Вестник архивиста. 2015. № 3. С. 138–153; *Гаращенко Л.В.* Опыт организации здоровьесбережения детей в частных школах Иркутска (середина XIX – начало XX вв.) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 68–72; *Жукова А.Е., Семенова О.А., Шевелев В.Ю.* Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений) // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 66–75. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi14>; *Куприянов Б.В., Тохтеева Л.Н.* Загородный детский лагерь: история элементарных частиц (середина XIX – первая четверть XX в.) // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 84–91; *Пономарева В.В.* Роль закрытых женских институтов Маринского ведомства в установлении новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 23. Антропология. 2013. № 2. С. 124–136; *Синова И.В.* Вопросы гигиены труда и быта учеников ремесленных мастерских Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 8–1. С. 70–78; *Степанов С.В.* История детского лечения и отдыха в Санкт-Петербургской губернии в начале XX в. Царскоевильская санатория для детей // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 34–42. https://doi.org/10.35231/25422375_2022_2_34

¹⁰ *Веремченко В.А.* Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 79–105; *Зайцева С.В.* Попытки реорганизации городской «Капли молока» в Санкт-Петербурге в начале XX в. как способ борьбы с детской смертностью // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдулов. СПб., 2020. С. 161–167; *Мицюк Н.А.* Распространение детских смесей в России (начало XX в.): медиализация и коммерциализация детского питания // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 17–19 марта 2016 года / под общей ред. В.Н. Скворцова, отв. ред. В.А. Веремченко. СПб., 2016. С. 155–160.

ванной части горожан как одной из важнейших сторон повседневности; об эволюции внутрисемейных отношений и формировании новой группы «детоцентричных семей». Актуальна статья и в рамках гендерных исследований, нацеленных на изучение «новой женщины», активно заявившей о себе в пореформенный период. Наконец, анализ структуры питания детей младшего возраста может помочь в выявлении причин высокой заболеваемости и смертности детского населения крупных городов России в исследуемый период.

Источниками для написания статьи явились работы гигиенистов и диетологов; многочисленные пособия по домоводству и кулинарии; отчеты санитарных органов и материалы врачебных и педагогических съездов; воспоминания и дневники столичных дворянок и врачей, газетные заметки и публицистика.

В работе использован методологический подход, сочетающий в себе исследовательские приемы, характерные для истории повседневности, теории социокультурной динамики и теории «топохрона». Эти направления дополняют друг друга и дают возможность всесторонне изучить как рекомендации специалистов, так и способы их реализации в столичных дворянско-интеллигентских семьях России в конце XIX – начале XX в.

Диететика – оружие образованной женщины

Реализация активно пропагандировавшегося в образованной, прежде всего столичной среде, идеала «ответственного материнства»¹¹ требовала от интеллигентных матерей выполнения массы взаимосвязанных и подчас трудно выполнимых задач, направленных на «правильную организацию» жизни членов семьи. Среди гигантского списка «непременных условий жизни», которыми они в обязательном порядке должны были обеспечить своих детей, особое место отводилось гигиене пищи, нормы и правила которой определяла диететика – «учение о необходимых режимах питания и отчасти об уходе за здоровыми и больными»¹², так как именно «вопросы питания всегда были боевыми вопросами гигиены и общественных наук»¹³.

Специализированные издания и дамская пресса объясняли своим читательницам, что образованная женщина должна изучать наравне с литературой и иностранными языками еще и науку о кухне, так как пища ненадлежащего качества может стать причиной болезни¹⁴ и, наоборот, рациональное питание способствует гармоническому развитию ребенка, его выносливости и устойчивости к болезням¹⁵. Под руководством умелой хозяйки кухня должна была превратиться в химическую лабораторию, где еда становилась способом укрепления и поддержания здоровья как взрослых, так и особенно детей, нуждавшихся в «строительном материале» для своего роста и развития. Наступило время, поучали врачи-гигиенисты матерей, когда «аптеку заменила кухня», и освоение правил гигиены детского питания становится жизненно необходимым¹⁶.

Сама гигиена питания детей в конце XIX – начале XX в. включала два основных направления деятельности: организацию режима питания и личную гигиену

¹¹ Мицюк Н.А. Рождение матери: субкультура материнства в высших слоях общества индустриальной России. Смоленск, 2015.

¹² Диететика // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. 20. 1893. С. 772.

¹³ Игнатьев В.Е. Биологические особенности детей дошкольного возраста и его гигиена. М., 1916. С. 39.

¹⁴ Карвасовский И.А. Кулинарная гигиена и практический повар: С прил. гигиены питания детей вообще и норм. ежеднев. пищевой таблицы для детей в закрытых учеб. заведениях. Варшава, 1891. С. 4.

¹⁵ Ределин М. Дом и хозяйство: домашнее хозяйство в городе и деревне: руководство к рациональному ведению. дом. СПб., 1895. Т. 1. С. 291–292.

¹⁶ Черевкова А.А., Черевков В.Д. Курс гигиены для средних учебных заведений. СПб., 1908. С. 152.

ребенка до, во время и после принятия пищи, а также разработку правильного рациона питания.

Каждое из этих направлений предполагало масштабную просветительскую деятельность, которая велась в прессе, через издание специализированной отечественной и переводной литературы, путем проведения общедоступных лекций. Однако основными читателями и посетителями мероприятий все равно оказывались именно образованные столичные жительницы¹⁷, которые прошли строгую школу средних открытых и особенно закрытых учебных заведений¹⁸, где в определенной степени уже успели усвоить «гигиенические привычки»¹⁹.

Итак, к концу XIX – началу XX в. был создан фундамент гигиены питания детей, разработаны основные ее положения. Однако, несмотря на попытки массовой пропаганды этих идей, группа лиц, действительно пытавшихся реализовать последние достижения науки в собственной семье, ограничивалась теми, кто имел и возможность, и желание знакомиться с данными достижениями. В наибольшей степени ограниченность социальной базы апологетов здорового детского питания касалась детей дошкольного возраста²⁰. Крайне слабое развитие сети дошкольных учреждений и специализированных детских столовых не давала возможность бедной и необразованной матери переложить заботу о питании своих детей на общественные структуры и хотя бы таким образом познакомиться с диетическими нормами. В результате единственно доступной для нее формой кормления маленького ребенка становилось приобщение его к общему семейному столу, даже в период соблюдения поста²¹.

Переходный период: корми так – не знаю как, корми тем – не знаю чем...

Многочисленные дискуссии по вопросам диететики касались буквально всех тем – распределения норм и режима питания по возрастам, требований к продуктам и качеству пищи, способов ее приготовления и подачи.

В классификации режима питания по возрастам бесспорным признавался только период до 1 года (период грудного вскармливания). Но, уже со следующим, так называемым «переходным» периодом начинались сложности. Одни авторы определяли его временем от года до двух лет²². Однако другие, например Н.П. Гундобин, настаивали на том, что переходный период должен быть продлен до трех лет, и только после этого возраста ребенок должен переходить на общую со взрослыми пищу. В этой связи известный педиатр рекомендовал кормить детей с года до трех лет отдельно от взрослых²³. После условно «переходного возраста» в питании выделялись еще два периода: для детей от 2(3) до 10 лет, с промежуточной градацией в возрасте шести лет, когда режим питания обосновывался потребностями

¹⁷ Школа матерей // Московские ведомости. 1913. 20 января № 16.

¹⁸ См.: Пономарева В.В. Роль закрытых женских институтов Марининского ведомства в установлении новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Сер. 23. Антропология. 2013. № 2. С. 124–136.

¹⁹ Енько П.Д. Гигиена обыденной жизни. СПб., 1892. С. 347.

²⁰ См.: Семенова О.А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4 (12). С. 72–81; Веремченко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб., 2020.

²¹ Боголюбов М.П. Гигиено-диететические правила и советы матерям. М., 1887. С. 4–5; Чертова А.К. Из моего детства. М., 1911. С. 156–157.

²² Монти «Диэтика» старшего детского возраста // Современная клиника и терапия: ежемес. журн. врачебно-науч. усовершенствования. 1906. № 5.

²³ Гундобин Н.П. Воспитание и лечение ребенка до семилетнего возраста. СПб., 1907. С. 114.

«прогрессивно возрастающего веса тела»²⁴. Последним периодом в детской гигиене питания считался возраст от 10 до 15 лет, когда происходил значительный рост всех органов, увеличение длины тела и веса.

В переходный период ребенок должен был постепенно переходить от детского стола к еде за общим столом. Все специалисты однозначно утверждали, что в этой ситуации особое внимание необходимо уделять обработке продуктов, осуществляя «процесс приготовления из пищевых средств удобоваримой и приятной на вкус пищи» с учетом потребностей детского организма²⁵ и на строго научной основе. Наилучшим считался вариант обработки пищевых веществ с целью приема их ребенком в более «концентрированном виде и в меньшем количестве»²⁶. На этом общность взглядов специалистов заканчивалась и начинались разногласия.

Одни авторы утверждали, что малыши лучше всего переносят крахмалистые вещества (недаром крахмал обязательно присутствовал в специализированном детском питании), другие считали их наличие главным недостатком этого питания и требовали не использовать подобные смеси²⁷. Гигиенисты массово отрицали перекусы, рекомендуя матерям с раннего возраста приучать детей к правильному приему пищи, но и здесь они не могли договориться о частоте кормления и сроке последнего перед ночным сном приема пищи²⁸.

В результате ответственные матери должны были сами выбрать из этого сонма рекомендаций тот вариант, который казался им наиболее подходящим. И чем более хозяйка была «гигиенически подкована», чем на большие жертвы была готова идти, тем с большей вероятностью она, как вспоминали врачи-практики, доходила «до больших жестокостей и абсурдов»²⁹. Так, следуя призыву кормить детей в переходный период легкой для пережевывания и быстро усваивающийся (использовался термин «удобоваримой») белковой пищей, некоторые матери убирали из рациона питания ребенка все трудноусваиваемые продукты, вплоть до овощей. В детей пытались впихнуть ежедневный однообразный набор: детские котлеты, яйца, молоко и жидкие молочные каши³⁰. Другие сторонники правильного детского питания шли еще дальше и вслед за доктором Г. Ламанном убирали из рациона дошкольников любые мясные блюда, наоборот, сделав главными продуктами зеленые овощи и фрукты³¹.

Большие вопросы вызывал хлеб – обязательный атрибут русской национальной кухни. Иностранцы специалисты не рекомендовали давать его детям до 6-ти лет как трудно перевариваемую пищу, и матери предстояло самой решить – согласится с мнением заграничного авторитета или поверить опыту местного практикующего врача³².

Твердая приверженность части столичных интеллигентных матерей «передовым питательным диетам» приводила порой к серьезным проблемам: дети, которые

²⁴ Горохов Д.Е. К вопросу об уходе за детьми: Вскармливание, питание детей. М., 1909. С. 29.

²⁵ Боголюбов М.П. Гигиена: Десять публичных лекций по индивидуальной гигиене. М., 1896. С. 135.

²⁶ Покровская М.И. Популярная статья по гигиене. СПб., 1902. С. 60.

²⁷ Горохов Д.Е. К вопросу об уходе за детьми: Вскармливание, питание детей. М., 1909. С. 28.

²⁸ Якобзон Л.Я. Друг матери. Календарь для матерей на 1901 г. СПб., 1900. С. 27–28; Игнатьев В.Е. Биологические особенности детей дошкольного возраста и его гигиена. М., 1916. С. 34; Покровская М.И. Воспитание здоровых привычек. СПб., 1901. С. 28; Филиппов А.Н. Современное воспитание детей дошкольного возраста: Критич. этюд. М., 1892. С. 43.

²⁹ Филиппов А.Н. Современное воспитание детей дошкольного возраста: критич. этюд. М., 1892. С. 43.

³⁰ Гундобин Н.П. Воспитание и лечение ребенка до семилетнего возраста. СПб., 1907. С. 114–115.

³¹ Цигельрот С. Азбука для молодых жен и матерей по принципам д-ра Г. Ламана. СПб., 1907. С. 57.

³² Уффельман Ю.А. Гигиена мальчиков и девочек: вобщедоступ. излож. СПб., 1902. С. 21.

в переходный период привыкли есть очень легкую, удобоваримую пищу, долго не могли научиться жевать. Всяческие попытки перевести их на общий стол заканчивались неудачей. Помимо этого, такая «диететически полезная», но крайне однообразная пища быстро приедалась ребенку, и здесь уже включались «педагогические» способности матушек и нянюшек, развлекающих закапризничавшего ребенка ради лишней съеденной ложки, а порой, теряя терпение, нянюшки награждали ребенка шлепками, дабы он проглотил ненавистную котлету³³.

Таким образом, «переходный период» в питании детей от года до трех выступал в качестве поля главного домашнего эксперимента. Гигантское число вариантов диет требовало от образованной матери принять серьезное самостоятельное решение – воспользоваться ли одной из имевшихся методик или попытаться реализовать какой-то свой вариант; прислушаться к мнению маститого ученого или домашнего врача; взять на себя все заботы о питании ребенка или переложить их на прислугу.

Общий гигиенический стол

В возрасте от 3-х до 6-ти лет в основе детской гигиены питания должны были преобладать уже общегигиенические требования. Специалисты утверждали, что здоровых дошкольников очень мало. Но правильное питание могло бы если не вылечить, то хотя бы поддержать ребенка в более-менее нормальном состоянии до поступления в учебное заведение³⁴. В подтверждение популярности этой точки зрения в газетах появлялись рисунки с грустным слоганом – «необходимо открыть при каждой школе аптеку или при каждой аптеке школу»³⁵. На семью в этой связи возлагалась обязанность выработать у ребенка правильные «гигиенические привычки». Прежде всего, необходимо было всячески способствовать поддержанию режима питания, принятию пищи в одно и то же время. Для здоровья детей этого возраста первостепенное значение приобретало «когда, как и что» съедает ребенок, а также как пережевывает пищу³⁶. Регулярность и умеренность в пище ставились во главу угла наряду с призывом отказаться от перекусов между основными приемами пищи³⁷.

На всю семью диетологи возлагали обязанность в определенной степени изменить правила домашнего застолья с тем, чтобы научить ребенка гигиене питания: не вести никакие разговоры за столом; организовать процесс еды так, чтобы он не был ни быстрым, ни растянутым по времени; тщательно пережевывать пищу; не волноваться, что ребенок съест мало, он не доедает и т. д. Гигиенисты подчеркивали, что дети съедают столько, сколько им необходимо, и «дозировка пищи взрослых, руководящих воспитанием детей в этом отношении далеко не сходится с потребностями детского организма»³⁸. Однако все эти советы, особенно в части регламентации питания, слабо действовали на столичных образованных мам. Московский детский врач, основываясь на практике своей работы, обращал внимание на широкое распространение в интеллигентных семьях «перекорма детей»³⁹. На этот же факт указывали и педагогические издания, критикуя обеспеченных современниц за то, что «мамаши только о том и думают, чтобы побольше и послаще накормить и перекармливать ребенка»⁴⁰.

³³ Филиппов А.Н. Гигиена детей. М., 1900. С. 232.

³⁴ Канель В.Я. Вопрос воспитания в свете социальной гигиены (гигиена телес. и душев. жизни ребенка). М., 1918. Ч. 1. С. 30.

³⁵ Раннее утро. 1913. 14 июня. № 145.

³⁶ Александровский А.Н. Как жить, чтобы здоровым быть: гигиен. советы и указания. М., 1913. С. 17.

³⁷ Александровский А.А. Как есть, пить и спать. Петроград, 1915. С. 9.

³⁸ Игнатьев В.Е. Биологические особенности детей дошкольного возраста и его гигиена. М., 1916. С. 76.

³⁹ Рубрика «По Москве» // Русский листок. 1903. 2 марта. № 61.

⁴⁰ Шкарган А. Мысли о воспитании // Свободное воспитание. 1907–08. № 9. С. 35.

В конце XIX в. в дворянско-интеллигентской среде, особенно в столицах, приобрело популярность вегетарианство. Сами последователи этого движения негативно относились к тем, кто принимал лишь одну сторону этого учения, чисто гигиеническую⁴¹. Однако именно эту, гигиеническую сторону нового движения, поддерживали те ученые того времени, которые советовали до десяти лет кормить детей одной вегетарианской пищей⁴². Вместе с тем большинство гигиенистов настаивали на том, что растущему организму требуется как растительная, так и животная пища⁴³. Особо подчеркивалось, что народы, питающиеся исключительно растительной пищей и лишь изредка потребляющие мясо, имеют маленький рост и слабое развитие⁴⁴.

На деле выбор вегетарианского или скоромного меню для детей напрямую зависел от привычек взрослых. В семьях вегетарианцев, число которых в интеллигентной среде постоянно росло, детей переводили на полностью растительный стол⁴⁵. Мясоеды – кормили дошкольников теми сортами мяса, которые предпочитали сами. Причем в некоторых домах не брезговали и «вампирической едой». Хотя для образованной столичной среды распространенное в южных губерниях кормление детей тартинками черного хлеба с рубленным скобленным сырым мясом⁴⁶ выступало очевидной экзотикой и верхом «негигиеничности», но совершенно по-другому интеллигенты относились к приему крови и «мясного сока» в лечебных или даже просто оздоровительных целях. Только в Санкт-Петербурге в начале XX в. действовало 4 специализированные лечебницы, занимавшиеся снабжением населения свежей кровью и «препаратами» из нее. Причем наиболее крупное из них, находящееся «при С.-Петербургских городских скотобойнях», даже осуществляло в рекламно-благотворительных целях «бесплатную» раздачу крови для «употребления» в детских благотворительных заведениях, требуя оплачивать только стоимость транспортировки скоропортящегося продукта до дверей учреждений⁴⁷. А в столичных магазинах можно было приобрести продукты с применением мясного сока, получаемого выжиманием из сырого мяса. Производители особо рекомендовали свой продукт детям, так как он «богат не только экстрактивными элементами, но и белком»⁴⁸.

Итак, в кормлении детей, вышедших из «переходного возраста» и «официально» перешедших на общий стол, родителям приходилось учитывать не только нормы гигиены, но и целый ряд других факторов. Любые особенности в питании дошкольников либо означали необходимость готовить им отдельно, что удорожало и удлиняло время приготовления пищи и было особенно чувствительно при наличии в семье нескольких разновозрастных детей, либо требовали от всей семьи определенных ограничений – отказа от мяса, пряностей, соли и т. д.⁴⁹ Последнее становилось возможным только в том случае, если старшие члены семейства были готовы полностью перейти на «здоровое питание», а иначе в рационе дошкольников очень

⁴¹ Лозинский Е.И. Вегетарианство и воспитание. М., 1912. С. 79.

⁴² Хозяйка дома: Подарок бережливой хозяйке дома и заботливой матери семейства. СПб., 1903. С. 237.

⁴³ Енько П.Д. Зло вегетарианства. СПб., 1893. С. 14.

⁴⁴ Боголюбов М.П. Гигиена: Десять публичных лекций по индивидуальной гигиене, чит. в зале Сов. дет. приютов в февр. и марте 1896 г. М., 1896. С. 134.

⁴⁵ А-ская. Из записок матери // Свободное воспитание. 1907–08. № 10. С. 62; Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. Л., 1991. С. 105.

⁴⁶ Черткова А.К. Из моего детства: воспоминания А.К. Чертковой. М., 1911. С. 101.

⁴⁷ Календарь Синего креста на 1905 г. СПб., 1904. С. 259–263.

⁴⁸ Шапиро Б.М. Гигиена питания. Что может есть и пить здоровый и больной человек. СПб., 1901. С. 67.

⁴⁹ Б-ий И.Ф. Гигиенический стол. Питательные и вкусные обеды на каждый день. Настольная книга для каждой семьи. СПб., 1902.

быстро находили место булка, ветчина и другие малоподходящие для них, по мнению гигиенистов, продукты...

В полном объеме соблюдение детской диететики реализовывалось только в детских садах – учреждениях, созданных для социализации и «правильного» развития детей дошкольного возраста из интеллигентных семей⁵⁰.

Акцент на разнице домашнего и «общественного» питания можно найти и в отчете о работе одного из столичных детских садов:

...дети дома избалованы разнообразием и хорошим приготовлением завтрака.

Одна 4-х летняя девчонка, когда мать ее спросила, почему она дома плохо ест, а в школе – хорошо – что там все особенно вкусно разве? – ответила следующее: «По правде сказать, мама, очень невкусно, только я учительницу очень люблю, потому и съедаю всегда все»⁵¹.

Что будем пить... и есть на десерт

В качестве основного напитка для детей гигиенисты советовали использовать простую воду, как лучшее освежающее средство в любое время года⁵². Однако качество воды в густонаселенных городах, особенно в столицах вызывало серьезные нарекания⁵³. Недаром в интеллигентской среде бытовало устойчивое мнение, согласно которому «физическое вырождение петербургских юношей», которые «мельчают и хиреют», напрямую связывалось с плохим качеством столичной воды⁵⁴. Этим же объяснялись и их плохие зубы (90 % учащихся имели серьезные проблемы с зубами)⁵⁵.

На деле главным семейным напитком, который пили и взрослые, и дети практически всех возрастов как минимум три раза в день (утром, на завтрак, который ели около 12 часов, и на ужин), был чай⁵⁶. Реклама предлагала заменить его, в рамках «прогрессивной диетической системы», хотя бы по утрам, на какао и шоколад. Тем более, что продавались эти напитки уже в виде готового продукта, быстро растворяемого в горячей воде и содержащего молоко⁵⁷. Однако, как правило, родители давали детям эти продукты скорее как лакомство, нежели питье. Кстати, строгие образованные мамы подобным лакомством считали и компот, «равнодушно» лишая этого напитка в качестве наказания ребенка за плохое поведение⁵⁸.

Важное место в рационе дошкольников продолжало занимать молоко, о необходимости которого продолжали напоминать гигиенисты, подчеркивая, что «ни одна другая жидкая пища не содержит так много питательных веществ в таком удобном виде»⁵⁹. Вместе с тем ученые напоминали, что после достижения детьми трех лет использовать молоко как питье нужно в разумных количествах, дабы не вызывать

⁵⁰ *Веремченко В.А.* Детские сады и вопрос о социализации детей дошкольного возраста в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. // *История повседневности.* 2017. № 3(5). С. 99–112.

⁵¹ *А.Т.* Еще одна попытка свободного воспитания и образования // *Свободное воспитание.* 1908–1909. № 1. С. 13.

⁵² Питание ребенка // *Здоровье семьи. Журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях».* 1902. 27 февр. (12 марта). № 5.

⁵³ *Азбука гигиены: как сохранять свое здоровье.* М., 1892. С. 23.

⁵⁴ *Московский листок.* 1904. 19 января. №19.

⁵⁵ Порча зубов у юношества // *Новая Петроградская газета: Полит. и лит.* 1908. 24 февраля. № 54.

⁵⁶ Питание ребенка // *Здоровье семьи. Журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях».* 1902. 27 февраля. № 5.

⁵⁷ *Пища «Алленбарис» для грудных детей со дня рождения лаборатории.* М., 1914. С. 36.

⁵⁸ *Хозяйка дома: подарок бережливой хозяйке дома и заботливой матери семейства.* СПб., 1903. С. 241.

⁵⁹ *Лейден Э.* Основы питания и диететики в общедоступ. изложении д-ра мед. М.Я. Брейтмана. СПб., 1905. С. 31.

у малышей запоры, малокровие и не провоцировать отсутствие аппетита⁶⁰. Молоко в большем, чем обычно количестве, а иногда и с добавлением каких-либо ингредиентов (например, с салом) использовали и как лечебное средство⁶¹.

Противоречивым было мнение о применении в детской диететике кефира и кумыса. Противники данных продуктов подчеркивали, что алкогольное брожение в них может «благоприятствовать развитию в организмах заразных микробов»⁶². Однако и кефир, и кумыс в конце XIX в. уже активно использовались в лечебном питании при таких заболеваниях как чахотка, болезни ЖКТ, при общем расстройстве питания, малокровии и т. д. Противопоказанием к употреблению кефира в детском рационе был рахит⁶³.

Более известны были лечебные свойства кумыса, в частности его применяли для лечения детей от плеврита⁶⁴. Однако и кефир, и кумыс, а также другие новейшие молочные продукты не находили в конце XIX – начале XX в. широкого применения в гигиене питья детей. Основной упор делался на такие напитки, как чай, компот и молоко.

Еще одно из распространенных явлений того времени касалось обычая давать детям вино как укрепляющее средство⁶⁵. Вот лишь один из примеров, приведенных на Первом Всероссийском съезде по семейному воспитанию в январе 1913 г.:

Девочка 5-ти лет, из интеллигентной, зажиточной семьи получает уже с 1-го года жизни то портвейн, то коньяк, то малагу. Начали давать вино по назначению врача, продолжали – по собственному усмотрению. Ежедневно получает не менее 2-х рюмочек портвейну и чайную ложечку коньяку. Новый Год встречает с бокалом шампанского в руке. Пьет вино с удовольствием, после чего «оживляется»; обычно же вяла и апатична⁶⁶.

В данном примере особый интерес вызывает фраза о том, что годовалому ребенку начали давать вино «по назначению врача». А это значит, что вопрос о вреде алкоголя даже для маленьких детей далеко не был решен однозначно. Следовательно, и в этой части диеты, как и во всех других, матери должны были сделать свой самостоятельный «правильный выбор», начав выполнять рекомендации тех, чье мнение более соответствовало их собственным убеждениям.

В списке дискуссионных вопросов о рационе питания дошкольников важное место занимала и тема сладостей. Часть методик в области гигиены питания содержала указание на потребность организма в сахаре, которая покрывалась содержанием его в хлебе, фруктах, стручковых плодах, салатах и т. п.⁶⁷ В этой связи детей предлагали либо вообще не кормить сладким, либо радовать сырыми и сушеными фруктами, компотом и, в особых случаях, – вареньем⁶⁸.

Однако многие врачи, а вслед за ними и родители, считали возможным «рационально умеренное» угощение ребенка конфетами, лучше, конечно, знамениты-

⁶⁰ Роде Э. Гигиена детей школьного возраста. Рига, 1913. С. 9.

⁶¹ Черткова А.К. Из моего детства: Воспоминания А.К. Чертковой. М., 1911. С. 154.

⁶² Супрунов М.Н. Научные основы питания: Опыт применения их, соглас. с требованиями физиологии и диететики: Обед на три-четыре копейки из одного или двух блюд для приходящих учеников одноклас. и двуклас. ж.-д. уч.-щ. СПб., 1909. С. 33.

⁶³ Кефир, его значение и применение в медицине: Попул. брош. Тифлис, 1914. С. 6.

⁶⁴ Кильшитт К.Е. Воспоминания старого петроградца: Семейн. хроника. Петроград, 1916. С. 32.

⁶⁵ Яблоков Н.В. Гигиена детского питания: публ. лекция, прочит. 11 дек. 1897 г. в Музее гигиены и сан. техники. М., 1898. С. 21–22.

⁶⁶ Сажин И.В. Влияние алкоголя на развивающийся организм и роль семьи в борьбе с алкоголизмом // Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. СПб., 1914. Т. 1. С. 105.

⁶⁷ Роде Э. Гигиена детей школьного возраста. Рига, 1913. С. 10.

⁶⁸ Питание ребенка // Здравие семьи. Журнал гигиены и популярной медицины, издаваемый при «Биржевых ведомостях». 1902. 27 февраля (12 марта). № 5. С. 140.

ми киевскими конфетами Балабухи, представлявшими из себя многократно обваренные, а затем высушенные и засахаренные кусочки фруктов, или *вопвоп* – из сухого варенья⁶⁹. Но, все эти «условно годные» для детского питания продукты традиционно давались после «обычного» обеда. Праздники же, особенно Рождество, или даже просто важные домашние события редко обходились без похода в кондитерскую или покупки шоколадных конфет, леденцов, пирожных, зефира и прочих «категорически запрещенных» гигиенистами продуктов⁷⁰. Последнее практиковалось несмотря на то, что данное питание признавалось не только «нездоровым», но и просто опасным. Санитарные службы постоянно обращали внимание покупателей, что для привлечения внимания детей в производстве конфет использовали для придания цвета каменноугольные краски и смоляные пигменты, в том числе и запрещенные в производстве. Причем доля таких конфет на московском рынке в ходе проверок доходила до 30,8 %⁷¹.

Но так как все (и родители, и санитарные службы, и практикующие врачи) понимали, что не дать дошкольнику ярко красующуюся на витрине сладость крайне сложно, то большинство рекомендаций сводилось к обращению к потребителям не приобретать сомнительный товар, с осторожностью относиться к кондитерским изделиям яркого цвета, не покупать сладости у уличных торговцев, а пользоваться услугами проверенных фирм⁷², а, еще лучше, готовить сладости и, тем более, выпечку, самостоятельно...

Выводы

Правильное гигиеническое питание дошкольников оказывалось на рубеже XIX–XX вв. одним из важнейших маркеров, отличавших «ответственных» матерей от тех, кто менее серьезно относился к реализации данной жизненной стратегии. Вышедших из грудного вскармливания детей можно было «просто» перевести на общий с семьей стол, переложив вопрос об их питании на плечи прислуги. А можно было ознакомившись с многочисленной научной литературой, изучив разнообразные предложения гигиенистов и диетологов, посоветовавшись с практикующими педиатрами, выработать свой собственный подход к детской диететике. Последний вариант требовал от хозяйки наличия уже сформированных собственных гигиенических привычек, готовности постоянно знакомиться с последними достижениями науки, необходимости контролировать каждый шаг нянь и кухарок, а то и взять на себя самостоятельное приготовление детского питания, наконец, гигиенического «воспитания» остальных членов семьи, а нередко и дополнительных материальных затрат.

Следует подчеркнуть, что тенденция «правильного питания» с помощью которого предполагалось вырастить здорового и физически крепкого ребенка возлагала на женщин особую ответственность. Гигиенические нормы, которые еще только разрабатывались и не всегда имели доказательную эффективность, априори считались для «ответственных родителей» обязательными к исполнению. Мода на «гигиени-

⁶⁹ *Черткова А.К.* Из моего детства: воспоминания А.К. Чертковой. М., 1911. С. 91, 112, 124.

⁷⁰ См., напр.: *Еленевская И.Э.* Воспоминания. Стокгольм, 1968.

⁷¹ Годовой отчет Московской городской санитарной станции, устроенной при Гигиеническом институте Императорского Московского университета... 10-й за 1901 год. М., 1904. С. 210.

⁷² См., напр.: *Митлина Ю.В.* Мир лакомств как предметная сфера детской повседневности глазами ребенка и торгово-санитарных служб столичных городов Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 155–165. <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2022.43.12>; *Митлина Ю.В.* Торгово-промышленная деятельность товарищества «Жорж Борман» во второй половине XIX – начале XX в // История повседневности. 2020. № 4. С. 90–104. https://doi.org/10.35231/25419501_2020_4_90

чески правильное» способствовала формированию в конце XIX века особого режима и рациона детского питания.

Реализовать данную стратегию оказывалось крайне сложно даже для вполне обеспеченных и «продвинутых» столичных жительниц. Для ограниченных же в средствах, многодетных и занятых профессиональной или общественной деятельностью это было совершенно нереально. В результате обычной формой питания дошкольников в дворянско-интеллигентской среде являлось сочетание и причудливое взаимодействие сразу нескольких способов, отражавших как личные пристрастия, так и имевшиеся финансовые возможности семьи.

Поступила в редакцию / Submitted: 12.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 09.06.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 12.06.2023

References

- Barabanova, K.S. “ ‘Griaz’ v chistom prostranstve bani: omskie bani v kontse XIX v. [Dirt in the clean space of the bath: Omsk baths at the end of the XIX century].” In *Domashniaia povsednevnost' naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost'. Materialy mezhdunar. nauch. konferentsii* [Home everyday life of Russian population: history and modernity. Materials of the international scientific conference], V.A. Veremko, ed. 237–241, vol. 1. St. Petersburg: Mediapapir Publ., 2022 (in Russian).
- Belyukov, D.A. “Fizicheskoe vospitanie v rossiiskoi shkole v kontse XIX – nachale XX v. [Physical Education in Russian Schools in the End of the 19th – Beginning of the 20th Century].” *Vestnik Arhivista – Herald of an Archivist*, no. 3 (2015): 138–153 (in Russian).
- Burlutskaya (Bannikova), E.V. “Bathhouses as a component of urban daily life in Orenburg of the 19th century.” *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4 (2020): 232–246, <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2020.36.13> (in Russian).
- Elenevskaya, I.Ye. *Vospominaniia* [Memories]. Stockholm: [S.n.], 1968 (in Russian).
- Kupriianov, B.V., and L.N. Tokhtieva. “Zagorodnyi detskii lager': istoriia elementarnykh chastits (seredina XIX – pervaiia chetvert' XX v.) [Summer Camp: The Story of Elementary Particles (Mid XIX – First Quarter XX Centuries)].” *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 2 (2017): 84–91 (in Russian).
- Minenko, N.A., Apkarimova E. Yu., and Golikova S.V. *Povsednevnaia zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka* [Everyday life of the Ural city in the XVIII – early XX century]. Moscow: Nauka Publ., 2006 (in Russian).
- Mitlina, Yu.V. “The world of delicacies as a subject area of children's everyday life through the eyes of a child and trade and sanitary services of the capital cities of the Russian Empire in the late XIX – early XX century.” *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (2022): 155–165, <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2022.43.12> (in Russian).
- Mitlina, Yu.V. “Creation of the trade and sanitary control system and prerequisites for its reformation in the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries (on the example of St. Petersburg and Moscow).” *Istoriia povsednevnosti*, no. 2 (2021): 33–45, https://doi.org/10.35231/25422375_2021_2_33 (in Russian).
- Mitlina, Yu.V. “Commercial and industrial activities of the Georges Borman company in the second half of the XIX – early XX centuries.” *Istoriia povsednevnosti*, no. 4 (2020): 90–104, https://doi.org/10.35231/25419501_2020_4_90 (in Russian).
- Mitsyuk, N.A. “Rasprostranenie detskikh smesei v Rossii (nachalo XX v.): medikalizatsiia i komertsializatsiia detskogo pitaniia [Distribution of infant formula in Russia (early XX century): medicalization and commercialization of baby food]. In *Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost': Materialy mezhdunar. nauch. konf., 17–19 marta 2016 g.* [The Material factor and Entrepreneurship in the Daily Life of the

- Russian Population: History and Modernity: Materials of the International Scientific Conference, March 17–19, 2016], V.N. Skvortsov, and V.A. Veremenko, eds., 155–160. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina Publ., 2016 (in Russian).
- Mitsyuk, N.A. *Rozhdenie materi: subkul'tura materinstva v vysshikh sloiakh obshchestva industrial'noi Rossii* [The birth of a mother: the subculture of motherhood in the upper strata of society in industrial Russia]. Smolensk: Smolenskaia gorodskaiia tipografiia Publ., 2015 (in Russian).
- Ponomareva, V.V. “Rol' zakrytykh zhenskikh institutov Mariinskogo vedomstva v ustanovlenii novykh norm povsednevnoi gigieny (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [The Role Mariinsky's Girls' Boarding Colleges Played in the Establishment of New Norms of Daily Hygiene (From the Second Half of Nineteenth Century to the Beginning of Twentieth)].” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Anthropology* 23, no. 2 (2013): 124–136 (in Russian).
- Semenova, O.A. “Popechenie o materiakh i mladentsakh v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoi ‘Kapli moloka’ [The care of mothers and babies in St. Petersburg in the early XX century on the example of the city ‘Drop of milk’].” *Istoriia povsednevnosti*, no. 4 (2019): 72–81 (in Russian).
- Sherstneva, E.V. “Deiatel'nost' sanitarnykh organizatsii gorodov Rossii v oblasti vodosnabzheniia i kanalizatsii (konets XIX – nachala XX vekov) [Activities of sanitary organizations of Russian cities in the field of water supply and sewerage (late XIX – early XX centuries)].” *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny*, no. 4 (2007): 50–54 (in Russian).
- Sinova, I.V. “Problems of Sanitary and Hygienic Working Conditions and Everyday Life of Students of Craft Workshops in Saint Petersburg in the Second Half of 19th – Beginning of the 20th.” *Voprosy istorii*, no. 8–1 (2022): 70–78 (in Russian).
- Stepanov, S.V. “The history of children's treatment and recreation in the St. Petersburg province at the beginning of the 20th century. Tsarskoye Selo sanatorium for children.” *Istoriia povsednevnosti*, no. 2 (2022): 34–42, https://doi.org/10.35231/25422375_2022_2_34 (in Russian).
- Veremenko, V.A. “Kindergartens and the issue of the socialization of the preschool age children in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.” *Istoriia povsednevnosti*, no. 3 (2017): 99–112 (in Russian).
- Veremenko, V.A. “Hygiene of schoolchildren in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.” *Istoriia povsednevnosti*, no. 2 (2017): 79–105 (in Russian).
- Veremenko, V.A. “Toilet and bath: body hygiene in urban noble-intelligent families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries.” *Voprosy istorii*, no. 7–2 (2022): 18–30, <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi48> (in Russian).
- Veremenko, V.A., and Samarina, L.A. “‘Domashniaia sanitariia’ kak vyzov: gigienicheskie praktiki v dvoriansko-intelligentskikh sem'iax Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [‘Home sanitation’ as a challenge: hygienic practices in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX century].” In *Vyzov' v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* [‘Challenge’ in the everyday life of Russian population: history and modernity: proceedings of the International scientific conference], V.A. Veremenko, ed., 151–157, vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University Publ., 2021 (in Russian).
- Veremenko, V.A., and Zhukova, A.E. *Vospitatel'nye praktiki v dvoriansko-intelligentskikh sem'iax Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [Educational practices in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX century]. St. Petersburg: LGU imeny A.S. Pushkina Publ., 2020 (in Russian).
- Zasosov, D.A., and Pyzin, V.I. *Iz zhizni Peterburga 1890–1910-kh godov: Zapiski ochevidtsev* [From the life of St. Petersburg in the 1890s – 1910s: Notes of eyewitnesses]. Leningrad: Lenizdat Publ., 1991 (in Russian).
- Zaytseva, S.V. “Popytki reorganizatsii gorodskoi ‘Kapli Molokai’ v Sankt-Peterburge v nachale XX v. kak sposob bor'by s detskoj smertnost'iu [Attempts to reorganize the urban «Drop of Milk» in St. Petersburg at the beginning of the XX century as a way to combat child mortality].” In *Reformy v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Reforms in the everyday life of Russian population: history and modernity.

Collection of materials of the international scientific conference], V.A. Veremenko, and V.N. Shaidurov, eds., 161–167, vol. 2. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University Publ., 2020 (in Russian).

Zhukova, A.E., Semenova, O.A., and Shevelev V.Yu. “Issues of the School Hygiene in the second half of the 19th – early 20th centuries in St. Petersburg (on the Example of Jewish Educational Institutions).” *Voprosy istorii*, no. 10–2 (2022): 66–75, <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi14> (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Валентина Александровна Веремко, д-р истор. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10; v.a.veremenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

Valentina A. Veremenko, Dr. Habil. History, Professor, Head of the Russian History Department, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoe Shosse, Pushkin, St. Petersburg, 196605, Russia; v.a.veremenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5217-5609>

Юлия Витальевна Сутула, аспирантка кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., 10; jmitlina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5338-0065>

Julia V. Sutula, postgraduate student of the Russian History Department, Pushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoe Shosse, Pushkin, St. Peterburg, 196605, Russia; jmitlina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5338-0065>

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-510-524>
EDN: ULGVYA

Научная статья / Research article

Деятельность жандармской полиции Российской империи на железных дорогах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны

Петр Александрович Колпаков , Рафаэль Амирович Арсланов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

 kolpakov-p.a@rudn.ru

Аннотация: Анализируется исторический опыт организации служебной деятельности жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог в годы Первой мировой войны. Освещается специфика Великого княжества Финляндского как национальной окраины, в значительной степени влиявшая на работу железнодорожной полиции имперской России в военное время. На основе анализа корпуса архивных документов определяются основные направления мероприятий, реализовывавшихся жандармами для обеспечения стабильного функционирования железных дорог Великого княжества Финляндского, недопущения повреждений и разрушений объектов инфраструктуры. Особое внимание уделяется предотвращению диверсионной и шпионской деятельности. Показаны особенности выполнения железнодорожными жандармами контрразведывательной работы на приграничных станциях и в глубине территории Финляндии. Раскрыты некоторые подходы противника к подготовке и отправке в Российскую империю лиц с целью получения военных сведений. Рассмотрение в совокупности факторов политической обстановки в Великом княжестве Финляндском и многообразия выполнявшихся в военное время железнодорожными жандармами задач позволило сделать вывод о большом стратегическом значении их службы на рельсовых дорогах национальной окраины.

Ключевые слова: жандармское полицейское управление, финляндский вопрос, транспортной полиции России, шпионаж, диверсия, сепаратизм

Для цитирования: Колпаков П.А., Арсланов Р.А. Деятельность жандармской полиции Российской империи на железных дорогах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 510–524. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-510-524>

Activities of the gendarmerie police of the Russian Empire on the railways of the Grand Duchy of Finland during the First World War

Petr A. Kolpakov , Rafael A. Arslanov

RUDN University, Moscow, Russia

 kolpakov-p.a@rudn.ru

Abstract: The article analyzes the historical experience of organizing official activities of the gendarmerie police department of the Finnish Railways during the First World War. The study highlights the specifics of the Grand Duchy of Finland as national outskirts which largely influenced the work of the railway police of the Russian Empire in wartime. Based on the analysis of the body of archival documents, there are determined the main measures implemented by gendarmes to ensure

the stable functioning of the railways of the Grand Duchy of Finland, to prevent damage and destruction of infrastructure facilities. Particular attention is paid to the prevention of subversive and espionage activities. There are shown the features of conducting counterintelligence activities by railway gendarmes at border stations and in the hinterlands of Finland. Some of the enemy's approaches to training and sending people to the Russian Empire in order to obtain military information are revealed. The consideration of the factors of the political situation in the Grand Duchy of Finland and the variety of tasks performed by railway gendarmes in wartime made it possible to conclude that their activities on the railroads of the national outskirts were of great strategic importance.

Keywords: gendarmerie police department, Finnish question, Russian transport police, espionage, sabotage, separatism

For citation: Kolpakov, Petr, and Arslanov, Rafael. "Activities of the gendarmerie police of the Russian Empire on the railways of the Grand Duchy of Finland during the First World War." *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 3 (August 2023): 510–524 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-3-510-524>

Введение

Исторический путь становления и развития российской государственности неразрывно связан с освоением обширных территорий. Появление железных дорог в России стало основой для развития новых отраслей промышленности, науки и экономики¹. Вовлечение населения огромной страны в единую систему хозяйственных, политических и социокультурных отношений и сегодня продолжает определять потребности в развитии путей сообщения страны². В условиях Российской империи начала XX в., с ее нараставшими национальными противоречиями и сепаратистскими тенденциями, задача обеспечения безопасности на железных дорогах, являвшихся скрепой огромного государства, приобретала стратегическое значение. Особую остроту решение данной задачи получало в эпоху войн и социально-политических потрясений.

Противодействие преступлениям на железных дорогах в России было возложено на специальные жандармские полицейские управления. Первое полицейское управление на «чугунке» было учреждено в 1844 г. для обеспечения правопорядка во время строительства Николаевской железной дороги³. Структура железнодорожной полиции развивалась вместе с расширением дорожной сети. 27 июля 1861 г. императором Александром II было утверждено положение о полицейских управлениях Санкт-Петербурго-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог. Указанные части были подчинены дорожным инспекторам⁴. В 1866 г. железнодорожная полиция была переведена из ведения Министерства путей сообщения в структуру Отдельного корпуса жандармов⁵. Начался процесс реорганизации уже существовавших управлений и создания новых жандармских частей на железных дорогах⁶.

¹ Вульф А. История железных дорог Российской империи. М., 2016. С. 11.

² Аксененко Н.Е., Ляпидус Б.М., Мишарин А.С. Железные дороги России: от реформы к реформе. М., 2001. С. 15–17.

³ Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад Главноуправляющего Путиями Сообщения и Публичными Зданиями. – О сокращении штата Полицейского Управления Николаевской железной дороги // ПСЗРИ. СПб., 1857. Собрание II. Т. 31. Ч. 1. № 30046. С. 24–25.

⁴ Высочайше утвержденное Положение о Полицейских Управлениях Санкт-Петербурго-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог // ПСЗРИ. СПб., 1863. Собрание II. Т. 36. Ч. 2. № 37289. С. 195–197.

⁵ Именной, объявленный в приказе Военного Министра 8 Января 1867 года. – Об обязанностях и подчинении Жандармских Полицейских Управлений железных дорог // ПСЗРИ. СПб., 1868. Собрание II. Т. 41. Ч. 2. № 44071. С. 532.

⁶ См., например: Именной, объявленный в приказе по военному ведомству. – О штате Жандармских Полицейских Управлений железных дорог // ПСЗРИ. СПб., 1873. Собрание II. Т. 43. Ч. 2. № 46193. С. 160–161; Именной, объявленный в приказе по военному ведомству. – О сформировании Жандармского Полицейского Управления на Ростовско-Грушевской железной дороге // ПСЗРИ. СПб.,

Курс на развитие организации железнодорожной полиции воплотился, в частности, в создании 11 июня 1870 г. жандармского управления на железных дорогах в Финляндии, штат которого составляли: начальник управления, два начальника отделений, 43 унтер-офицера и два писаря⁷.

С началом Первой мировой войны обеспечение безопасности путей сообщения стало для жандармских частей первоочередной задачей. Следует учесть, что в связи с тяготами военного времени ситуация на железных дорогах резко ухудшилась: произошел рост общеуголовной преступности, в частности контрабанды, краж и разбойных нападений. К тому же прилегающая к путям инфраструктура наполнялась шпионами и поддерживающими вражескую сторону личностями. Возросшая угроза совершения диверсий на «чугунке» требовала осуществления полицейского сопровождения и контрразведывательного обеспечения важных перевозок. Особые трудности железнодорожные жандармы испытывали в годы Первой мировой войны на территории Великого княжества Финляндского. Специфику их службы в регионе определяли культурная самобытность населения, его негативная реакция на политику русификации и интеграции Финляндии в пространство империи, распространение сепаратистских настроений, а также соседство формально нейтральной Швеции, территория которой использовалась немцами для засылки в Россию своих агентов.

Эволюция полицейских органов и специальных служб Российской империи вызывает повышенный интерес современных отечественных ученых. Так, подробному изучению был подвергнут историко-правовой аспект несения службы частями жандармской полиции на железных дорогах⁸. Ряд работ был посвящен региональным особенностям деятельности транспортной полиции в Российской империи⁹. Однако проблема обеспечения жандармской полицией безопасности на железнодорожном транспорте все еще требует всестороннего комплексного освещения. Не стала объектом специального анализа и служба ее чинов на железных дорогах Великого княжества Финляндского в период Первой мировой войны.

Целью исследования является реконструкция и осмысление исторического опыта служебной деятельности жандармской полиции на объектах железнодорож-

1873. Собрание II. Т. 44. Ч. 2. № 47372. С. 16; Именной, объявленный в приказе по военному ведомству. – Об увеличении штатов Жандармских Полицейских Управлений Московско-Ярославской и Московско-Воронежской железных дорог // ПСЗРИ. СПб., 1873. Собрание II. Т. 44. Ч. 2. № 47420. С. 50–51; Именной, объявленный в приказе по военному ведомству. – Об учреждении жандармского надзора на Новоторжской железной дороге // ПСЗРИ. СПб., 1874. Собрание II. Т. 45. Ч. 1. № 48516. С. 889–890; Именной, объявленный в приказе по военному ведомству. – О формировании Жандармского Полицейского Управления Московско-Брестской железной дороги // ПСЗРИ. СПб., 1874. Собрание II. Т. 45. Ч. 2. № 48626. С. 186–187.

⁷ Именной, объявленный в приказе по военному ведомству. – Об учреждении Жандармского Полицейского Управления на железных дорогах в Финляндии // ПСЗРИ. СПб., 1874. Собрание II. Т. 45. Ч. 1. № 48477. С. 787.

⁸ См., например: *Рыжова Ю.В.* Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи: монография. М., 2020; *Мамлеева Д.Р., Морин А.В.* К вопросу совершенствования деятельности транспортной полиции России в условиях модернизации во второй половине XIX века // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9 (112). С. 109–110; *Мамлеева Д.Р.* Основные направления деятельности службы полиции на транспорте в сфере противодействия преступности (историко-правовой аспект) // Бизнес в законе. 2008. № 4. С. 236–238.

⁹ См., например: *Литвинов В.П.* Железнодорожная полиция в царской России: Ташкентское направление (правовой аспект) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 4. С. 8–11; *Никонов К.О.* Исторический опыт формирования жандармского полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги в начале XX века // Клио. 2020. № 6 (162). С. 84–90; *Кузьмицкий В.В.* Исторический опыт деятельности транспортной полиции в XIX веке. История Восточно-Сибирской транспортной полиции // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Материалы Международной научно-практической конференции. 2012. С. 310–324.

ной инфраструктуры Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны.

Источниковую базу исследования составили ранее не опубликованная делопроизводственная документация жандармских железнодорожных частей – циркуляры и рапорты, отложившиеся в фондах «Жандармское полицейское управление Финляндских железных дорог» (Ф. 495) и «Московско-Камышинское жандармское полицейское управление железных дорог» (Ф. 75) Государственного архива Российской Федерации, а также законодательные акты, регулировавшие организацию специальной железнодорожной полиции, и историческая публицистика, посвященная усилению финского сепаратизма.

Охрана правопорядка на железных дорогах Финляндии в условиях усиления национального сепаратизма

Несение службы жандармской полицией на железных дорогах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны в значительной степени осложнялось нелояльным отношением местного населения к представителям царской власти. Такая особенность условий выполнения задач по охране порядка железнодорожными жандармами была определена сопротивлением финнов к мерам государственной политики интеграции национальной окраины, интенсивность которых возросла в конце XIX – начале XX в.

Отправной точкой интенсификации финского сепаратизма, воплотившегося впоследствии как в пассивном саботаже решений имперских властей, так и в активной помощи немцам и их союзникам в годы Первой мировой войны, стал высочайший манифест императора Николая II от 15 февраля 1899 г., лишивший сейм законодательной самостоятельности. Цель подписания самодержцем нормативного акта заключалась в установлении обязанности финских властей получать высочайшее соизволение в случае, если издаваемые законы Великого княжества Финляндского «касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством Империи». При этом к данной формулировке фактически могла быть отнесена любая законодательная инициатива, ввиду того, что круг вопросов, относившихся к «общегосударственным потребностям», не был нормативно определен¹⁰.

Курс на ограничение автономии Великого княжества Финляндского ярко проявился в политике генерал-губернатора Финляндии Н.И. Бобрикова, основой которой являлись русификация национальной окраины, лишение ее вооруженных сил, контролируемость печатной прессы¹¹.

Соединение финской и имперской железнодорожных сетей Н.И. Бобриков рассматривал в качестве механизма усиления экономического и культурного освоения финской территории. Эта идея, по заверениям газеты «Hufvudstadsbladet», была «любимым проектом» генерал-губернатора. В 1899 г. Н.И. Бобриков ходатайствовал о резолюции относительно соединения железных дорог и строительства для этих целей моста через Неву. Весной 1904 г. для строительства «чугунки» было предписано выделить 2,5 млн. руб. Не высказав возражений, финские сенаторы согласовали внесение требуемой суммы в бюджет империи¹².

¹⁰ Материалы по финляндскому вопросу. Высочайший манифест от 3/15 февраля 1899 г. Официальные документы, реляции, газетные и журнальные статьи и проч. Берлин. 1901. С. 5–9.

¹¹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой Мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 237.

¹² Правилова Е.А. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С.239–240.

Жизнь генерал-губернатора была прервана 17 июня 1904 г. в результате покушения, совершенного на него Эйганом Шауманом – сыном финляндского сенатора. Символичности этому трагическому событию и тревожности для российского правительства добавил тот факт, что пули, выпущенные из револьвера, настигли Н.И. Бобрикова в стенах Сената Великого княжества Финляндского. В день убийства некоторые финны вышли на улицу с красными цветами в петлицах. Рестораны были полны посетителей с радостными лицами. На одной из лент, которую приготовили для венка покончившему с собой на месте преступления Шауману, значилась признательность «за четко исполненный долг»¹³.

Вскоре волна политического террора накрыла Финляндию: был убит прокурор сената Ионсон, совершено покушение на Выборгского губернатора Н.А. Мясоедова, помощника генерал-губернатора В.О. Дейтриха, Тавастугского (современное наименование – Хямеэнлинна) губернатора А.А. Папкова, а также на одного городского и жандармского унтер-офицера¹⁴.

Со смертью Н.И. Бобрикова объединительные реформы остановились¹⁵. Финляндская железная дорога была соединена с российской железнодорожной сетью лишь в 1913 г.

Однако отказом от принудительной интеграции баланс интересов империи и национальной окраины восстановить уже было невозможно. Маховик сепаратистских настроений, однажды качнувшись, охватывал все более широкие слои населения Финляндии. Усиление налогового бремени после вступления Российской империи 1 августа 1914 г. в Первую мировую войну еще в большей степени укрепило симпатии финнов к «отделенчеству» и рабочему движению.

15 сентября 1914 г. Особое совещание при Министерстве финансов выразило мнение о том, что жители Финляндии должны были взять на себя 1,8 % от расходов на войну, соответственно доле населения национальной окраины в общей численности населения Империи. Сенат предложение не одобрил, признав, что такое решение могло вызвать в Финляндии серьезное возмущение и стать благодатной почвой для агитации противника. Однако противостояние с Германией, Австро-Венгрией и Османской империей требовало изыскания все большего количества источников средств, и в Финляндии были введены новые налоги¹⁶.

Присоединение рабочего движения к общему фронту борьбы против российских интеграционных попыток происходило постепенно и стало определяющим для успеха Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ)¹⁷. По итогам выборов 1916 г. в находившейся на военном положении Финляндии абсолютное большинство голосов в сейме получила СДПФ. В их результатах генерал-губернатора Ф.-А.А. Зейна насторожила не столько возможность социального переворота в Финляндии, сколько «зараженность» сейма сепаратистской идеей. Сепаратизм становился благодатной почвой для распространения среди финнов симпатий к Германии. Прежде чем российские власти успели вмешаться, примерно 2 тыс. добровольцев успели уехать в Германию¹⁸.

Задача обеспечения правопорядка на железных дорогах Финляндии осложнялась не только нелояльным отношением представителей местного населения,

¹³ Бородин М.М. Из новейшей истории Финляндии: время управления Н.И. Бобрикова. СПб., 1905. С. 438.

¹⁴ Там же. С. 436–447.

¹⁵ Лялина М.А. Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия СПб., 1908. С. 301.

¹⁶ Мейндер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. С. 233–236.

¹⁷ Там же. С. 128.

¹⁸ Юссилла О. Хентилля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 117.

но и ненадежностью финляндских властей, в том числе и полицейских, во взаимодействии с которыми жандармам надлежало охранять рельсовые дороги и сопутствующую инфраструктуру. Так, секретным циркуляром от 17 июня 1916 г. начальник жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог сообщал начальникам пограничных пунктов Раумо, Мянтьюлуото, Улеаборг и начальникам Абосского и Гельсингфорского жандармских железнодорожных отделений о бегстве из города Якобстада трех констеблей – нижних чинов местного полицейского управления. Артур-Алексиус Иогасон, Харальд-Константин Рикман и Уно Масстин, не желая продолжать нести службу, забрали выданное им казенное оружие, похитили моторную лодку и направились в Швецию. Через некоторое время констебли оповестили родственников о том, что они живы, прислав из Стокгольма фотографические карточки, на которых они были запечатлены в гражданской одежде. Предполагая, что беглецы, выждав, могут вернуться к местам жительства, начальник железнодорожного жандармского управления генерал-майор Ю.Э. Фрейберг указывал подчиненным на необходимость ознакомления унтер-офицеров, находившихся на пограничных пунктах, с полученными фотографиями для произведения ареста в случае появления констеблей¹⁹.

Неблагонадежность проявляли и финляндские железнодорожные служащие. Жандармское полицейское управление железных дорог Великого княжества требовало от железнодорожной администрации уведомлять служащих и рабочих о строгости наказания за содействие перемещению бежавших пленных за границу. Виновными признавались те кондукторские бригады, которые сопровождали поезд на перегоне, где обнаруживались нелегально следовавшие лица. Такого рода указания обосновывались полученной от агентов информацией о том, что кондукторские бригады товарных поездов прятали в незапломбированных порожних вагонах бежавших из плена германо-австрийцев и других нелегальных лиц²⁰.

Для организации противодействия выездам с помощью местных жителей военнопленных жандармским отделением было приказано выполнять ряд мероприятий:

1. При погрузке на вокзалах Петрограда и Гельсингфорса почтовых вагонов до помещения отпавлений производить подробнейший осмотр этих вагонов.
2. Строжайшим образом следить, чтобы в погрузке принимали участие исключительно лица, принадлежавшие к финляндскому почтовому составу, которые должны быть известны чинам Териокского и Гельсингфорского отделений.
3. При следовании почтовых вагонов по линиям железных дорог, особенно на узловых станциях, где производится перегрузка почтовых баулов из одного вагона в другой, присутствовать жандармским унтер-офицерам, входя при этом в почтовые вагоны в присутствии почтовых чиновников, при чем обращать внимание, не помещаются ли под почтовыми баулами какие-нибудь посторонние лица.
4. Так как в Финляндию из Петрограда следует для приема грузов в пограничных портах большое число незапломбированных порожних вагонов, то возможно присутствие в этих вагонах беглых немцев, а потому на всех станциях, где имеются жандармские унтер-офицеры, возможно чаще осматривать эти порожние вагоны, открывая их для этой цели²¹.

Обеспечить безопасность на объектах рельсового транспорта, полностью исключая взаимодействие жандармской железнодорожной полиции с представителями финской администрации, было невозможно. Кроме того, необходимость помощи местных железнодорожных служащих определялась потребностью в получении сведений о криминальной обстановке на прилегавшей территории, а также отсутствием жандармских чинов на небольших станциях.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 495. Оп. 2. Д. 1. Л. 412–412 об.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 7–7 об.

²¹ Там же. Л. 6–6 об.

Примечательно, что выработка общих взглядов на обязанности финской администрации и железнодорожных служащих относительно требований жандармов ввиду наличия трений по этому вопросу, осуществлялась представителями самого высокого звена властной иерархии задолго до начала Первой мировой войны.

Отвечая 10 апреля 1871 г. на письмо Финляндского генерал-губернатора Н.В. Адлеберга с просьбой подробно разъяснить обязанности жандармского железнодорожного полицейского управления, шеф жандармов П.А. Шувалов предложил следующую формулировку, описывавшую механизм сотрудничества железнодорожной администрации и жандармской полиции:

На тех станциях железных дорог, где не имеется жандармов, начальники станций обязаны уведомлять немедленно жандармское управление в Выборге телеграммами об опаздывающих против расписания поездах, о столкновении поездов, о соскакивании их с рельсов, об умышленной порче эксплуатации, о несчастных случаях с пассажирами или должностными при дороге лицами и вообще о всех происшествиях, влекущих за собою вредные последствия; при чем начальники станций, извещая Жандармское Управление о подобных случаях, обязаны разъяснять вкратце и причины их²².

В целом такое предложение было одобрено Н.В. Адлебергом с оговоркой, что при извещении о происшествиях начальники станций обязывались кратко разъяснить их причины, если они совершенно очевидны. В противном случае, «если обнаружение этих причин зависит от производства исследования происшествия, то в извещении упомянуть, что причины еще не исследованы». Такое замечание обеспечивало железнодорожную администрацию аргументом в случае ее обвинения в умолчании важных обстоятельств²³. Вместе с этим генерал-губернатор отношением от 31 декабря 1871 г. не упустил возможности указать главному железнодорожному жандарму Финляндии о пределах его полномочий, ограничивавшихся «лишь содействием местному начальству в случае какого-либо бесчинства и нарушения публичного спокойствия»²⁴.

Коллизии имели место также и во взаимоотношениях с судебными властями Великого княжества. Факты незаконного отказа мировыми судьями в принятии к рассмотрению протоколов о проступках заставили вмешаться в ситуацию министра юстиции К.И. Палена, поддержавшего требования железнодорожной полиции²⁵.

Диапазон обязанностей, выполнявшихся жандармскими чинами на железнодорожных объектах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны, отличался чрезвычайной широтой. Необходимо отметить, что и их описание, нормативно закрепленное еще в приказе военного министра от 8 января 1867 г., характеризовала пространность:

на жандармские полицейские управления железных дорог, независимо от обязанностей наружной полиции, составляющих настоящее их назначение, возложить и обязанности наблюдательные²⁶.

На железнодорожных станциях Великого княжества Финляндского жандармерия осуществляла разнообразные функции надзора. Так, 12 марта 1916 г. начальникам отделений жандармского полицейского управления Финляндских железных

²² ГАРФ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–2.

²³ Там же. Л. 2 об.

²⁴ Там же. Л. 8–9.

²⁵ Там же. Л. 11–11 об.

²⁶ Именной, объявленный в приказе Военного Министра 8 Января 1867 года. – Об обязанностях и подчинении Жандармских Полицейских Управлений железных дорог // ПСЗРИ. СПб., 1843. Собрание II. Т. 41. № 44071. С. 532.

дорог поступило указание проконтролировать размещение на станциях распечатанных объявлений на русском, финском и шведском языках об открытии подписки на внутренний государственный заем на сумму 2 млрд руб.²⁷ Согласно местному законодательству также осуществлялось наблюдение за соблюдением ограничения на продажу мяса и мясных продуктов по средам и пятницам²⁸.

Однако условия военного времени отодвинули на второй план повседневные функции железнодорожных жандармов. Борьба с Германией и Австро-Венгрией обострила проблемы защиты железнодорожной инфраструктуры Великого княжества и пресечения быстрого распространения антивоенных, революционных и сепаратистских воззрений среди его жителей.

Особенно острой на финских железных дорогах в годы войны стала угроза диверсий, которая во многом определялась близостью Швеции, формально нейтральной, но фактически содействовавшей немцам и австрийцам. Наличие намерений вражеских государств осуществить на финских дорогах подрывные акции, согласно секретному отношению генерал-квартирмейстера генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, направленному в январе 1917 г. главному начальнику военных сообщений генерал-лейтенанту С.А. Ронжину, подтверждалось сведениями, поступавшими в Главное управление Генерального штаба от заграничных агентов отдела генерал-квартирмейстера, а также результатами допросов задержанных тайных агентов противников:

наши враги, особенно германцы, придавая важное значение к созданию затруднения к правильному и широкому снабжению наших армий вообще и особенно боевыми припасами, усиленно стремятся организовать, главным образом из Швеции, покушения на наши военные заводы артиллерийского снабжения, суда и важнейшие железнодорожные сооружения, особенно на большие мосты. При организации указанной деятельности германцы широко использовали финляндцев русского подданства, преследующих сепаративные стремления Финляндии, революционный и другой преступный элемент, эмигрировавший из России и находящийся в Скандинавских странах²⁹.

С целью развития подрывной деятельности против России в Берлине была учреждена школа для обучения подрывному делу финнов и диверсантов других национальностей. Прошедшие курс подрывники перед отправлением в Россию, по сведениям агентов А.С. Лукомского, снабжались взрывными устройствами большой силы и новейшей конструкции, заключенными в различные маскирующие оболочки, имевшие форму дорожных предметов, кругов сыра и др.³⁰

Необходимо отметить, что предупреждения о засылке на территорию империи диверсантов, которые впоследствии не всегда находили подтверждение, поступали в Генеральный штаб в самом начале войны – еще в августе 1914 г. агентура сообщала о командировании Германией на территорию Российской империи нескольких сот молодых мужчин, одетых в форму слушателей высших учебных заведений. В этой связи железнодорожные жандармы в Финляндии получили указание проявлять особое внимание к людям соответствовавшего описанию внешнего вида³¹.

Еще одним примечательным примером ожидавшихся угроз причинения ущерба инфраструктуре железных дорог Финляндии являлось допущение возможности налета дирижаблей для бомбардировки наземных объектов. В случае поступления сведений о появлении летательных аппаратов железнодорожным полицейским предписывалось лично убеждаться в их достоверности и, обнаружив в небе

²⁷ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 8. Д. 3. Л. 14.

²⁸ Там же. Л. 21.

²⁹ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 285. Л. 10.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Ф. 495. Оп. 6. Д. 1. Л. 13.

дирижабль, телеграфировать начальнику жандармского железнодорожного управления, а копии телеграммы направлять на соседние станции³².

Протяженность железнодорожных линий, размещение на значительных расстояниях друг от друга путепроводов и тоннелей в совокупности с ограниченностью жандармских штатов препятствовали обеспечению полицейской охраной каждого объекта инфраструктуры. Защита удаленных железнодорожных объектов осуществлялась караулами пеших дружин. Сопровождение дружинников к местам несения службы относилось к ведению железнодорожных жандармов³³. Исходя из имевшейся потребности в укреплении охраны караулы пеших войсковых дружин несли службу на станциях, о чем составлялись соответствующие ведомости с указанием названий станций, количества нижних чинов и номера дружины³⁴.

В годы войны перед жандармами наряду с обеспечением безопасности железнодорожной инфраструктуры стояла задача противодействия распространению враждебной России пропаганды.

Для установления фактов проникновения на территорию Российской империи известных властям сторонников революции и получения информации об их передвижении жандармским полицейским управлением Финляндских железных дорог регулярно осуществлялась рассылка розыскных циркуляров. Так, например, 17 ноября 1915 г. унтер-офицер станции Сейняоки получил следующее указание: в случае появления в районе его ответственности кандидата прав Н.И. Ракитникова, «социал-демократа террористического направления» (являлся видным деятелем партии эсеров, одним из организаторов Всероссийского крестьянского союза. — П.К., Р.А.), установить за ним наблюдение и телеграфировать начальнику Николаевstadского отделения жандармского железнодорожного отделения³⁵.

Особое внимание жандармерия уделяла пресечению развития забастовочного движения на железных дорогах Финляндии. Начальник жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог генерал-майор Ю.Э. Фрейберг отмечал недостаточную погруженность подчиненных в обстановку в местах несения службы:

К сожалению, чины управления мало и неблизко ознакомлены в своих районах с жизнью и бытом железнодорожных служащих и рабочих, даже некоторые из них этой обязанностью, по видимому, пренебрегают, т.к. имеется много примеров, что не начальники отделений меня предупреждали о брожениях, а мне приходилось их запрашивать по поводу возникающих брожений по дошедшим уже до меня сведениям³⁶.

В качестве одного из источников получения значимой в контексте выполнения возложенных на железнодорожную полицию задач начальник управления предлагал использовать газету «Юна». Авторы этого финского печатного органа в своих статьях и заметках раскрывали предложения и решения учрежденных местными железнодорожными рабочими совещаний и комитетов, которые передавались в Главное управление Финляндских железных дорог. Относительно использования агентуры для противодействия забастовочному движению, Ю.Э. Фрейберг указывал на ее ненадежность и требовал перепроверки доставлявшихся сведений:

Агенты в слишком частых случаях дают, ежели даже не умышленно, то все же из каких-либо партийных или даже личных целей извращенные, а иной раз даже лживые сведения, что уже несколько раз подтверждалось, когда получались агентурные сведения из других источников, которые при разработке на месте оказывались абсолютно ложными³⁷.

³² ГАРФ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2. Л. 2–2 об.

³³ Там же. Оп. 4. Д. 3. Л. 19.

³⁴ Там же. Л. 3.

³⁵ Там же. Оп. 5. Д. 1. Л. 199.

³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 9–9 об.

³⁷ Там же.

Противодействие забастовочному движению не сводилось к вербовке и работе жандармов с осведомителями для выявления наиболее активных агитаторов и пресечения выступлений на стадии их зарождения. Властями осознавалось, что катализатором саботажа на железных дорогах являлось, наряду с прочим, отсутствие положенного железнодорожным рабочим довольствия. Сведения о таких злоупотреблениях подлежали жандармской проверке³⁸.

В целях пропаганды противник активно использовал распространение литературы, отрицательно влиявшей на лояльность офицеров и нижних чинов. 24 июня 1916 г. на одной из станций железных дорог Финляндии в ходе осмотра багажа сестер милосердия, прибывших для осмотра лагерей военнопленных в России, было изъято четыре экземпляра книги «Военнопленные в Германии», содержание которой сводилось к убеждению читателя в том, что «обращение с военнопленными в Германии составит страницу славы для Германской империи и что все слухи о неудовлетворительном положении военнопленных ложны». Присутствовавшие при осмотре вещей австро-германских сестер милосердия датские делегаты Красного креста искренне удивились наличию у представительниц монашеской конгрегации указанных изданий и предположили, что они могли оказаться среди вещей по недоразумению. Подлинное их недоумение вызвало развитие ситуации: в ходе продолжения досмотра в багаже сестры милосердия, немки, пожилой графини Штубенберг, была обнаружена палка, при осмотре которой оказалось, что в нее изощренным образом был спрятан кастет в виде резинового жгута толщиной с указательный палец, длиной более 1/2 аршина, оканчивающийся металлическим наконечником. Этот жгут был прикреплен к ручке палки. В случае передачи такого орудия военнопленным оно могло использоваться последними для оказания сопротивления охранникам и конвоирам и совершения побега³⁹. Содержимое багажа сестер милосердия в данном случае свидетельствовало о решимости противника использовать для достижения своих целей любые способы прикрытия.

За помощью в изъятии из оборота дискредитирующие власти издания к России обращались иностранные государства. Так, жандармам предписывалось изымать при обнаружении изданную в Женеве сербским журналистом Светлином Якшиком брошюры «Сербия у тульины» («Сербия на чужбине»), содержащей оскорбления сербского короля Петра I Карагеоргиевича, сербского королевского дома и правительства, а также призывы к армии повернуть оружие против своего монарха⁴⁰.

Реализовывавшиеся жандармским управлением меры не позволили врагу совершить крупных диверсий на железных дорогах Финляндии, сдерживали распространение антирусской пропаганды, а также развертывание забастовочного движения.

Контрразведывательная деятельность жандармской железнодорожной полиции

Наряду с охраной правопорядка и защитой инфраструктуры еще одним важным направлением служебной деятельности жандармской железнодорожной полиции на территории Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны являлась контрразведка – противодействие шпионской активности стран-противников.

В августе 1914 г. старшие на станциях жандармские унтер-офицеры были уведомлены жандармским полицейским управлением финляндских железных дорог

³⁸ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 2. Л. 101.

³⁹ Там же. Оп. 8. Д. 8. Л. 102–102 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 285. Л. 8.

о том, что в соответствии с высочайшим указом Правительствующему Сенату въезд в Россию подданных неприятельских государств допускался лишь с особого разрешения властей. Такое решение самодержца сильно ограничивало возможности легального пересечения границы лицами, получившими задание добывать информацию военно-политического и экономического характера. Кроме того, с учетом необходимости сокращения мобилизационного потенциала противников, а также противодействия развращению подрывной и шпионской деятельности внутри страны все австрийские и германские подданные мужского пола от 18 до 45 лет объявлялись военнопленными и подлежали немедленному аресту и высылке в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, за исключением состоявших на действительной военной службе, которые должны были содержаться под стражей до получения решения военного начальства. В связи с полученными указаниями жандармские унтер-офицеры были ориентированы на недопущение проживания немецких и австрийских подданных в полосе железных дорог⁴¹.

Вовлеченность множества людей в работу железнодорожного транспорта, быстрота перемещения пассажиропотоков создавали благодатную почву не только для ищущих наживы представителей криминального мира, но и для лиц, ведущих шпионскую деятельность. Так, например, Департамент полиции МВД оповещал жандармские губернские и железнодорожные управления о получении Генеральным штабом информации об учреждении с целью шпионства международного тайного союза официантов ресторанов, вокзалов и гостиниц, вследствие чего данная категория служащих железных дорог в течение войны привлекала особое внимание жандармских чинов⁴².

В годы Первой мировой войны серьезной проблемой для русской контрразведки являлось активное содействие нейтральной Швеции разведывательным службам государств Тройственного союза в проникновении шпионов в Россию через территорию Финляндии. Целью Швеции являлось если не возвращение территорий, утраченных по условиям Фридрихсгамского договора 1809 г., то, по крайней мере, укрепление своего влияния в Финляндии и подрыв авторитета администрации, установленной Российской империей.

В предвоенное время, кроме «германской угрозы» российское военное командование принимало во внимание «шведскую опасность». Вступление Швеции на стороне Германии в войну связывалось военными аналитиками с возможностью национального восстания в Финляндии. Прогерманские настроения среди шведской политической элиты были достаточно сильны, но Швеция провозгласила нейтралитет и сосредоточилась на извлечении экономических и политических выгод от своего статуса, умело лавируя между двумя противоборствующими коалициями⁴³. Такое политическое маневрирование шведов особенно ярко проявлялось в молчаливом согласии относительно использования их населенных пунктов для направления на территорию России лиц, осуществлявших шпионскую деятельность. Прямая шведская агрессия ожидалась в течение всего 1914 г., о чем свидетельствует ноябрьский совершенно секретный приказ жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог о сборе сведений в пределах финской «чугунки» относительно возможных намерений Швеции в связи с распространением тревожных слухов в Гельсингфорсе⁴⁴.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2. Л. 3–3 об.

⁴² Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 365. Л. 1.

⁴³ Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. М., 2014. С. 474–475.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 4. Д. 2. Л. 1.

Анализ содержания служебной переписки чинов жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог позволяет определить два основных направления контрразведывательной деятельности его чинов: сплошная отработка въезжающих железнодорожным транспортом на территорию России на приграничных пунктах и работа по установленным или подозреваемым к причастности к шпионажу в пользу стран-противников. основополагающей мерой обеспечения надлежащего режима въезда и выезда на границе со Швецией был паспортный контроль. Оценивая угрозы попустительской постановки данного процесса, уже в августе 1914 г. генерал-майор Ю.Э. Фрейберг обращал внимание начальников Торнеоского и Таммерфорского отделений на то, что чины финской полиции пограничных пунктов Торнео и Раумо фактически проверку паспортов не осуществляли, а ограничиваются наложением на документы штемпелей «о приезде» и «выезде», в связи с чем жандармам предписывалось «впредь до особого распоряжения приказать подведомственным нижним чинам, стоя рядом с чином полиции, накладывающим штемпель, внимательно рассматривать предъявляемые паспорта и в случае сомнения принадлежности паспорта лицу его предъявившему приступать к подробному опросу для выяснения личности, предъявившей паспорт». Жандармский надзор при осуществлении сверки паспортов и предъявителей был призван нивелировать возможность использования для проникновения в Россию подложных документов⁴⁵.

Недоверие к шведской короне не было лишено оснований. Проведение на территории Швеции мероприятий, предвещающих создание шпионских сетей в России, подтверждалось поступавшей в жандармское полицейское управление Финляндских железных дорог информацией из Генерального штаба. 14 декабря 1916 г. один из немецких агентов по кличке «Германн», проживавший в Стокгольме, въехал в Хапаранду (населенный пункт, соседствующий с финским Торнео). Агента сопровождали два лица, один из которых – итальянец, владевший многими языками. После того, как «Германн» обеспечил указанных лиц поддельными финляндскими паспортами, они въехали в Великое княжество Финляндское⁴⁶.

Решение задачи надлежащей организации проверки документов и недопущения инфильтрации шпионов железнодорожными жандармами осложняло сразу несколько обстоятельств военного времени.

У русских, оказавшихся в начале войны на территории Германии, изымались паспорта и удостоверявшие личность легитимационные билеты, которые впоследствии могли быть предъявлены засылаемыми в Россию агентами. К 15 августа 1914 г. границу пересекло около 200 человек подданных российской короны, заявивших на станции Белоостров о насильном изъятии у них немцами вышеуказанных документов⁴⁷. Служебная переписка жандармских чинов содержала опасения относительно того, что массовый въезд покидавших Германию русских, не подлежавших призыву, был для австрийцев и немцев удобным обстоятельством для развития шпионской сети, организации проникновения агентов по изъятым и фальшивым документам или вовсе без них⁴⁸. Дополнительный отрицательный вклад и в без того сложную ситуацию на границе с Швецией и на финских железных дорогах внес представлявший интересы России в Стокгольме консул, который, по сведениям генерал-лейтенанта Фредерикса, выдавал консульские свидетельства в связи с отсутствием документов у обратившихся к нему «без всякого разбора»⁴⁹.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 6. Д. 1. Л. 2–2 об.

⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 4. Л. 1–1 об.

⁴⁷ Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 4–4 об.

⁴⁸ Там же. Л. 12.

⁴⁹ Там же. Л. 15.

Роль Швеции в содействии германо-австрийскому шпионажу достаточно показательно раскрывается в секретном циркуляре от 5 октября 1914 г., направленном начальникам отделений жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог. В данном документе сообщалось, что Дания, «питая в отношении наций Тройственного союза и согласия и особенно России самое благонамеренное доброжелательство», арестовала и выслала со своей территории провокаторов, которые направлялись германским правительством в Финляндию, чтобы «поселить в крае смуту и восстание против Империи». Вместе с этим генерал Ю.Э. Фрейберг, упомянув, что «отношение шведского нейтралитета к России не особенно добродушно», признал возможным допустить мысль, что немецкие агенты могут получить от шведов помощь в виде подлогов национальных и судовых паспортов, вследствие чего он предполагал в скором времени их появления в зоне ответственности подчиненной ему жандармской части⁵⁰.

Шпионаж в пользу государств-противников в годы Первой мировой войны нередко прикрывался оригинальным легендированием – созданием в восприятии окружающих ложного представления об истинных целях и деятельности лица, выполнявшего задачу по сбору сведений. Так, например, железнодорожные жандармы в Финляндии были ориентированы на задержание некоторых представителей творческих профессий (в делопроизводстве железнодорожной полиции обнаружены циркуляры о розыске певиц, иллюзионистов, цирковых артистов), которые, пользуясь большими возможностями заводить знакомства, шпионили в пользу Германии⁵¹.

Жандармские чины, несшие службу в пределах железных дорог Финляндии, не только участвовали в противодействии шпионам противника, но и содействовали русской военной разведке. Во многие города Финляндии были командированы военные разведчики, передававшие добытые за границей сведения командиру 22 армейского корпуса. В случае обращения к железнодорожным жандармам военных разведчиков (в циркуляре оговаривалось, что они могли быть одеты в гражданское платье) полицейским надлежало принимать сведения в запечатанных конвертах и с унтер-офицерами от пункта до пункта передавать их в канцелярию жандармского железнодорожного отделения для последующей пересылки в 22 армейский корпус⁵².

Из-за скудости сведений, их секретности трудно судить о степени успешности контрразведывательной деятельности жандармской полиции. Однако очевидно, что она затрудняла проникновение иностранных агентов в пределы империи, препятствовала сбору военной информации.

Выводы

Деятельность жандармской полиции на железных дорогах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны осуществлялась в сложных социально-политических условиях национальной окраины, в которой набирали силу сепаратистские тенденции. Непоследовательная государственная политика Российской империи в выстраивании отношений с автономией, резкий переход от поиска компромиссов к усиленной русификации и сокращению политической самостоятельности Финляндии вызвали неприятие широких слоев финского населения представителей центральной власти, становились почвой для проявлений германофильства.

В период военного времени повседневные задачи жандармской полиции на железных дорогах Финляндии приобрели второстепенный характер. Жандармерия

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 495. Оп. 6. Д. 1. Л. 28.

⁵¹ Там же. Ф. 75. Оп. 1. Д. 365. Л.2–2 об., 4–4 об.

⁵² Там же. Ф. 495. Оп. 3. Д. 2.Л. 2–2 об.

осуществляла поиск сведений о возможных диверсионных акциях, угрозе вторжения со стороны Швеции. Перемещение значительного количества пассажиров по рельсовым дорогам создавало условия для их превращения в объект антивоенной и революционной агитации. Железнодорожные полицейские вели розыск провокаторов и пропагандистов, принимая, таким образом, непосредственное участие в идейно-политическом противоборстве с враждебными Империи силами.

Важным направлением деятельности жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог являлась контрразведывательная деятельность, проводившаяся по двум основным направлениям: установление возможной причастности к шпионажу лиц, въезжающих в Российскую империю из Швеции, а также выявление на объектах железнодорожной инфраструктуры и сопровождение известных полиции агентов, чье пребывание искусно маскировалось противником.

Распространение сепаратизма и близость использовавшейся противником в качестве опорного пункта для засылки агентов Швеции определяли повышенную сложность выполнения задач жандармской полицией на железных дорогах Финляндии в годы Первой мировой войны, придавали их службе стратегическое значение.

Анализ источников свидетельствует, что жандармской полиции региона удалось предотвратить крупные диверсии на железных дорогах Финляндии. Жандармская железнодорожная полиция вела результативную борьбу с контрабандой и воровством. Однако успешность мер, направленных на пресечение сепаратизма и проникновения вражеских шпионов вглубь страны, зависела не столько от нее, сколько от политики центра и развертывания событий на фронтах войны. Железнодорожная жандармерия как инструмент имперской политики России соответствовала своему времени, но глубина политического кризиса, слабость центральной власти не позволяли преодолеть тенденции сепаратизма.

Поступила в редакцию / Submitted: 02.04.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 12.05.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 01.06.2023

References

- Aksenenko, N.E., Lyapidus, B.M., and Misharin, A.S. *Zhelezyne dorogi Rossii: ot reformy k reforme* [Railways of Russia: from reform to reform]. Moscow: Transport Publ., 2001 (in Russian).
- Bakhturina, A.Y. *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoi Mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [The Outskirts of the Russian Empire: Public administration and national policy during the First World War (1914–1917)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004 (in Russian).
- Borodkin, M.M. *Iz noveishei istorii Finlyandii: vremia upravleniia N.I. Bobrikova* [From the modern history of Finland: the time of N.I. Bobrikov's Administration]. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1905 (in Russian).
- Jussila, O. Khentilya, S., and Nevakivi, Yu. *Politicheskaia istoriia Finliandii 1809–2009* [Political History of Finland 1809–2009]. Moscow: Ves' mir Publ., 2010 (in Russian).
- Kuzmitsky, V.V. "Istoricheskii opyt deiatel'nosti transportnoi politzii v XIX veke. Istoriiia Vostochno-Sibirskoi transportnoi politzii [Historical experience of the transport police in the XIX century. History of the East Siberian Transport Police]." In *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The activity of law enforcement agencies in modern conditions: Materials of the International Scientific and Practical Conference], 310–324. Irkutsk: Vostochno-Sibirskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii Publ., 2012 (in Russian).
- Litvinov, V.P. "Zheleznodorozhnaia politziia v tsarskoi Rossii: Tashkentskoe napravlenie (pravovoi aspekt) [Railway police in Tsarist Russia: Tashkent direction (legal aspect)]." *Vestnik of the Kyrgyz-Russian Slavic University*, no. 4(2016): 8–11 (in Russian).
- Lyalina, M.A. *Ocherki istorii Finliandii ot drevneishikh vremen do nachala XX stoletii SPb.: Komissioner voenno-uchebnykh zavedenii* [Essays on the history of Finland from ancient times to

- the beginning of the XX century]. St. Petersburg: Komissioner voenno-uchebnykh zavedenii Publ., 1908 (in Russian).
- Mainander, H. *Istoriia Finliandii. Linii, struktury, perelomnye momenty* [History of Finland. Lines, structures, turning points]. Moscow: Ves' mir Publ., 2008 (in Russian).
- Mamleeva, D.R., Morin, A.V. "On the issue of improving the activities of the transport police of Russia in the conditions of modernization in the second half of the XIX century." *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 9 (2017): 109–110 (in Russian).
- Mamleeva, D.R. "Osnovnye napravleniia deiatel'nosti sluzhby politsii na transporte v sfere protivodeistviia prestupnosti (istoriko-pravovoi aspekt) [The main activities of the police service on transport in the field of combating crime (historical and legal aspect)]." *Biznes v zakone*, no. 4 (2008): 236–238 (in Russian).
- Nikonov, K.O. "Historical experience of the formation of the gendarmerie police department of the Chinese-Eastern Railway at the beginning of the XX century." *Klio*, no. 6 (2020): 84–90 (in Russian).
- Pravilova, E.A. *Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsional'nykh okrainakh. 1801–1917* [Money and power in Russian politics on the national outskirts. 1801–1917]. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2006 (in Russian).
- Ryzhova, Yu. *Zhandarmskie politseiskie upravleniia zheleznikh dorog v sisteme obespecheniia transportnoi bezopasnosti Rossiiskoi imperii* [Gendarmerie police departments of railways in the system of ensuring transport security of the Russian Empire]. Moscow: Prospekt Publ., 2020 (in Russian).
- Wolfov, A. *Istoriia zheleznikh dorog Rossiiskoi imperii* [History of railways of the Russian Empire]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2016 (in Russian).
- Zolotarev, V.A., ed. *Evropa i Rossiia v ogne Pervoi mirovoi voiny. K 100-letiiu nachala voiny* [Europe and Russia in the fire of the First World War. To the 100th anniversary of the beginning of the war]. Moscow: INES, RUBIN Publ., 2014 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Петр Александрович Колпаков, канд. истор. наук, старший преподаватель кафедры истории России, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; kolpakov-pa@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1600-9937>

Petr A. Kolpakov, PhD in Hist., Senior lecturer of the Department of Russian History, RUDN University, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; kolpakov-pa@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1600-9937>

Рафаэль Амирович Арсланов, д-р истор. наук, профессор кафедры истории России, Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; arslanov-ra@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-7917>

Rafael A. Arslanov, Dr. Habil. Hist., Professor of the Russian History Department, RUDN University; 6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia; arslanov-ra@rudn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-7917>